

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2021. Т. 43, № 8

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 8

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- Т. П. ЛЁННГРЕН**
д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- Т. РУСЕН**
д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 8

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute
of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University
for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor,
Petrozavodsk State University, President
of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy
of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University
(Tokyo, Japan)
- T. LÖNNGREN**
Doctor of Philosophy, Professor, UiT –
The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member,
Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician,
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- TH. ROSÉN**
Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian
Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State
Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk
State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State
University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical
University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŪNTHAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University
of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University
of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State
University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg
State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University
of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic
University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State
Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science
Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University
“Higher School of Economics” (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University
of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Джиошвили Э. А.</i>	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ			
<i>Просолова Е. В.</i>			
Кинопропаганда в системе государственного аппарата США на начальном этапе холодной войны	8	Дискуссии	
<i>Щербакова М. Е.</i>		<i>Ефимова В. В.</i>	
Распад СССР: отражение в китайской кинопублицистике.	15	О причинах и последствиях конфликта губернатора А. А. Филофова с губернскими чиновниками	87
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		<i>Савицкий И. В.</i>	
<i>Кривоноженко А. Ф.</i>		Чиновник – это звучит гордо? К коммуникативным аспектам истории чиновничества середины XIX века.	98
Гражданские пленные в Олонецкой губернии в период Первой мировой войны	21	<i>Ваара П.</i>	
<i>Куренков Г. А.</i>		От «племенных войн» до Тартуского мирного договора и Карельской трудовой коммуны	107
Защита экономической тайны и Главлит в 1947 году. .	30	Рецензии	
<i>Репухова О. Ю., Малышко А. А.</i>		<i>Казакова К. С.</i>	
Разработка системы мобилизационного планирования железнодорожного транспорта на северо-западе СССР.	39	Рец. на кн.: Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера.	114
<i>Филлимончик С. Н.</i>		<i>Умнов В. П.</i>	
Становление высшей школы в Карелии в 1930-е годы	46	Рец. на кн.: Калинина Е. А. От военно-физкультурной кафедры к Институту физической культуры, спорта и туризма (Исторический очерк)	117
<i>Сушко Е. О.</i>		Юбилей	
«Под пятой интервентов», или Неудачная попытка освоения хибинских горных ресурсов британцами	56	К 75-летию со дня рождения П. М. Зайкова	119
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ		Научная информация	
<i>Каракин Е. В., Пашкова Т. В.</i>		<i>Пашков А. М.</i>	
Синантропные насекомые в карельской народной традиции.	64	Международная конференция «Граница Ништадтского мира – Линия Петра Великого»	121
<i>Змеева О. В.</i>		Contents	124
Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 1. Этнические группы – акторы социальной системы	70		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор А. Б. Соболева. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.11.2021. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 55 экз.). Изд. № 166

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
доцент ПетрГУ
А. В. Антощенко

Alexander V. Antoshchenko,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Associate
Professor, Petrozavodsk State
University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Настоящий номер журнала отражает современные тренды в развитии исторического познания. Раздел «Всеобщая история» включает статьи, написанные с учетом «визуального поворота» в историографии: Е. В. Просоловой об изменении в США роли кинопропаганды в идеологическом противостоянии в начальный период холодной войны, М. Е. Щербаковой об осмыслении в китайской кинодокументалистике распада СССР и о тех уроках, которые из него стремятся вынести политическое руководство КНР.

В статьях по отечественной истории легко заметить влияние антропологизации изучения военной истории, в частности – рассмотрение влияния войн и военного фактора в мирное время на гражданское население и отрасли хозяйства, будь то подданные вражеских государств, ставшие в одночасье «гражданскими пленными» на территории Олонецкой губернии после начала Первой мировой войны (А. Ф. Кривоноженко), попытки геологоразведочных работ в Хибинах британскими интервентами в годы Гражданской войны на Севере России (Е. О. Сушко) или влияние мобилизационных планов советского руководства на восстановление и совершенствование железнодорожных коммуникаций в регионе (О. Ю. Репухова, А. А. Малышко), наконец, защита экономической тайны в начале холодной войны (Г. А. Куренков). В статье С. Н. Филимончик разносторонне охарактеризован процесс становления высшей школы в Карелии и его социальные последствия.

В этнографическом разделе выпуска показаны важные этнокультурные явления и события в регионе: формирование в языке, фольклоре и верованиях карельского народа представлений о синантропных насекомых и отношения к ним (Е. В. Каракин, Т. В. Пашкова), возникновение устойчивых типов взаимодействия различных этнических групп на Мурманстройке (О. В. Змеева), этнографические экспедиции А. М. Линевского в Карельское Поморье (Э. А. Джиошвили).

Дискуссионный характер материалов, представленных в статьях В. В. Ефимовой и И. В. Савицкого, не снижает эффективности использования коммуникативного подхода и исследовательских принципов конфликтологии при изучении истории местного чиновничества. П. Ваара обсуждает спорные оценки характера и последствий военных действий в регионе, приведших к заключению Тартуского мира в 1920 году.

Юбилейные материалы, публикуемые в связи с 75-летием известного филолога, профессора П. М. Зайкова, дают яркое представление о его заслугах в изучении карельского языка.

ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА ПРОСОЛОВА

аспирант кафедры истории России исторического факультета Таврической академии
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-3937-3851; katerina.prosolova@mail.ru

КИНОПРОПАГАНДА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА США НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Развитие американского послевоенного пропагандистского аппарата является одним из наиболее актуальных вопросов изучения холодной войны. Однако несмотря на это проблематика, связанная с системным использованием кинематографа в качестве средства идеологического влияния в указанный период, практически не получила освещения. В статье впервые предпринимается попытка рассмотреть место и роль кинопропаганды в механизме пропагандистской деятельности при администрациях Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра. Для этого устанавливаются основные этапы развития пропагандистского аппарата США, дается их характеристика. Исследуется работа Информационного агентства США, связи и взаимоотношения представителей ЦРУ с голливудскими кинематографистами. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об эволюции механизмов пропагандистского влияния в США к концу 1950-х годов, а также о становлении кинопропаганды в качестве одного из основных инструментов идеологической борьбы во время холодной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : холодная война, пропаганда, кинематограф, Информационное агентство США, идеологическое противостояние

Д л я ц и т и р о в а н и я : Просолова Е. В. Кинопропаганда в системе государственного аппарата США на начальном этапе холодной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.687

ВВЕДЕНИЕ

Конфронтация между СССР и США как глобальное противостояние ознаменовала собой период длительной идеологической борьбы в рамках биполярного мира. Исследуя холодную войну, Г. Г. Почепцов характеризует ее как интенсивное, решающее стратегические цели и ведущееся в чужом информационном пространстве эквивалентное противодействие, отличающееся своей многоканальностью, при которой особое внимание уделяется культуре [7: 473]. Действительно, важность использования культуры и искусства как инструментов информационной борьбы и пропаганды во всех типах войн не подлежит сомнению. Между тем развитие искусства и появление новых его видов закономерно привело к эволюции форм и методов воздействия на общественное сознание. Так, кинематограф, уже продемонстрировавший эффективность своего влияния на аудиторию в период Второй мировой войны, в послевоенную эпоху стал одним из важнейших средств достижения пропагандистских целей. Как и другие инструменты идеологического влияния и контроля,

американская кинопропаганда обрела новые организационные формы, а также принципиально иное содержание. Этому способствовала реорганизация государственного пропагандистского аппарата США, а также активное внедрение новых методов борьбы с идеологическим противником – СССР. Именно начальный период холодной войны, ознаменовавший собой поиск более эффективных средств пропагандистского влияния администрациями Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра, заложил основы для дальнейшего конфронтационного противостояния.

Развитие методов ведения информационно-психологической борьбы активно рассматривается как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Эти исследования можно разделить на несколько направлений. В первую очередь следует отметить труды, посвященные системе обеспечения идеологического влияния США внутри страны и за ее пределами в контексте трансформации советско-американских отношений, – это монографии П. Шарпа [12], А. В. Валюженича [4], К. Осгуда [11], С. Ю. Шенина [9], С. Н. Мирошникова [6], Н. Н. Бонцевича [3]. Од-

нако указанные работы, рассматривая механизмы функционирования американского пропагандистского аппарата, практически не уделяют внимания кинематографу как одному из важнейших составляющих идеологического влияния. Вторая группа исследований посвящена исключительно взаимодействию государственных структур с представителями кинематографического сообщества. Так, в работах Ф. Сондерс [8], С. Уилметтса [14], М. Фитцджеральд [15] рассматриваются история создания кинофильмов, принципы работы голливудских кинематографистов, однако недостаточно внимания уделяется конкретным внешнеполитическим причинам появления и развития конфронтационного кинематографа. Таким образом, вопросы, связанные с эксплуатацией кинопродукции как одного из инструментов американского пропагандистского аппарата, практически не получили освещения. Целью нашей работы является изучение кинематографа как средства внешне- и внутриполитической пропаганды при администрациях Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра. Для достижения заданной цели представляется необходимым выявить основные этапы развития пропагандистского аппарата США, охарактеризовать место и роль кинематографа в его структуре, а также исследовать влияние Информационного агентства США и ЦРУ на формирование методов и приемов кинопропаганды.

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОПАГАНДИСТСКОГО АППАРАТА США

Методика ведения пропаганды, являясь важнейшим средством идеологической борьбы, с конца 1940-х и до середины 1950-х годов пережила эволюцию. Хронологически данный процесс можно разделить на несколько этапов. Первый этап адаптации под изменяющуюся мировую систему в условиях холодной войны длился с 1947 по 1950 год. Активная трансформация информационно-психологической составляющей внешней политики в этот период была непосредственно связана со строительством послевоенного нового мирового порядка, которое требовало от руководства США использования широкого спектра внешнеполитических инструментов, в том числе и пропаганды [9: 356]. Это способствовало восстановлению некоторых институтов, отвечавших в период Второй мировой войны за ведение пропаганды (в 1947 году на основе Управления стратегических служб создано Центральное разведывательное управление США – ЦРУ), и созданию в том же году Совета национальной безопасности. Таким образом,

тактика ведения антисоветской пропаганды со стороны государственного аппарата США была выработана уже к концу 1940-х годов. Безусловно, она соотносилась со сведениями касательно внешнеполитического курса СССР на ближайшие годы. Так, в отчете 1949 года утверждалось, что в СССР не собираются прибегать к военным действиям в ближайшем будущем, что не умаляет необходимости долгосрочного планирования американского внешнеполитического курса¹. Тем не менее усилий администрации Г. Трумэна для полномасштабного пропагандистского наступления оказалось недостаточно. Как отмечает С. Н. Мирошников, изменение ситуации в странах Восточной Европы в 1948–1949 годах, события в Китае, испытание Советским Союзом ядерной бомбы привели к пересмотру всей стратегии внешней политики [6: 57]. «Кампания правды», провозглашенная 20 апреля 1950 года Трумэном в рамках обращения к американскому Обществу редакторов газет, стала началом второго этапа развития пропагандистского аппарата. Основой, заложившей ее принципы, стала директива СНБ-68, открыто признававшая первоочередную важность пропагандистской борьбы, которая «принимает мировые масштабы»².

Уже на первых двух этапах становления американской пропагандистской машины одним из главных средств формирования идеологической борьбы был выбран именно кинематограф, крайне эффективный ввиду своей эмоционально-образной составляющей, способной быстро донести до зрителя уже выработанные стереотипы [1: 90]. Более того, как подчеркивалось в исследовании Государственного департамента за 1951 год,

«в слаборазвитых странах и среди аудитории с ограниченной грамотностью, а также среди промышленных рабочих, фермеров и молодежи в более развитых странах кинофильмы являются основным средством укрепления доверия, выявления угрозы агрессии и борьбы с тенденциями к нейтралитету»³.

Однако механизмы пропагандистской работы в данной области на тот момент были еще далеки от совершенства. Программа выпуска художественных и документальных фильмов страдала из-за отсутствия специалистов. Так, в августе 1951 года отмечалось, что

«эффективному функционированию программы препятствует трудность найма персонала в высококвалифицированных областях, особенно в кинопроизводстве и техническом радиопроизводстве»⁴.

Кроме того, разветвление пропагандистского аппарата привело к хаосу, в условиях которого организации тратили столько же времени на борьбу друг с другом, сколько и на борьбу

с коммунизмом [11: 43]. Неудачи ведения пропагандистской деятельности в этот период ярко иллюстрирует отчет Совета по психологической стратегии за 1953 год, сообщающий, что

«падение престижа США началось примерно три года назад и ускорилось во второй половине 1952 года, а в некоторых странах <Европы> в настоящее время находится на послевоенном минимуме или близком к нему»⁵.

Итак, тактические новшества, используемые в «Кампании правды» Трумэна, были нивелированы ее откровенно агрессивным антикоммунистическим характером, который вызывал серьезную критику в Соединенных Штатах [4: 62]. Однако ситуация резко меняется после выборов 1952 года. Приход к власти Д. Эйзенхауэра способствовал окончательному формированию эффективной модели пропагандистской работы, что было ознаменовано созданием 1 августа 1953 года Информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА). Можно утверждать, что только с этого момента антисоветская пропаганда в США приобретает тот масштаб, который будет свойственен ей на протяжении всей холодной войны.

ЮСИА НА СЛУЖБЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Создание ЮСИА по образцу, рекомендованному Президентским комитетом по международной информационной деятельности (Комитет Джексона), решило две важнейшие задачи. Во-первых, благодаря нововведениям администрации Д. Эйзенхауэра пропагандистская стратегия стала более централизованной, что позволило развернуть новые глобальные кампании, начало которым было положено после произнесенных речей президента «Шанс на мир» и «Атом для мира» [13: 270]. Во-вторых, разрешение противоречий между ведомствами способствовало созданию единого курса, выразившегося в отказе от агрессивной «Кампании правды». Однако, несмотря на такую трансформацию, организационная основа кинопропаганды осталась неизменной. В частности, ЮСИА унаследовало от своего предшественника, Администрации международной информации, принцип производства кинохроники «на местах, особенно в приоритетных странах»⁶. Следует отметить, что на протяжении всего срока президентства Д. Эйзенхауэра, как справедливо отмечает Л. Г. Дадян, в приоритете оставались страны Восточной Европы, в которых предпочтение отдавалось пропаганде и моральной поддержке «порабощенных народов» [5: 88]. Однако уже

к 1954 году фильмы производства Информационного агентства США создавались и распространялись также в странах Латинской Америки, Ближнего Востока, Азии и Африки, на Дальнем Востоке, в Западной Европе⁷.

Примечательно и то, что в середине 1950-х годов художественный кинематограф был важным, но все же вспомогательным средством внешнеполитической пропаганды. Это объясняется в первую очередь затратами на производство, а также необходимостью поиска местных актеров и режиссеров. Документальный формат, напротив, позволял сэкономить время и сократить производственный бюджет, а также, что крайне важно в контексте пропаганды 1950-х годов, оперативно реагировать на происшедшие события. Кроме того, как отмечает Ф. Сондерс, к концу Второй мировой войны США еще не имели такого громадного опыта использования культуры в качестве орудия политической пропаганды, как СССР [8: 18]. Действительно, «Броненосец Потемкин» С. Эйзенштейна, вышедший на экран в 1925 году и считающийся одним из самых успешных пропагандистских фильмов всех времен, задал крайне высокий стандарт для использования технических и эмоционально-образных средств идеологического влияния на аудиторию. Тем не менее послевоенная эпоха советского «малокартинья» тормозила выпуск антиамериканского конфронтационного кино, что дало время кинопропаганде США на развитие форм и методов ведения борьбы за умы. Уже к концу 1940-х годов у американских кинематографистов был достаточный багаж знаний для создания качественного и выверенного идеологического кинопродукта. В соответствии с этим своеобразная форма эскапизма, которой являлся для большинства зрителей просмотр новинок кино, в послевоенное десятилетие превратилась в способ познания реальности [14: 69–70]. Совершенствование методов и приемов режиссуры, работы операторов и монтажеров, появление нового технического оборудования позволяло наращивать темпы производства кинофильмов, оперативно создавая сюжеты, которые были бы способны вызвать у зрителя живой эмоциональный отклик. При этом работа ЮСИА заключалась не только в отражении мировых событий в выгодном для внешнеполитического курса США свете и демонстрации актуальных для местного населения проблем, но и создании позитивного образа Соединенных Штатов. Об успехах такой деятельности уже на ранних этапах существования Информационного агентства свидетельству-

ет инструкция Госдепартамента в посольство в Польше:

«В депеше 167 от 15 ноября 1955 г. сообщалось, что поляки заинтересованы в демонстрации “Живой пустыни” – предложение, которое было надлежащим образом передано корпорации Уолта Диснея в Нью-Йорке. О любых запросах подобного рода в будущем следует информировать Департамент...»⁸.

Таким образом, на протяжении второй половины 1950-х годов ЮСИА успешно справлялось с возложенными на него задачами. Однако деятельность Агентства регулировалась законом Смита – Мундта, в соответствии с которым практика распространения информации о программах ЮСИА на территории Соединенных Штатов рассматривалась как сомнительная⁹. Соответственно, антисоветская пропаганда внутри страны требовала иных механизмов создания и распространения.

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА: ЦРУ И ГОЛЛИВУД

Анализ работы внутриполитической пропаганды представляет собой более обширную задачу. С одной стороны, к концу 1950-х годов результатом этой работы явилась серия антикоммунистических фильмов, созданных для американского зрителя, с другой – остается дискуссионным вопрос о механизмах и формах влияния на кинообщество со стороны государства. Безусловно, на первом этапе холодной войны политики и многие представители кинематографического сообщества признавали необходимость создания пропагандистских фильмов и их распространения на территории США. Однако базовые принципы работы государственного аппарата администрации Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра предполагали транслирование духовных и материальных ценностей через кинематограф в виде художественных приемов и завуалированных посланий, благодаря чему подчеркивалась непричастность правительства к пропагандистской деятельности внутри страны. Это обуславливалось в первую очередь неодобрением методов психологической войны большинством американцев [3: 365]. Тем не менее создание кинофильмов в этот период предусматривало как внутренний, так и внешний контроль. Так, если образы представителей ФБР на американских экранах появлялись достаточно часто («Курс на восточный маяк!», 1952 и «История агента ФБР», 1959), то деятельность ЦРУ ни в документальных, ни в художественных фильмах не освещалась. По мнению С. Уилметса, подобный подход также преследовал кон-

кретную цель: отсутствие художественных образов ЦРУ в кинематографе 1950-х годов создавало впечатление, что агрессивный шпионаж был исключительно прерогативой Советского Союза, но не американских спецслужб за границей [14: 130].

Более сложным представляется вопрос о действии голливудских кинематографистов в создании антикоммунистической пропаганды. Ф. Сондерс утверждает, что с момента организации ЦРУ Голливуд фактически стал марионеткой государства, тотально контролировавшего большую часть культурной индустрии [8: 245]. Другие исследователи, подтверждая невозможность выпуска в 1950-х годах в Голливуде фильма, критикующего внешнеполитический курс США или отдельные государственные ведомства, тем не менее склоняются к мнению, что взаимоотношения ЦРУ и Голливуда строились на добровольном сотрудничестве, продиктованном в том числе и личными идеологическими взглядами [14: 139]. Второе утверждение представляется более убедительным по ряду причин. Ужесточение государственной культурной политики США в связи с началом холодной войны и развитие «маккартизма» действительно полностью политизировали систему кинопроизводства Голливуда. С 1953 года при студиях появляются люди, поддерживающие тесные связи с Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Так, на студии «Metro-Goldwyn-Mayer» работу по контролю за сотрудниками выполнял Л. К. Сидней, на «Columbia Pictures» – Б. Б. Кахане [10: 504]. Кроме того, отсутствие абсолютной свободы творчества также подтверждается самой системой американского кинопроизводства, характеризовавшейся на тот период наличием мейджоров и не предполагавшей выход независимых кинопроизводителей на массового зрителя. Поэтому, принимая во внимание специфическую модель создания и проката голливудской продукции, нельзя говорить о полной независимости киностудий от государственного аппарата США, как невозможно утверждать и об абсолютной аполитичности Голливуда [2: 149]. Однако, с другой стороны, именно наличие крупных киностудий подтверждает предположение о том, что сотрудничество большинства кинематографистов с государственными ведомствами было добровольным. Некоторые из них, уже успевшие поработать в период Второй мировой войны над созданием документальных фильмов под руководством Управления стратегических служб, не желали порывать связи с правительственными структурами. Наиболее

яркими примерами таких деятелей являются Д. Занук – один из отцов-основателей компании «20th Century Pictures» и киномагнат С. Скурас, поддерживающие тесные рабочие отношения с администрацией Д. Эйзенхауэра [15: 374]. Однако фильмы антикоммунистической направленности выпускались не только компанией «20th Century Pictures», которая создала такие образцы антикоммунистической пропаганды, как «Человек на канате» и «Происшествие на Саут-стрит» 1953 года. К числу студий, снимавших в период 1949–1958 годов конфронтационные фильмы, относятся «United Artists» («Пуля для Джои», 1955 и «Создатели страха», 1958); «Metro-Goldwyn-Mayer» («Красный Дунай», 1949); «RKO Pictures» («Женщина на пирсе 13», 1949 и «Пилот реактивного самолета», 1953); «Paramount Pictures» («Мой сын Джон», 1952); «Warner Brothers» («Я был коммунистом для ФБР», 1951); «Columbia Pictures» («Вторжение в США», 1952). Концепция ведения американской пропаганды в данных кинопродуктах сводилась к созданию дуалистической системы, согласно которой США отводилась роль «добра», а СССР – «зла», что позволило легитимизировать демонизацию коммунизма [12: 90]. Эффективность подобной стратегии подтверждается тем, что все вышеперечисленные картины имели большой успех в прокате. Это позволяет сделать вывод не только об активной поддержке кинематографистами внешнеполитического американского курса, но и о прямой эксплуатации Голливудом тем, актуальных в контексте идеологического противостояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс развития американской пропаганды в кинематографе на первом этапе холодной войны напрямую связан с эволюцией всего пропагандистского аппарата США. При этом важно разделять механизмы обеспечения производства кинопропаганды в Соединенных Штатах

и за их пределами. Анализ голливудской кинопродукции за рассматриваемый период позволяет сделать вывод о том, что успешная кооперация представителей государственного аппарата и кинообщества наблюдалась уже с конца 1940-х годов при администрации Г. Трумэна. При этом принцип добровольного сотрудничества голливудских кинодеятелей с властями подтверждается не только количеством выпускаемых фильмов антикоммунистической направленности, но и оперативностью их создания. Можно утверждать, что именно начальный период идеологической конфронтации позволил выявить все преимущества использования голливудских художественных фильмов для повсеместного влияния на общественное мнение и трансляции идеологических установок. Принципиально иной эволюционный путь развития с 1947 по конец 1950-х годов прошла кинопропаганда, направленная на распространение за границей. Ряд неудач, связанных с излишне активным и прямолинейным давлением американской пропаганды, распространяемой за пределами Соединенных Штатов, в 1952 году вынудил администрацию Д. Эйзенхауэра пересмотреть принципы работы на данном участке идеологического фронта. Тем не менее период длительного поиска эффективных средств идеологической борьбы в условиях биполярного мира оправдал себя в полной мере созданием ЮСИА. Информационное агентство, в отличие от голливудского сообщества, использовало иные, однако не менее успешные принципы работы с кинопропагандой, увеличивая масштабы ее распространения. Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что равноценный вклад администраций Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра в разработку эффективно функционирующего пропагандистского аппарата способствовал становлению кинопропаганды в виде одного из основных средств идеологической борьбы в последующие периоды холодной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Foreign Relations of the United States, 1949, Eastern Europe; the Soviet Union, Volume V, Document 349. (05.04.1949) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/d349/> (дата обращения 21.02.2021). Здесь и далее перевод автора статьи.
- ² National Security Council Report, NSC-68, “United States Objectives and Programs for National Security” (14.04.1950) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116191.pdf?v=2699956db534c1821edefa61b8c13ffe/> (дата обращения 24.02.2021).
- ³ Foreign Relations of the United States, 1951, National Security Affairs; Foreign Economic Policy, Volume I, Document 332. (12.10.1951) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d332/> (дата обращения 21.02.2021).
- ⁴ Foreign Relations of the United States, 1951, National Security Affairs; Foreign Economic Policy, Volume I, Document 328. (08.08.1951) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v01/d328/> (дата обращения 21.02.2021).

- ⁵ Foreign Relations of the United States, 1952–1954, General: Economic and Political Matters, Volume I, Part 2, Document 223. (11.09.1953) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v01p2/d223/> (дата обращения 21.02.2021).
- ⁶ Foreign Relations of the United States, 1950–1955, The Intelligence Community, 1950–1955, Document 69 (24.05.1951) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950-55Intel/d69/> (дата обращения 21.02.2021).
- ⁷ Foreign Relations of the United States, 1952–1954, National Security Affairs, Volume II, Part 2, Document 366 (18.08.1954) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v02p2/d366/> (дата обращения 21.02.2021).
- ⁸ Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Eastern Europe, Volume XXV, Document 51 (28.03.1956) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1955-57v25/d51/> (дата обращения 21.02.2021).
- ⁹ US Information and Educational Exchange Act of 1948 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.usagm.gov/who-we-are/oversight/legislation/smith-mundt/> (дата обращения 21.02.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базаев К. В. Возможности кинематографа в реализации информационного противоборства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. № 2 (13). С. 88–92.
2. Баркова Е. Д. История отношений Голливуда и Белого Дома: вечный конфликт интересов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. № 3. С. 149–154.
3. Бонцевич Н. Н. Институционализация публичной дипломатии в США в правление администрации Г. Трумэна // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2017. № 3 (17). С. 364–369. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-364-369
4. Валюженич А. В. Внешнеполитическая пропаганда США. М.: Международные отношения, 1973. 213 с.
5. Дадян Л. Г. Конгресс США и концепция «освобождения Европы»: 1950-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 83–90. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-83-90
6. Ми ро ш н и к о в С. Н. Перестройка администрацией Д. Эйзенхауэра механизма проведения информационно-психологической борьбы со странами социалистического лагеря // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 4 (30). С. 54–59.
7. Почепцов Г. Г. Психологические войны. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. 528 с.
8. Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств. Культурный фронт холодной войны. М.: Институт внешнеполитических исследований: Кучково поле, 2013. 416 с.
9. Шенин С. Ю. Эволюция американской политики помощи в период президентства Д. Эйзенхауэра // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, № 3. С. 356–360. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-356-360>
10. C a u t e D. The great fear: The anti-communist purge under Truman and Eisenhower. New York: Simon and Schuster, 1978. 697 p.
11. O s g o o d K. Total Cold War: Eisenhower's secret propaganda battle at home and abroad. Lawrence: University of Kansas, 2006. 506 p.
12. S h a r p J. P. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000. 232 p.
13. S h a w n J. P. - G. The Eisenhower administration's conceptualization of the USIA: The development of overt and covert propaganda strategies // Presidential Studies Quarterly. 1994. Vol. 24 (2). P. 263–276.
14. W i l l m e t t s S. In secrecy's shadow: The OSS and CIA in Hollywood cinema 1941–1979. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. 307 p.
15. F i t z G e r a l d M. R. «Adjuncts of government»: Darryl F. Zanuck and 20th Century-Fox in service to the executive branch, 1935–1971 // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2016. Vol. 3 (36). P. 373–391.

Поступила в редакцию 09.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Ekaterina V. Prosolova, Postgraduate Student, V. I. Vernadskiy
Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3937-3851; katerina.prosolova@mail.ru

**FILM PROPAGANDA IN THE US STATE APPARATUS
AT THE INITIAL STAGE OF THE COLD WAR**

Abstract. The development of the American post-war propaganda apparatus is one of the most pressing issues in the study of the Cold War. Despite this, however, the problems associated with the systemic use of cinema as a means

of ideological influence during this period received practically no coverage. The article is the first attempt to consider the place and role of film propaganda as a structural element in the system of the American propaganda mechanism under Harry Truman and Dwight Eisenhower. For this purpose the main stages in the development of the US propaganda apparatus are established and characterized. The work of the US Information Agency, the connections and relationships between the CIA representatives and Hollywood filmmakers are investigated. The analysis enables the author to draw the conclusion about the evolution of the propaganda influence mechanisms in the United States by the end of the 1950s, as well as about the formation of film propaganda as one of the main tools of the ideological Cold War struggle.

Key words: Cold War, propaganda, cinema, United States Information Agency, ideological confrontation

For citation: Prosolova, E. V. Film propaganda in the US state apparatus at the initial stage of the Cold War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.687

REFERENCES

1. Bazaev, K. V. Capabilities of cinematograph in realization of information confrontation. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2013;2(13):88–92. (In Russ.)
2. Barkova, E. D. The history of the relationship between Hollywood and the White House: an eternal conflict of interests. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2005;3:149–154. (In Russ.)
3. Bontsevich, N. N. The institutionalization of the United States' public diplomacy during President Truman's administration. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2017;3(17):364–369. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-3-364-369 (In Russ.)
4. Valyuzhenich, A. V. The US foreign policy propaganda. Moscow, 1973. 213 p. (In Russ.)
5. Dadyan, L. G. The United States Congress and the concept of Europe liberation: the 1950s. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*. 2020;1:83–90. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-83-90 (In Russ.)
6. Mirosnikov, S. N. Rebuilding of mechanisms of informational-psychological warfare with socialist bloc countries during Eisenhower's administration. *Tomsk State University Journal of History*. 2014;4(30):54–59. (In Russ.)
7. Pocheptsov, G. G. Psychological Wars. Moscow, Kiev, 2000. 528 p. (In Russ.)
8. Saunders, F. The cultural Cold War: the CIA and the world of arts and letters. Moscow, 2013. 416 p. (In Russ.)
9. Shenin, S. Yu. The American aid policy evolution during D. Eisenhower's presidency. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2019;19(3):356–360. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-356-360> (In Russ.)
10. Caute, D. The great fear: The anti-communist purge under Truman and Eisenhower. New York, 1978. 697 p.
11. Osgood, K. Total Cold War: Eisenhower's secret propaganda battle at home and abroad. Lawrence, 2006. 506 p.
12. Sharp, J. P. Condensing the Cold War: Reader's Digest and American identity. Minneapolis, 2000. 232 p.
13. Shawn, J. P. - G. The Eisenhower administration's conceptualization of the USIA: The development of overt and covert propaganda strategies. *Presidential Studies Quarterly*. 1994;24(2):263–276.
14. Willmetts S. In secrecy's shadow: The OSS and CIA in Hollywood cinema 1941–1979. Edinburgh, 2016. 307 p.
15. FitzGerald, M. R. "Adjuncts of government": Darryl F. Zanuck and 20th Century-Fox in service to the executive branch, 1935–1971. *Historical Journal of Film, Radio and Television*. 2016;3(36):373–391.

Received: 9 February, 2021; accepted: 28 June, 2021

МАРИЯ ЕВГЕНЬЕВНА ЩЕРБАКОВА

аспирант кафедры теории общественного развития стран
Азии и Африки Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
st043116@student.spbu.ru

РАСПАД СССР: ОТРАЖЕНИЕ В КИТАЙСКОЙ КИНОПУБЛИЦИСТИКЕ

А н н о т а ц и я . Руководство Китайской Народной Республики всегда уделяло большое внимание изучению опыта социалистических государств, и в особенности Советского Союза. В статье предпринимается попытка проанализировать китайские документальные фильмы о причинах распада СССР. Объектом изучения является китайская кинодокументалистика, и прежде всего кинолента «Нужно проявлять предусмотрительность и принимать меры предосторожности заблаговременно. Исторические уроки гибели КПСС» (居安思危: 苏共亡党的历史教训), которую по праву можно считать наиболее характерным и важным документальным сериалом, где сформулированы основные итоги изучения причин распада СССР. Предмет исследования – освещение причин распада Советского Союза в китайской кинопублицистике. Цель данной статьи – определить, все ли мнения китайских историков относительно этого события учитываются в китайских документальных кинолентах и свободны ли создатели фильмов в своем творчестве. Сделан вывод о том, что в китайских документальных кинолентах, посвященных причинам распада СССР, излагается лишь поддерживаемое руководством Коммунистической партии Китая мнение о том, что к гибели Советского государства привели в первую очередь внутривластные проблемы КПСС.

К л ю ч е в ы е с л о в а : китайская кинопублицистика, распад СССР, гибель КПСС, противостояние капиталистического и социалистического лагеря

Д л я ц и т и р о в а н и я : Щербакова М. Е. Распад СССР: отражение в китайской кинопублицистике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.688

ВВЕДЕНИЕ

В современном Китае самым серьезным образом изучается исторический опыт развития отношений наших стран и отдельные события из истории Советского Союза. Сегодня, в условиях построения «социализма с китайской спецификой» и укрепления руководящей роли КПК во всех сферах жизни китайского общества, в КНР активно исследуется позитивный и негативный опыт других социалистических государств, и в первую очередь бывшего СССР. Китайское руководство считает, что извлечение соответствующих уроков и формулирование надлежащих выводов поможет не допустить развития сходных проблем в КНР, а значит, способствует укреплению власти.

В год тридцатилетия распада СССР в настоящей статье предпринимается попытка проанализировать китайские документальные фильмы, рассматривающие причины распада Советского Союза. В качестве основного объекта исследова-

ния был избран восьмисерийный документальный фильм «Нужно проявлять предусмотрительность и принимать меры предосторожности заблаговременно. Исторические уроки гибели КПСС» (居安思危: 苏共亡党的历史教训), который можно считать наиболее характерным и важным документальным сериалом, где сформулированы основные итоги изучения распада СССР в китайской историографии и публицистике, принятые руководством КПК.

Целью статьи является поиск ответов на следующие вопросы: Отражены ли в данном фильме все мнения китайских ученых по вопросу распада СССР? Свободны ли создатели фильма в своем творчестве и формулировании выводов или при создании кинолент они сталкиваются с идеологическими ограничениями? Также в статье рассмотрены проблемы использования в КНР документального кинематографа в качестве способа информационного воздействия на широкие слои населения и укоренения в массовом созна-

нии надлежащих выводов о причинах распада СССР.

* * *

Следует отметить, что созданию вышеназванного фильма предшествовала серьезная подготовительная работа. В 2000 году в Академии общественных наук Китая под руководством ее вице-президента Ли Шэньмина был утвержден приоритетный научный проект «Подъем и падение КПСС и Советского Союза». Одним из результатов данного проекта стал выход в 2006 году публицистического фильма «Нужно проявлять предусмотрительность и принимать меры предосторожности заблаговременно. Исторические уроки гибели КПСС», подготовленного совместно с Всекитайским исследовательским обществом партийного строительства, издательством Центральной комиссии по проверке дисциплины «Чжунго фанчжэн», а также Цзилиньской издательской корпорацией. Фильм стал обязательным к просмотру во всех партийных школах Китая, а также неоднократно транслировался по общедоступным китайским телевизионным каналам. Кроме того, фильм выложен в свободном доступе в сети Интернет, и его можно посмотреть в том числе и за пределами Китая.

Бесспорно, не только китайское руководство прибегает к форме документального кино для информационного воздействия на население. Известные примеры можно найти также в истории других стран, в том числе Советского Союза. По мнению профессора А. А. Коробова, популярность метода создания документального кино по той или иной теме определяется его доступностью для широких слоев населения и выраженной способностью вызывать те или иные чувства:

«Как показывает практика, документальное кино способно воздействовать на зрителя в следующем ключе: информировать его (расширять его кругозор), убеждать, вызывать определенные чувства... Зрелищность документального кино (способность производить сильное визуальное впечатление) – это фактор, который, во-первых, обуславливает желание людей посмотреть (а в идеале – повторно посмотреть или даже пересмотреть по нескольку раз) предлагаемый фильм; во-вторых, “заряжает” зрителей множеством эмоций. А то обстоятельство, что посредством сильного эмоционального чувства, которое испытывают зрители во время просмотра кинокартины, у людей вырабатывается нужная система ценностей, взглядов, мировоззрения, делает зрелищность документального кино важным условием глубокого усвоения человеком транслируемой информации. Получается, зрелищность – важнейший компонент в представлении документального кино в качестве средства политической пропаганды» [2: 213].

Кроме того, выход китайской киноленты именно в 2006 году нельзя считать случайным. Как известно, 2006 год был объявлен Годом России в Китае, а 2007 год – Годом Китая в России. По этому поводу главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН Ю. М. Галенович в монографии «Взгляд на Россию из Китая» отмечал:

«Учитывая, что эти мероприятия [“перекрестных годов”] осуществлялись с китайской стороны под руководством ЦК КПК, то есть были следствием предварительно принятого в ЦК решения, можно было ожидать, что будет подготовлен ряд пропагандистских материалов, раскрывающих современный взгляд на Россию из Китая, представляющих собой современное толкование в КНР значения и уроков того, что произошло с СССР и КПСС. И такие материалы появились» [1: 7].

Каждая из восьми серий рассматриваемого фильма посвящена отдельному аспекту внутрипартийной жизни КПСС в контексте распада Советского Союза:

1. «История подъема и гибели КПСС».
2. «Основные теоретические и руководящие принципы КПСС».
3. «Идеологическая работа КПСС».
4. «Партийный стиль КПСС».
5. «Партийная верхушка КПСС».
6. «Организационная работа КПСС».
7. «Руководство КПСС».
8. «Ответ КПСС на стратегию вестернизации и разложения, осуществлявшуюся Западом».

Этот документальный сериал представляет собой довольно подробное изложение истории КПСС и Советского Союза с активным использованием кадров советской хроники. Примечательно, что сопроводительный текст, озвучиваемый диктором, был подготовлен коллективом авторов во главе с Ли Шэньмином и неоднократно публиковался в Китае отдельно от фильма [6].

Не последняя роль в киноленте отведена музыкальному сопровождению. Для того чтобы передать настроение повествования, создатели используют известные советские мелодии, военные песни и даже саундтреки к современным американским блокбастерам. Это еще один канал воздействия на зрителя – слуховой. В статье «Китайский взгляд на всемирную историю. Размышления в связи с выходом в свет монографии Готелинд Мюллер “Документальные сериалы, мировая история и государственная власть в КНР”» профессор СПбГУ Н. А. Самойлов подробно останавливается на звуковом сопровождении сериала, отмечая следующее:

«Фактически речь идет не только о том, что хотели при помощи саундтрека сказать авторы сериала, но и насколько все это созвучно звуковосприятию ки-

тайского зрителя... Революционные и военные песни закрепились в сознании значительной части китайцев, причем нескольких поколений – они сразу же вызывают у них определенные ассоциации. Однако при Хрущеве, Брежнев и Горбачеве между СССР и КНР практически не было связей и подобные ассоциации не сформировались, советские мелодии того времени не вызывали бы музыкальные слуховые ассоциации, зато мелодии из американских блокбастеров стали повседневностью и, как ни странно, оказались здесь более уместны» [3: 139].

Какой же смысл вложили авторы в свое детище? В разных сериях неоднократно повторяется, что распаду СССР в первую очередь способствовали внутренние причины, а именно проблемы внутри самой КПСС. В сериале присутствует подробный анализ негативных явлений, зародившихся в партийной среде: взяточничество, стремление к личным благам, игнорирование талантливых молодых кадров, отсутствие глубокой теоретической подготовки руководящих и рядовых партийных работников и т. д.

В первой серии фильма, где описывается история КПСС с момента ее основания и до краха, озвучивается следующее:

«Вплоть до настоящего времени ни в архивах ЦК, ни в архивах партийных организаций на местах не обнаружено никаких записей, свидетельствующих о том, что перед лицом враждебных сил, которые стремились ликвидировать компартию, имел место отпор со стороны каких-либо партийных организаций, исходящий изнутри партии. Не было обнаружено никаких записей, которые свидетельствовали о том, что члены КПСС в организованном порядке собирались для того, чтобы защитить райкомы партии, и оказывали сопротивление в каких бы то ни было более или менее широких масштабах. Также не было обнаружено никаких свидетельств того, что собирались группы людей из широких народных масс, которые бы поддерживали, отдавали свой голос в защиту КПСС и предпринимали с этой целью какие-либо организованные действия» [10].

Именно апатия самих членов КПСС с большим недоумением была встречена в Китае. «Так где же, в конце концов, возникла проблема? А возникла она именно внутри самой КПСС» [10] – этим поучительным посылом завершается первая серия фильма.

Таким образом, создатели связывают распад СССР прежде всего с кризисом и крахом КПСС и тем самым подчеркивают, что КПК должна стать более дееспособной и гибкой, чем была Компартия Советского Союза. Такая мысль не в первый раз высказывается в контексте изучения причин распада СССР. Она стала буквально лейтмотивом фильма. Однако создателями сделан еще ряд важных наблюдений, на которых по-

зволим себе остановиться подробнее. Например, во второй серии фильма говорится:

«Экономист из МГУ Гавриил Попов составил себе имя нападения на “бюрократическую структуру КПСС” и полным отрицанием прежней структуры СССР. Затем он стал первым председателем городского совета Москвы. Вместе с Ельциным, Сахаровым и другими Попов составил группу тех баранов-вожаков, которые идут впереди стада “демократов”, а также вместе с Яковлевым, Ельциным и другими стал именоваться “отцами демократии” в России.

Так люди из интеллектуальной элиты, из теоретиков, которых на протяжении многих лет взращивала КПСС, “за одну ночь” повернули стволы своих ружей. Вместе с отдельными чиновниками из партийного аппарата и правительства, ведавшими экономикой – серыми экономическими кадрами и черными преступными силами, – превратились в могильщиков КПСС и социалистического строя в СССР!» [10].

Следовательно, создатели фильма предупреждают об опасности ослабления идеологической работы и подрыва авторитета партии и предлагают с особым вниманием относиться к интеллигенции, и особенно к молодым ученым.

Не осталась без внимания и экономическая политика руководства СССР:

«В Советском Союзе не доставало своевременного понимания научно-технической революции в мире, к этому всегда относились без должного внимания... Это стало чрезвычайно важной причиной того, что экономика СССР постепенно шла к застою» [10].

Следует подробнее остановиться на фигуре руководителя научного проекта, в рамках которого был снят сериал, – Ли Шэньмина. Конечно, быть вице-президентом Китайской академии общественных наук весьма престижно, и такой статус в КНР можно получить лишь будучи действительно известным и авторитетным ученым. Кроме того, Ли Шэньмин – член Постоянного комитета ВСНП, возглавляет Исследовательский центр мирового социализма, учился в СССР и хорошо владеет русским языком. Он неоднократно бывал в России и после распада Советского Союза, где ему доводилось беседовать с представителями российской властной и исследовательской элиты, в том числе с председателем Общества российско-китайской дружбы, директором Института Дальнего Востока РАН академиком М. Л. Титаренко и главой администрации Волгоградской области Н. К. Максьютой [5]. Личные впечатления и профильная подготовка позволили Ли Шэньмину весьма подробно изучить причины распада СССР, в том числе, что немаловажно, с привлечением русскоязычных материалов.

Ли Шэньмин твердо убежден, что распаду СССР способствовали внутренние причины, и в первую очередь проблемы внутри самой КПСС. Именно эта точка зрения находит выражение в фильме. Будучи авторитетной фигурой в научных кругах, Ли Шэньмин является выразителем самой распространенной (и поддерживаемой высшим руководством КНР) точки зрения на причины распада СССР. Мнение о первостепенности внутренних причин, и главным образом проблем внутри КПСС, разделяется многими китайскими исследователями, однако оно не единственное.

Сторонники другой точки зрения, активно изучающие и использующие трактовки западных авторов, утверждают, что роковую роль сыграла ориентированная на внутренний рынок экономическая модель Советского Союза. Некоторые китайские экономисты и сторонники экономических преобразований в КНР (см. Чжэн Юнньань [4]; Лю Вэй, Фан Минь [7]) считают, что ориентированная на внутренний рынок модель экономического развития в СССР в конечном итоге привела к краху экономики и всеобщему ослаблению государства. Они выступают за проведение более свободной экономической политики в Китае и не уделяют внимания вопросам партийной работы. Данная точка зрения в фильме не отражена.

Нельзя сказать, что китайский научный дискурс по состоянию на сегодняшний день пришел к согласию между двумя упомянутыми выше мнениями. Однако высшее руководство КНР придерживается первой точки зрения и на этом основании выступает за проведение работы внутри КПК. 5 января 2018 года Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР и глава Центрального военного совета Си Цзиньпин выступил с речью на открытии Семинара для членов ЦК КПК, кандидатов в члены ЦК КПК и ведущих кадровых работников провинциального уровня по изучению и претворению в жизнь идей Си Цзиньпина в новую эпоху социализма с китайской спецификой и решений XIX Всекитайского съезда КПК, проходившего в Центральной партийной школе. Это очень важное для дальнейшей работы внутри КПК выступление было впоследствии опубликовано в ведущем теоретическом журнале «Цюши». В нем глава партии и государства подчеркивал необходимость неустанной идейной работы, неотступного следования принципам марксизма, формирования положительного примера партийного строительства для всего мира. Си Цзиньпин

затронул в своей речи и неудачный опыт Советского Союза:

«Имея 200 тысяч человек, КПСС завоевала власть, с численностью в 2 миллиона членов – победила Гитлера, а с численностью почти в 20 миллионов, напротив, потеряла контроль над страной. Я уже говорил, что в то тревожное время в СССР не нашлось ни одного настоящего мужчины, никто не дал отпор. Почему же так произошло? А потому, что советские идеалы и убеждения уже были полностью разрушены» [8].

Эта мысль уже звучала в рассматриваемом нами фильме и позволяет констатировать, что создание киноленты в первую очередь служит идеологическим и организационно-партийным задачам – стремлению доказать, что необходимо правильно выстраивать работу внутри партии. Недопустимо появление зачатков буржуазной идеологии, игнорирование талантливых молодых кадров, отсутствие глубокой теоретической подготовки руководящих и рядовых партийных работников. В то же время широким слоям китайского населения внушается мысль о том, что в Китае присутствует сильная центральная власть и нет никаких оснований сомневаться в жизнеспособности «социализма с китайской спецификой», ведь он принципиально отличается от советской модели.

Конечно, эта документальная лента – не единственный киноматериал о распаде Советского Союза. Например, в 2014 году опять же под эгидой Академии общественных наук КНР был выпущен шестисерийный фильм «Двадцать лет с момента краха КПСС и распада СССР – воспоминания российских очевидцев» («苏联亡党亡国20年祭——俄罗斯人在诉说»). Съёмочная группа проводила съемки в 2010 году в России, встречаясь с видными российскими государственными деятелями, чиновниками, писателями, спортсменами и другими представителями самых разных слоев населения для записи интервью на тему воспоминаний о распаде Советского Союза. Казалось бы, фильм должен был представлять собой изложение впечатлений конкретных простых людей и участников событий, в которых обычно не содержится идеологических посылов. Однако в конце фильма присутствуют четкие выводы и анализируются уроки, которые Китай должен извлечь, чтобы «великое дело “социализма с китайской спецификой” достигло небывалых высот» [9]. Почти все эти выводы уже были сделаны ранее и перечислены в фильме «Нужно проявлять предусмотрительность и принимать меры предосторожности заблаговременно. Исторические уроки гибели КПСС».

ВЫВОДЫ

Таким образом, рассматриваемую киноленту можно назвать своеобразным итогом изучения в Китае причин распада СССР. Сформулированные идеи продолжают транслироваться и в более поздних кинопроизведениях. Руководство Ки-

тайской Народной Республики считает, что все ответы на вопросы о причинах произошедших в СССР событий найдены, и теперь главная задача – извлекать уроки и укоренять сделанные выводы в массовом сознании китайского народа, чтобы избежать повторения ошибок КПСС и Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галенович Ю. М. Взгляд на Россию из Китая: прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. М., 2010. 302 с.
2. Коробов А. А., Серебряков С. А. Документальное кино как средство политической пропаганды: классические и инновационные подходы в цифровую эпоху // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19, № 2. С. 212–217.
3. Самойлов Н. А. Китайский взгляд на всемирную историю. Размышления в связи с выходом в свет монографии Готелинд Мюллер «Документальные сериалы, мировая история и государственная власть в КНР» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение, африканистика. 2015. № 2. С. 136–140.
4. Zheng Yongnian. What is at the heart of China-US competition? // China Global Television Network, 26 December 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.cgtn.com/news/2020-12-26/What-is-at-the-heart-of-China-U-S-competition--WwZldnoEQU/index.html> (дата обращения 06.02.2021).
5. 李慎明。苏共亡党, 苏联解体是一场大灾难还是一次大进步呢? 人民网, 2011年9月5日 (Ли Шэньмин. Развал КПСС и распад СССР это большая трагедия или большой шаг вперед?). Жэньминьван. 5 сентября 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://history.people.com.cn/GB/205396/15592237.html> (дата обращения 16.04.2020).
6. 李慎明。中国和平发展与国际战略。北京: 中国社会科学出版社。351页。(Ли Шэньмин. Мирное развитие Китая и его международная стратегия. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2007. 351 с.)
7. 刘伟, 方敏。中国经济改革历史进程的政治经济学分析//政治经济学评论。2015年3月。页3–48。(Лю Вэй, Фан Минь. Политико-экономический анализ процесса экономических преобразований в Китае // Чжэнчжи цзинзисюэ пинлунь. 2015. Март. С. 3–48).
8. 习近平。推进党的建设新的伟大工程要一以贯之。新华网, 2019年10月2日。(Си Цзиньпин. Необходимо неотступно двигаться вперед на новом великом пути партийного строительства // Синьхуаван. 2 октября 2019 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-10/02/c_1125068791.html (дата обращения 06.02.2021).
9. 苏联亡党亡国20年祭——俄罗斯人在诉说 (2014)。(Двадцать лет с момента краха КПСС и распада СССР – воспоминания российских очевидцев, 2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://v.youku.com/v_show/id_XNjMxMjIxMjYw.html (дата обращения 25.10.2021).
10. 居安思危: 苏共亡党的历史教训 (2006)。(Нужно проявлять предусмотрительность и принимать меры предосторожности заблаговременно. Исторические уроки гибели КПСС, 2006) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bilibili.com/video/BV1A44yIt7Nz> (дата обращения 25.10.2021).

Поступила в редакцию 17.06.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Maria E. Shcherbakova, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
st043116@student.spbu.ru

THE USSR COLLAPSE IN CHINESE DOCUMENTARIES

Abstract. The leadership of the People's Republic of China has always paid great attention to studying the experience of socialist states, especially the history of the Soviet Union. This article attempts to analyze Chinese documentary films which describe the reasons of the Soviet Union's collapse. The object of this study is a set of Chinese documentaries, primarily the series *The Need to Be Prudent and Take Precautions in Advance. Historical Lessons of the Death of the Soviet Communist Party*. It can rightfully be considered the most typical and important docuseries, where the main reasons of the USSR's collapse were formulated. The subject of the study is the depicting of the reasons of the dissolution of the Soviet Union in Chinese documentaries. The purpose of this article is to determine whether all the opinions of Chinese historians regarding the USSR collapse reasons are considered in Chinese documentaries, and whether the

filmmakers are free in their work and in formulating the conclusions in their films. The article concludes that Chinese documentaries about the USSR collapse reasons express only the opinion supported by the Chinese Communist Party – that the collapse of the Soviet state was mainly caused by the internal problems in the Soviet Communist Party.

Key words: Chinese documentaries, USSR collapse, USSR Communist Party dissolution, conflict between capitalist and socialist camps

For citation: Shcherbakova, M. E. The USSR collapse in Chinese documentaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):15–20. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.688

REFERENCES

1. Galenovich, Yu. M. China's perspective on Russia: the past and the present of Russia and its relations with China interpreted by Chinese researchers. Moscow, 2010. 302 p. (In Russ.)
2. Korobov, A. A., Serebryakov, S. A. Documentary movie as a mean of political propaganda: classical and innovative approaches in a Digital epoch. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2019;19(2):212–217. (In Russ.)
3. Samoylov, N. A. The Chinese perspective on world history. Reflections on Götelind Müller's newly published *Documentary, World History, and National Power in the PRC*. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian Studies. African Studies*. 2015;13(2):136–140. (In Russ.)
4. Zheng, Yongnian. What is at the heart of China-US competition? *China Global Television Network*, 26 December 2020. Available at: <https://news.cgtn.com/news/2020-12-26/What-is-at-the-heart-of-China-U-S-competition--WwZIdnoEQU/index.html> (accessed 06.02.2021)
5. 李慎明。苏共亡党,苏联解体是一场大灾难还是一次大进步呢? 人民网, 2011年9月5。 Available at: <http://history.people.com.cn/GB/205396/15592237.html> (accessed 16.04.2020).
6. 李慎明。中国和平发展与国际战略。北京:中国社会科学出版社。2007。351页。
7. 刘伟,方敏。中国经济改革历史进程的政治经济学分析/政治经济学评论。2015年3月。页3–48。
8. 习近平。推进党的建设新的伟大工程要一以贯之。新华网,2019年10月2日。 Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-10/02/c_1125068791.html (accessed 06.02.2021).
9. 苏联亡党亡国20年祭——俄罗斯人在诉说(2014)。 Available at: https://v.youku.com/v_show/id_XNjMxMjIxMjYw.html (accessed 25.10.2021).
10. 居安思危: 苏共亡党的历史教训(2006)。 Available at: <https://www.bilibili.com/video/BV1A44y1t7Nz> (accessed 25.10.2021).

Received: 17 June, 2021; accepted: 3 September, 2021

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

ГРАЖДАНСКИЕ ПЛЕННЫЕ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А н н о т а ц и я . Первая мировая война привела к появлению в Олонецкой губернии особой социальной группы – гражданских пленным, то есть подданных враждебных государств, находившихся в России на момент начала войны. В отличие от военнопленных, нахождение которых в крае уже широко освещалось в научной литературе, гражданские пленные в Олонецкой губернии пока не изучались историками. В фондах Национального архива Республики Карелия находится комплекс дел, связанный с подачей прошений гражданских пленным о переходе в российское подданство. На их основе была создана база данных, анализ которой позволил составить общее представление о гражданских пленным, высланных в Олонецкую губернию. Значительное внимание в статье уделено изучению повседневной жизни гражданских пленным, их взаимоотношений с властями и местными жителями. Было установлено, что несмотря на значительные этнокультурные различия, местное население не выражало агрессии по отношению к новой социальной группе. Ее присутствие в Карелии носило временный характер. После окончания войны гражданские пленные покинули эту территорию.

К л ю ч е в ы е с л о в а : гражданские пленные, Карелия, Олонецкая губерния, Первая мировая война, крестьянство

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации». Номер регистрации: 121070700117-1.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кривоноженко А. Ф. Гражданские пленные в Олонецкой губернии в период Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 21–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.689

ВВЕДЕНИЕ

В период Первой мировой войны структура населения Карелии подверглась глубокой трансформации. Важным фактором такого изменения стали беженцы из западных губерний и контингент вольнонаемных рабочих развернувшегося накануне войны железнодорожного строительства. Другой весомой причиной, определившей процесс трансформации местной весьма инертной социальной системы, были военнопленные и гражданские пленные. Факт присутствия первых в Олонецкой губернии хорошо известен. В разных контекстах нахождение здесь военнопленных в период Первой мировой войны изучали Р. Нахтигаль [8], Е. С. Намятова [7], К. М. Агамирзоев [1], Е. Ю. Дубровская и Н. А. Кораблев [4].

Положение гражданских пленным в Олонецкой губернии во время войны остается неизучен-

ным. Отметим, что лишь в сборнике документов «Карелия в годы Первой мировой войны», изданном Национальным архивом Республики Карелия, представлена небольшая подборка документов, касающаяся гражданских пленным¹. Кратко эта проблема упоминается и в монографии Т. И. Трошиной «Великая война и Северный край» [12: 221–222]. Однако в последнее время появляются работы, посвященные гражданским пленным [2], [6]. Особое внимание уделяется такой дискуссионной проблеме, как правовое положение этой группы людей [9], [10].

Цели статьи – изучение на материалах Олонецкой губернии положения гражданских пленным в период Первой мировой войны и оценка их влияния на те или иные социально-экономические процессы, происходящие в регионе. Особенно важным является изучение взаимоотношений гражданских пленным с местным

населением. Достижение указанных целей важно с точки зрения определения той роли, которую гражданские пленные играли в процессе социальных трансформаций², начавшихся в регионе в 1914 году и завершившихся после окончания Гражданской войны.

Что касается методологической базы исследования, то, помимо общеисторических, возникла необходимость широкого применения просопографического метода. Это обстоятельство продиктовано значительным количеством выявленных источников, связанных с биографиями отдельных людей. Географические рамки исследования включают территорию Олонецкой губернии. Хронологические рамки – 1914–1918 годы. Они обусловлены периодом нахождения гражданских пленников на изучаемой территории. В общей сложности в работе использованы материалы восьми фондов Национального архива Республики Карелия. Среди них – фонды жандармерии, полиции и органов государственного управления. Кроме архивных документов, использованы опубликованные источники.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАЖДАНСКИХ ПЛЕННЫХ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Для понимания сути понятия «гражданский пленный» необходимо в общих чертах рассмотреть это понятие с точки зрения дореволюционного законодательства. Пребывание иностранцев в пределах Российской империи регламентировалось Законами о состояниях. Под иностранцами законодательство понимало всех лиц, не обладающих российским подданством. Иностранцы могли свободно проживать на территории России, имея на руках национальный паспорт и ряд других документов. Одним из главных условий такого проживания являлось соблюдение российского законодательства. В свою очередь, иностранцы пользовались его «защитой и покровительством»³. Иностранец мог перейти в российское подданство, выполнив ряд процедур. В общих чертах они выглядели следующим образом. Самым важным условием являлось предварительное пятилетнее водворение. Иностранец обращался к местному губернатору с просьбой о предоставлении ему специального водворительного свидетельства. Лишь по прошествии пяти лет нахождения в статусе водворенного он мог просить губернатора о переходе в российское подданство. Прошение рассматривалось в МВД. В случае положительного ответа водворенный приводился к присяге в местном губернском правлении⁴.

Иностранцы могли десятилетиями проживать на территории России без изменения подданства.

Зачастую в этом не было необходимости, поскольку их правовой статус не накладывал ограничений, заметно повлиявших на социально-экономическое положение. Начавшаяся мировая война кардинально изменила их жизнь. Из мирных жителей они превратились в подданных вражеских держав, что повлекло негативные последствия.

Отправной точкой для осуществления санкций против подданных враждебных держав стал подписанный 28 июля 1914 года Николаем II указ «О правилах, коими Россия будет руководствоваться во время войны 1914 года». В первом пункте указа требовалось задержать и выслать с места жительства в качестве военнопленных всех находящихся в России подданных враждебных государств, которые были на военной службе, а также тех, кто мог быть призван в армию⁵.

Одним из мест высылки гражданских пленников стала Олонецкая губерния. Они начали прибывать сюда в первые месяцы войны. Большинство было выслано осенью – в начале зимы 1914 года. Затем количество прибывших стало сокращаться. Точных сведений относительно численности гражданских пленников, находившихся в губернии в период войны, нет. Об этом можно судить лишь по косвенным сведениям. По всей видимости, речь идет о нескольких сотнях человек. Так, только в августе 1914 года из других губерний в Пудожский уезд в порядке административной высылки через Петрозаводск прибыло 57 германских подданных⁶. По оценке губернатора М. И. Зубовского, сделанной в мае 1916 года в ответ на запрос из МВД относительно возможности высылки в край немецких колонистов, Олонецкая губерния к тому времени уже была «переполнена военнопленными и административно высланными германцами и австрийцами»⁷.

Сведения о гражданских пленниках в Карелии в период войны немногочисленны и разрозненны. Нами были выявлены лишь несколько архивных дел, материалы которых дают возможность достоверно проследить жизненный путь людей, высланных в губернию в 1914 году. Подобные дела хранятся в фондах станковых приставов и уездных полицейских управлений. В то же время в фонде Губернского правления отложился целый комплекс дел, связанных с пребыванием гражданских пленников. Речь идет о прошениях, поданных на имя олонецкого губернатора, для принятия в российское подданство. Каждое такое дело в отдельности недостаточно информативно. Однако анализ подготовленной нами базы данных на основе выявленных прошений позволяет создать общее представление о социальном

портрете гражданского пленного, высланного в Карелию.

Всего за период Первой мировой войны в фонде Губернского правления отложилось 109 прошений подданных вражеских государств. Лишь 6 из них – прошения военнопленных (все – Австро-венгерской армии). Важно понимать, что это количество не должно автоматически отождествляться с численностью гражданских пленных в Карелии.

Основная часть прошений о переходе в российское подданство была направлена во второй половине 1914 – первой половине 1915 года, что можно объяснить, с одной стороны, стремлением как можно быстрее вернуть себе прежние права и возможность возвратиться на родину. С другой стороны, постоянные отказы властей в удовлетворении прошений быстро сделали очевидной бесперспективность подобных обращений. Как правило, в выявленных делах содержится не только прошение, но и небольшая анкета. На этих материалах и была подготовлена база данных. Малоинформативные дела, содержащие лишь формальное прошение о переходе в российское подданство, не учитывались в подготовленной выборке. В общей сложности в нее вошла информация о 80 гражданских пленных. 70 из них были мужчинами, что объясняется целью, которая преследовалась высылкой. Но лишь 26 гражданских пленных мужского пола (из 49, возраст которых достоверно известен) были призывного возраста. На практике реальных механизмов мобилизации таких людей в армию у правительств Германии и Австро-Венгрии не было ни в мирное, ни в военное время. Только 39 из этих мужчин предоставили сведения о том, проходили ли они ранее действительную военную службу на исторической родине. Положительный ответ дали лишь семеро. Таким образом, анализ сведений из подготовленной базы данных свидетельствует о том, что абсолютное большинство тех людей, которые в нее попали, не могли быть призванными в армии своих стран, поскольку были или женщинами, или мужчинами непризывного возраста.

Одной из реальных причин такой необоснованно масштабной высылки могло стать то, что российские власти опасались шпионажа со стороны вражеских подданных. Эта идея нашла широкий отклик и в российском обществе. Так или иначе, но массовая высылка иностранных подданных, которые по объективным причинам не могли быть призваны в ряды враждебных армий, связана с одной из главных характерных черт административной ссылки, практикуемой

в России, – ее внесудебным характером. Люди поражались в правах не на основе квалифицированного судебного разбирательства, а по распоряжению местных чинов исполнительных органов власти [5: 19]. При этом важно, что административная высылка активно практиковалась и в мирное время, когда ее невозможно было объяснить чрезвычайностью переживаемого страной периода.

91 % людей из выборки являлись подданными Германии. Такой значительный перевес над количеством австро-венгерских подданных объясняется намного более тесными историческими и экономическими связями России (прежде всего остзейских губерний) с Германией. Несмотря на иностранное подданство, лишь 13 человек из выборки родились в Германии и один – в Австро-Венгрии. Более того, детальный анализ показывает, что большинство из этих 14 человек были перевезены в Россию родителями в детстве. Таким образом, для 83 % человек из выборки Россия являлась местом рождения. В общей сложности они были уроженцами 13 губерний. 30 % из них были выходцами из Волынской губернии, в которой в XIX веке сформировались многочисленные немецкие сельскохозяйственные колонии. 24 % родились в Петроградской губернии. Эти цифры коррелируются с данными о том, откуда были высланы в Олонецкую губернию просители. Из 49 человек, о которых есть достоверные сведения, 29 % были представителями Волынской губернии и 35 % – Петрограда и Петроградской губернии.

Составить общее представление о национальном составе этих просителей не представляется возможным. Достоверно заявили о своей национальности лишь 28 человек. Среди них были 18 немцев и немок, 6 поляков, три эстонца и один чех.

Религиозный состав прибывших в Олонецкую губернию гражданских пленных отличался от сложившейся здесь конфессиональной картины. Почти половина из представленных в выборке людей были лютеранами, а 27 % – католиками, что в целом соответствовало сложившейся на тот период религиозной ситуации в Германии и Прибалтике. В начале XX века в Олонецкой губернии уже были представлены обе эти конфессии, и относительно малочисленные прибывшие на религиозный состав населения края в целом не повлияли. Однако анализ их религиозной принадлежности позволяет сделать вывод об одном важном изменении. Многие из высланных сюда людей исповедовали баптизм. Это религиозное течение протестантского толка было почти

не известно в Олонецкой губернии до Первой мировой войны. Перепись 1897 года не зафиксировала здесь ни одного баптиста⁸. Накануне войны на этой территории их были единицы [З: 653]. Высылка в край гражданских пленнх привела к появлению здесь представителей этой конфессии. Подсчеты показывают, что 13 % людей из выборки были баптистами. Все они были высланы из Житомирского уезда Волынской губернии.

Экономическая активность гражданских пленнх накануне войны затрагивала самые разные сферы жизни. Судя по анкетным данным, среди них были земледельцы и садовники, рабочие различных промышленных предприятий, ремесленники, учителя, аптекари, работники пищевой промышленности, административные работники предприятий, чернорабочие, а также один помещик. Рабочие промышленных предприятий, как правило, высылались в Олонецкую губернию из промышленно высокоразвитой Владимирской губернии. Родиной земледельцев была Волынская губерния, а из Петрограда происходило большинство конторщиков, аптекарей, кондитеров и булочников.

В контексте исследования важно проанализировать географию расселения гражданских пленнх в Олонецкой губернии. В различных архивных фондах имеются сведения об их проживании во всех уездах. Особенно много высланных отправлялись в два наиболее удаленных уезда губернии – Пудожский и Каргопольский. Из последнего было подано 58 % всех зафиксированных в выборке прошений о переходе в российское подданство.

Почти все прошения о переходе в российское подданство, направленные на имя олонецкого губернатора, остались неудовлетворенными. Формальным поводом для большинства отказов являлось отсутствие водворительного свидетельства. Лишь 14 % просителей имели этот документ, однако у некоторых он оказался просрочен. Отсутствие свидетельств объяснялось просителями разными причинами, которые можно свести в несколько групп: незнание законов или собственная оплошность, нежелание тратить время на оформление документов («объясняется это присущим мне, как и многим людям, свойству все откладывать в долгий ящик, что связано с хлопотами, поездками, расходами и пр.»⁹), возможность свободного проживания в России будучи иностранцем («не ходатайствовал вследствие того, что жить было хорошо и никто такового (свидетельства. – А. К.) не требовал»¹⁰), вера в невозможность войны между Россией и Германией.

Среди других поводов для отказа в переходе в подданство было несовершеннолетие просителя, необходимость предоставить документы о прекращении состояния в браке (в случае с вдовами, если до замужества они были российскими подданными). Кроме того, отказы могли зачастую сопровождаться формальной формулировкой об отсутствии государственной пользы от принятия в российское подданство германских подданных. При этом периодически на полях губернатор оставлял резолюции, которые могут расцениваться как реальные мотивации к отказу: «Нужно было раньше об этом просить, а не во время войны»¹¹, «...мы ее не знаем, пусть просит по окончании войны»¹².

В редких случаях губернатор соглашался поддержать ходатайство. Так, на прошении 48-летней жительницы Петрограда Лидии Бирзак, высланной в Каргополь, он написал: «Кажется, это одна из тех, которые могут быть приняты в русское подданство». В сопроводительных документах в МВД указал, что поддерживает ходатайство. Однако из министерства пришел отказ ввиду отсутствия у просительницы водворительного свидетельства¹³.

Насколько принципиально выдерживалась линия отказа в принятии в российское подданство высланных австро-венгерских и германских подданных, свидетельствует дело врача О. М. Арнда, работавшего накануне войны в Эстляндской губернии и оказавшегося после ее начала в Вытегре. Пытаясь решить проблему перехода в российское подданство, О. М. Арнд не только упомянул в прошении своих видных родственников – ректора Петроградского университета Э. Д. Гримма и члена Государственного совета Д. Д. Гримма. Ему удалось заручиться рекомендательным письмом последнего на адрес губернатора. Однако даже таких рекомендаций оказалось недостаточно, и из МВД пришел отрицательный ответ¹⁴.

С учетом вышеизложенных фактов весьма редким исключением являются четыре удовлетворенных прошения о переходе в российское подданство. Они касались учительницы немецкого языка из Мариинской гимназии в Петрозаводске С. Е. Бем, железнодорожного инженера Г. Мартыновского, прибывшего на строительство Олонецкой железной дороги еще до начала войны, и двух жителей Петрограда – А. Шлейвига и В.-Ф. Кюна¹⁵. Из тех материалов, которые отложились в архивных делах, непонятны причины положительных решений по прошениям этих людей. Например, доподлинно известно о наличии водворительного сви-

детельства на момент подачи прошения лишь у Г. Мартыновского.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГРАЖДАНСКИХ ПЛЕННЫХ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Губернская администрация была настроена неукоснительно следовать всем циркулярам, приходившим из МВД относительно регулирования положения гражданских пленных. 22 октября 1914 года уездным исправникам было разослано требование «установить самые строгие меры наблюдения за их деятельностью, не допускать никаких послаблений, независимо от их положения за личной своей ответственностью»¹⁶. По усмотрению местного полицейского начальства высланные могли размещаться или в уездном городе, или сельской местности. Выбор места проживания определялся в зависимости от возможности установления эффективного надзора, а также перспективы найти высланному лицу заработок¹⁷. Допускалось размещение высланных гражданских пленных и в Петрозаводске¹⁸. Местные полицейские чины устанавливали за ними гласный надзор, передвижение строго регламентировалось, а почтовая переписка должна была вестись на русском языке и подлежала цензуре. Получение корреспонденции в обход полиции грозило поднадзорному лицу военным судом¹⁹.

Если административно ссыльные получали ежемесячное казенное денежное содержание в размере от 2 руб. 40 коп. до 10 руб. 16 коп. [5: 19], то гражданские пленные должны были проживать в месте ссылки за свой счет. В качестве исключения губернская администрация допускала выплаты небольших сумм. «При условии действительной нужды» из казны им выдавался арестантский паек, а также 5 коп. в сутки. Взрослым членам семьи гражданского пленного в случае, если они добровольно приехали с ним, при крайней необходимости материальная помощь оказывалась в том же размере, а детям – уменьшенном в два раза. Поскольку пленные должны были снимать жилье у местных жителей, казна могла оказать помощь на эти цели в размере 3 руб. 50 коп. на взрослого и 1 руб. 75 коп. на ребенка, но не более 7 руб. в месяц на семью. Однако в инструкциях местным полицейским чинам оговаривалось, что выплата этих средств гражданским пленным «отнюдь необязательна и должна проводиться с большой осмотрительностью»²⁰.

Медицинская помощь пленным должна была оказываться за свой счет и лишь в крайнем случае за счет казны²¹. Тем не менее, судя по рапорту из пудожской уездной земской больницы, бесплатная медицинская помощь оказывалась вы-

сланным в значительном объеме. С января 1915 по январь 1918 года в земской больнице лечились 84 гражданских пленных, на что земством было потрачено 1859 руб. 28 коп.²²

Материальное положение гражданских пленных было неудовлетворительным. Имеющиеся сбережения в условиях постоянного роста цен быстро закончились. Возраст, состояние здоровья, отсутствие навыков физического труда не давали возможность добывать средства к существованию. 36-летняя жительница Петрограда Маргарита Клинкерт была выслана в Олонецкую губернию в 1914 году «в качестве военнопленной» и проживала в деревне Поля Типиницкой волости в доме крестьянина В. О. Трошкова. Летом 1917 года в прошении о материальной помощи она писала:

«Много я пережила очень тяжелого для меня как для человека интеллигентного, жившего умственным трудом, а теперь бездействующего, ибо к физическому труду я не способна по слабости здоровья»²³.

Через несколько дней М. Клинкерт совершила самоубийство, поводом к которому послужили частые нервные срывы, болезнь и тяжелое финансовое положение: из 20 руб., которые она нерегулярно получала из Петрограда с прежнего места работы, она отдавала крестьянам за еду и проживание сначала 15, а затем 18 руб. ежемесячно²⁴.

Часто наиболее нуждающиеся гражданские пленные получали небольшое денежное содержание от Австро-венгерского и Германского комитетов помощи пленным. Деньги поступали через консульство нейтральных на тот момент США в Петрограде, а затем – через шведское²⁵. Если позволяли условия, то военнопленные искали возможность заработать средства для жизни физическим трудом. Мужчины отправлялись на распиловку дров²⁶. В отдельных случаях высланные обладали квалификацией, позволяющей найти заработок по специальности в Олонецкой губернии. Например, высланный в Петрозаводск из Петрограда 54-летний германский подданный К. Прейс до войны работал на кожевенных производствах в столице. Пленный достиг соглашения с местным крестьянином Н. И. Ерошкиным о переезде в деревню Ерошкина сельга для работы в его кожевенной мастерской. Однако закрепиться на новом месте К. Прейсу не удалось: в январе 1915 года губернатор М. И. Зубовский потребовал его возвращения в Петрозаводск, хотя несколькими месяцами ранее разрешил работать в деревне²⁷.

В архивных фондах нам не удалось выявить сведения о конфликтных ситуациях между мест-

ными жителями Олонецкой губернии и гражданскими пленными. Это может свидетельствовать о том, что если они и происходили, то были единичными. Причины лояльного отношения жителей деревень или городов к гражданским пленным можно объяснить с нескольких позиций. Прежде всего нужно отметить, что для дореволюционной карельской деревни политические ссылки были привычным явлением. Особенно характерным оно было для Кемского уезда Архангельской губернии. После начала Русско-японской войны, прервавшей высылку в Восточную Сибирь, увеличился поток административно-ссылных и в Олонецкую губернию [11: 70].

Как было показано выше, абсолютное большинство прибывших в Олонецкую губернию гражданских пленными родились или большую часть жизни провели в России. Как правило, не существовало языкового барьера. Многие высланные из Волынской губернии были вчерашними земледельцами, что позволяло им легче адаптироваться к реалиям олонецкой деревни. В документах отмечено даже желание одного из пленных из этой губернии после перехода в российское подданство остаться на жительство в Каргопольском уезде «на одинаковых правах с крестьянами». Как показывает пример М. Клинкерт, высланные из Петрограда образованные подданные вражеских государств были близки с местной сельской интеллигенцией. В частности, М. Клинкерт дружила с земской учительницей, обучала ее французскому языку. Поддерживалось и бытовое общение с крестьянами деревни Поля, хотя местный полицейский стражник противодействовал этому. Так, он поставил на вид М. Клинкерт недопустимость повторения ситуации, когда она предложила болеющей крестьянке капли и мазь²⁸. В целом можно предположить, что восприятие местными крестьянами многих гражданских пленных было близко их отношению к земской интеллигенции.

Отметим несколько фактов перехода гражданских пленных из католичества или лютеранства в православие, которые были зафиксированы в ряде сельских приходов и уездных городах²⁹. На наш взгляд, переход в конфессию, исповедуемую местным населением, был вызван практическими целями. Во-первых, стремясь повысить свои шансы на благоприятное решение, этот факт особо отмечался при подаче прошения о переходе в российское подданство³⁰. Во-вторых, переход в православие потенциально способствовал более тесной интеграции с местным крестьянским сообществом, что было крайне важно для гражданского пленного в условиях отсутствия види-

мой перспективы возвращения из ссылки домой. Вообще же культурные (прежде всего религиозные) отличия гражданских пленных от местного православного населения были, скорее, объектом интереса со стороны крестьян. Хорошо подтверждает этот тезис рапорт приставу 1-го стана Петрозаводского уезда о похоронах 4 мая 1915 года в селе Вознесенье умершей австро-венгерской подданной Оттингер. На похоронах было до 40 человек германских и австрийских гражданских пленных и 24 постоянно проживавших здесь финляндцев. Звучали молитвы на немецком и финском языках. По свидетельству местного урядника, на похоронах было также 12 местных жителей, но они «никакого участия не принимали и были любопытствовать»³¹.

Небольшое число гражданских пленных были местными жителями, прежде всего Петрозаводска. По всей видимости, помимо ограничений на передвижение, новый статус серьезно не повлиял на их положение в городской среде. Мирное соседство на протяжении многих лет и хорошая репутация позволили сохранить преимущественно лояльное отношение к ним со стороны горожан. Так, в Петрозаводске во время войны продолжала работать кондитерская германского подданного Н. Г. Гейнемонда. Местные жители, как и до войны, покупали его продукцию. Однако заказывать муку и другие продукты для хлебопекарного дела владельцу стало труднее: для выезда в Петроград необходимо было получить специальное разрешение у министра внутренних дел³².

Периодически в адрес губернатора поступали анонимные доносы на гражданских пленных с обвинениями в шпионаже. Мотив для подобных действий можно видеть в патриотическом подъеме, но нельзя исключить и намеренного искажения фактов вследствие личной неприязни. В фонде олонецкого губернатора отложилось несколько подобных документов. Например, в апреле 1915 года поступил донос на местного кондитера немецкого происхождения:

«У нас в Вознесенье г.[осподин] пристав даже не препятствует гулять обывателям с немцами, но и разрешает булки немецкие есть. Немец печет, а несколько немчат малых и пожилых разносят по русским квартирам».

Донос имел характерную подпись: «верно-поданный русского государя императора самодержца всероссийского»³³. В другом случае в августе 1915 года до М. И. Зубовского дошел донос на Жанну Дуберг – уроженку Лифляндской губернии, служившую экономкой в имении отставного генерал-лейтенанта А. Ф. Саблина в Лодейнопольском уезде: «...в названом уезде

проживает на реке Ояти немка, ведущая частную переписку на своем языке». Доносчик требовал выселить немку, «в противном случае должны будем сообщить выше». В результате разбирательства уездный исправник выяснил, что донос был написан сестрой генерала, возможно, на почве личной неприязни. Резолюция губернатора на донос была предельно лаконична: «Значит, русская подданная»³⁴.

РЕЭВАКУАЦИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПЛЕННЫХ ИЗ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

Брест-Литовский мирный договор, заключенный 3 марта 1918 года между Россией и Центральными державами, изменил правовой статус гражданских пленнх. Дополнительный договор к мирному соглашению регламентировал и участь этих людей. Им разрешалось вернуться на прежнее место жительства³⁵. Другим важным изменением в судьбе бывших гражданских пленнх стало радикальное упрощение в апреле 1918 года процедуры перехода в российское гражданство, которое было реализовано пришедшими к власти большевиками. Отныне для этого требовалось лишь подать соответствующее заявление³⁶.

Имеются только отрывочные данные о том, какое количество гражданских пленнх находилось в Олонецкой губернии к началу лета 1918 года. В Повенецком уезде – 61 человек, в Олонецком – 14, в Петрозаводске – 14³⁷. Во всех этих случаях речь идет не только о пленнх, но и о членах их семей, добровольно приехавших вслед за высланными.

Организацией выезда бывших военнопленных занималась Олонецкая губернская коллегия по делам пленнх и беженцев. Активное участие в этом принимала также Королевская шведская миссия³⁸. 5 июня 1918 года все гражданские пленные были освобождены от надзора милиции и получили возможность уехать из Олонецкой губернии³⁹. Выезд основной части военнопленных состоялся довольно быстро. В июле их не было уже в Повенецком и Каргопольском уездах. В Пудожском временно оставалось лишь три человека. В августе гражданские пленные выехали из Олонецкого уезда⁴⁰. Фиксировались единичные случаи, когда бывшие гражданские пленные пожелали остаться в Олонецкой губернии для дальнейшего проживания в качестве свободных граждан. 22-летний австро-венгерский подданный Владислав Цетнер, высланный из Холмской губернии, остался проживать в деревне Гладышевой Шунгской волости, а 25-летний Ян Крахт продолжил жить в Повенце⁴¹.

Самый поздний обнаруженный нами в документах факт присутствия в Олонецкой губернии гражданских пленнх относится к февралю 1919 года. Тогда председатель Петрозаводского комитета помощи германским пленным Г. Рейс в ответ на предложение ликвидировать комитет сообщил, что в Петрозаводске все еще проживало несколько (помимо его самого) бывших гражданских пленнх⁴².

ВЫВОДЫ

Гражданскими пленными в одночасье стали люди, всю жизнь или много лет проживавшие в Олонецкой или других губерниях Российской империи. Многие из них никогда не были за границей и получили иностранное подданство от родителей, давно переехавших в Россию. Другие переехали сюда в раннем детстве. Для третьих Россия стала второй родиной, где они жили и работали уже не один десяток лет. Это были люди самого разного социального происхождения и профессий. Объединяло их одно – отсутствие российского подданства на момент начала войны. Попытки перейти в него после начала войны были безрезультатны. За единичными исключениями такие прошения под разными предлогами отклонялись на уровне олонецкой губернской администрации или МВД.

Анализ имеющихся списков гражданских пленнх показал, что многие из них не могли быть призваны в армии своих стран в силу возраста или пола. Такая «неразборчивость» в высылке этих людей с постоянного места жительства объясняется самим характером административной ссылки, который не подразумевал квалифицированного судебного разбирательства. Однако в отличие от остальных административно ссыльных, гражданские пленные были вынуждены жить в месте водворения за свой счет, без помощи казны.

Среди гражданских пленнх были представители различных национальностей, не характерных для Олонецкой губернии в начале XX века. Абсолютное большинство из них исповедовало католицизм и протестантизм, а также баптизм – религиозные течения, которые были малоизвестными или вообще неизвестными местному населению. Между тем этнокультурные отличия не вызвали у него заметной антипатии к гражданским пленным. В целом малочисленность гражданских пленнх на фоне коренного населения Олонецкой губернии не позволяет говорить о каком-то заметном влиянии этой социальной группы на трансформационные процессы в дореволюционной Карелии как в социально-экономической, так и этнокультурной сферах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карелия в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Verso, 2014. С. 323–330.
- ² Под социальной трансформацией с методологической точки зрения мы понимаем быстрое изменение природы общества, вызванное разнообразными факторами.
- ³ Канторович Я. А. Законы о состояниях. СПб.: Изд. Юридич. кн. склада «Право», 1911. С. 640.
- ⁴ Там же. 663–672.
- ⁵ Авербах Е. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1915. С. 70.
- ⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 194. Оп. 1. Д. 15/518. Л. 3.
- ⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/735. Л. 175.
- ⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. 27: Олонецкая губерния: тетрадь 3 (последняя). [СПб.]: Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. С. 42.
- ⁹ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2695. Л. 2.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2777. Л. 25 об.
- ¹¹ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2694. Л. 1.
- ¹² НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2653. Л. 1.
- ¹³ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2761. Л. 1, 7 об., 10.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2679. Л. 2, 10, 15.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 103/2662, 108/2659, 108/2842, 103/2707.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 621. Оп. 1. Д. 6/9. Л. 14.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 324. Оп. 3. Д. 91/1513. Л. 4.
- ¹⁹ НАРК. Ф. 621. Оп. 1. Д. 6/9. Л. 8, 9, 15.
- ²⁰ Там же. Л. 4.
- ²¹ Там же. Л. 17.
- ²² НАРК. Ф. Р-794. Оп. 3. Д. 2/19. Л. 10 об.–11.
- ²³ НАРК. Ф. 324. Оп. 3. Д. 91/1513. Л. 100.
- ²⁴ Там же. Л. 47 об., 76.
- ²⁵ НАРК. Ф. 619. Оп. 2. Д. 16/287. Л. 14; НАРК. Ф. Р-794. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 155.
- ²⁶ НАРК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 65/14. Л. 55.
- ²⁷ НАРК. Ф. 619. Оп. 1. Д. 41/10. Л. 16–23.
- ²⁸ НАРК. Ф. 621. Оп. 1. Д. 6/10. Л. 13, 26.
- ²⁹ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2777. Л. 21; НАРК. Ф. 19. Оп. 2. Д. 65/14. Л. 31.
- ³⁰ НАРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 106/2653. Л. 1.
- ³¹ НАРК. Ф. 619. Оп. 2. Д. 16/287. Л. 9.
- ³² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/7. Л. 149.
- ³³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/6. Л. 232.
- ³⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/7. Л. 97.
- ³⁵ Документы внешней политики СССР. Т. I. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957. С. 176.
- ³⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 421–422.
- ³⁷ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 11, 45, 49.
- ³⁸ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/10. Л. 33.
- ³⁹ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/20. Л. 2.
- ⁴⁰ Там же; НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/10. Л. 33; Д. 1/5. Л. 135.
- ⁴¹ НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/20. Л. 2.
- ⁴² НАРК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/5. Л. 197.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамирзоев К. М. Путь на Север. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 154 с.
2. Бахтурина А. Ю. Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из прибалтийских губерний Российской империи в 1914 году // Новый исторический вестник. 2020. № 3. С. 6–23.
3. Дрозюк А. А. Баптисты в Олонецкой губернии 1911–1917 гг. (к вопросу об исследовании явления в местном сообществе) // Притяжение Севера: язык, литература, социум: Материалы I Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 653–663.
4. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 425 с.
5. Земляков А. В. Административная ссылка в Российской империи конца XIX – начала XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 2. С. 17–20.
6. Кириллов В. М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 2 (29). С. 88–97.
7. Намятова Е. С. Документы Национального архива Республики Карелия по истории Первой мировой войны // Вестник архивиста. 2014. № 4. С. 50–62.
8. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога, 1915–1919: военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.

9. Познахирев В. В. «Военнопленные» и «гражданские пленные» Первой мировой войны: к вопросу о содержании и разграничении понятий (на примере подданных Оттоманской империи) // Клио. 2014. № 8. С. 107–109.
10. Ростиславлева Н. В. «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3. С. 79–97.
11. Славнитский Н. Р. Ссылка в Олонетскую губернию накануне Первой российской революции (по материалам архива Министерства юстиции) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.90
12. Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 344 с.

Поступила в редакцию 19.03.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Alexander F. Krivonozhenko, Cand. Sc. (History), Junior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-7152-8070; krivfed@yandex.ru

CIVILIAN CAPTIVES IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The First World War led to the formation of a special social group in the Olonets Province – civilian captives who were the citizens of the hostile states living in Russia at the outbreak of the war. Unlike war prisoners, the civilian captives in the Olonets Province have not been studied by historians so far. There is a number of cases related to the civilian captives in the funds of the National Archives of the Republic of Karelia related to them applying for Russian citizenship. The analysis of the database created on the basis of these documents made it possible to form a general idea about the civilian captives sent to the Olonets Province. The article also pays considerable attention to the study of the everyday life of the civilian captives, their relationships with the authorities and local residents. It was found that despite significant ethno-cultural differences the local population did not express aggression towards the members of the new social group who temporarily lived in Karelia and left this territory after the end of the war.

Key words: civilian captives, Karelia, Olonets Province, World War I, peasantry

Acknowledgements. The study was conducted as part of the RAS Karelian Research Centre project No 121070700117-1.

For citation: Krivonozhenko, A. F. Civilian captives in the Olonets Province during the First World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):21–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.689

REFERENCES

1. Agamirzoev, K. M. The way to the north. Petrozavodsk, 2008. 154 p. (In Russ.)
2. Bakhturina, A. Yu. The eviction of German and Austro-Hungarian subjects from the Baltic provinces of the Russian Empire in 1914. *The New Historical Bulletin*. 2020;3:6–23. (In Russ.)
3. Drozdyuk, A. A. Baptists in the Olonets Province of 1911–1917 (the issue of studying the phenomenon in the local society). *Attraction of the North: Language, Literature, Society: Proceedings of the international research and practice conference*. Petrozavodsk, 2018. Part 1. P. 653–663. (In Russ.)
4. Dubrovskaya, E. Yu., Korablev, N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 425 p. (In Russ.)
5. Zemlyakov, A. V. Administrative exile in the Russian Empire in the late XIX and the early XX centuries. *Omsk Scientific Bulletin*. 2003;2:17–20. (In Russ.)
6. Kirillov, V. M. Contemporary national historiography on the campaign of “the fight against German dominance” during World War I. *Perm University Herald. History*. 2015;2(29):88–97. (In Russ.)
7. Namyatova, E. S. The documents of the National Archives of the Republic of Karelia on the history of the World War I. *Herald of an Archivist*. 2014;4:50–62. (In Russ.)
8. Nakhtigal, R. Murmansk railway, 1915–1919: military necessity and economic considerations. St. Petersburg, 2011. 320 p. (In Russ.)
9. Poznakhirev, V. V. The prisoners of war and civil prisoners of the World War I: revisiting the content and distinction between notions (exemplified by the Ottoman Empire subjects). *Klio*. 2014;8:107–109. (In Russ.)
10. Rostislavleva, N. V. “I was civilian prisoner No. 52 for all those unforgettable years”: on the status of Russians in Germany during the First World War. *The New Historical Bulletin*. 2020;3:79–97. (In Russ.)
11. Slavitsky, N. R. The exile to Olonets Province on the eve of the First Russian Revolution (on the archive materials of the Ministry of Justice). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;2(171):70–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.90 (In Russ.)
12. Troshina, T. I. The great war and the northern region. European North of Russia during the First World War. Arkhangelsk, 2014. 344 p. (In Russ.)

Received: 19 March, 2021; accepted: 28 June, 2021

ГЕННАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРЕНКОВ

кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела обеспечения сохранности документов
Российский государственный архив социально-политической истории
(Москва, Российская Федерация)
kuren62@mail.ru

ЗАЩИТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТАЙНЫ И ГЛАВЛИТ В 1947 ГОДУ

А н н о т а ц и я . Рассматривается проблема защиты экономической тайны в 1947 году в условиях холодной войны. Целью статьи является определение специфики работы Главлита и сведений, составляющих экономическую тайну, а также объектов и субъектов защиты от промышленного шпионажа. В результате исследования сделан вывод об оперативности, своевременности и адекватности реагирования государства в лице его полномочных органов на новые вызовы и меняющийся состав и содержание секретных сведений, требующих защиты в экономической области. Новые документы, введенные в научный оборот, позволяют проследить динамику развития и скоординированную деятельность органов власти и управления государства по защите экономической тайны в начальный период холодной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : холодная война, Уполномоченный СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати, Главлит, экономическая тайна, промышленный шпионаж, секретность, цензура

Д л я ц и т и р о в а н и я : Куренков Г. А. Защита экономической тайны и Главлит в 1947 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 30–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.690

ВВЕДЕНИЕ

Периоду холодной войны посвящено немало работ, отметим те из них, которые в той или иной степени близки теме нашего исследования. Защита государственной тайны посредством цензуры имеет свою специфику и направления по видам деятельности и видам защищаемой информации. Проблемы взаимосвязи политики, секретности, защиты государственной тайны представлены в исторических работах [3], [6], [7], [12]; операции разведки и контрразведки – [1], [8], [11], [13], [14]; вопросы защиты экономической тайны – [2], [4], [9], [10], [15]; проблемы секретности и цензуры – [5]. Таким образом, небольшое количество литературы обусловлено проблемами, связанными с вопросами секретности темы и только намечившейся разработкой теории и методики ее освещения в историческом аспекте.

В 1947 году в целом была завершена демилитаризация экономики. На мирные рельсы переходили мобилизованные для военных нужд «мирные» отрасли промышленности, но при этом продолжалось развитие отраслей, входящих в военно-промышленный комплекс. Вместе они составляли промышленный потенциал страны, которым интересовались наши возможные противники. К примеру, после победы

во Второй мировой войне в СССР вслед за США и Великобританией получили быстрое развитие атомная наука и промышленность. Сведения по «атомным» направлениям и сферам деятельности подлежали строжайшему засекречиванию. Так, по линии защиты государственной тайны с 1947 года на предприятиях атомной промышленности вводилась должность заместителя директора по вопросам режима. Работа в этом направлении была строго централизована. При крупных предприятиях создавались головные секретные отделы, которым подчинялись спецчасти структурных подразделений, вводилась должность уполномоченных секретных отделов. Также расширился состав контрольных функций секретных отделов предприятий. Так, они осуществляли инспектирование секретных отделов в подведомственных организациях и на предприятиях, секретных архивов и библиотек. При этом производилась проверка работы с защищаемой информацией, усиливался контроль за работой конкретных исполнителей и требования к разрешительной системе доступа к секретным документам. Особое внимание уделялось кадрам, усиливались подбор, подготовка руководителей для секретных отделов подведомственных организаций и предприятий, назначение руководителей и заместителей нижестоящих

секретных отделов. Подведомственные организации согласовывали с секретными отделами вышестоящих учреждений вопросы создания, ликвидации, реорганизации, структуры и номенклатуры должностей спецчастей.

ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В борьбе со шпионажем в рассматриваемый период в Советском Союзе принимались меры государственного регулирования административно-правового характера. Так, 9 июня 1947 года был принят Указ Верховного Совета СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну». Впервые давались подробная классификация составов преступлений, связанных с разглашением государственной тайны, и разграничение этих составов (разглашение государственной тайны и утрата документов, содержащих государственную тайну). Постановлением Совета Министров СССР от 8 июня 1947 года № 2009 «Об установлении Перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону» был утвержден разработанный Главлитом Перечень. В органах госбезопасности произошли реформы, направленные в том числе и на усиление централизации органов защиты военных и государственных тайн. В области защиты государственной тайны в органах печати и радиовещании наблюдалась тенденция к переносу контроля и ответственности за соблюдение военной и государственной тайны от Уполномоченного Совета Министров СССР по защите военной и государственных тайн в печати (далее – Уполномоченный СМ СССР) и Главлита к руководителям соответствующих ведомств и служб, а в общем в стране – органам государственной безопасности. Со стороны МГБ СССР в 1947 году контроль за деятельностью Главлита осуществляло 5-е Управление МГБ СССР, которое с июля 1946 по март 1948 года возглавлял генерал-лейтенант П. Г. Дроздецкий.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ГЛАВЛИТЕ

В течение 1946–1947 годов в Главлите проводился ряд организационных мероприятий, направленных на улучшение и регламентацию работы. В 1947 году был принят новый Перечень сведений, составляющих государственную тайну, на мирное время. Уполномоченный СМ СССР К. К. Омельченко в письме В. М. Молотову от 5 июня 1947 года отмечал:

«Ныне действующий Перечень сведений, составляющих государственную тайну... на мирное время, изданный в конце 1945 года, устарел... и не соответствует нынешним требованиям... вовсе отсутствует раздел об ограничении в области науки и техники и НИР, устарели ограничения по вопросам экономики и др.... так как не участвовали в разработке министерства, осуществляющие соответствующие отрасли народного хозяйства, науки, техники. ...Главлит разработал проект нового Перечня... но если каждое министерство и ведомство точно определит, что именно в его области не подлежит опубликованию в открытой печати. Прошу Вашего указания руководителям министерств и ведомств, организаций определить круг вопросов и сведений в их области, подлежащих запрещению к опубликованию в открытой печати. По получению этих материалов Главлит будет иметь возможность окончательно разработать проект нового Перечня сведений, запрещенных к открытому опубликованию. Прилагаю проект на Ваше рассмотрение и проект распоряжения СМ СССР. Проект распоряжения 1. Обязать руководителей союзных министерств, ведомств, организаций в двухнедельный срок разработать Перечень запрещенных сведений... касающихся всей деятельности соответствующего ведомства. 2. Поручить Уполномоченному... в месячный срок разработать Перечень сведений, запрещенных к открытому опубликованию, согласовать его с МГБ СССР и представить на утверждение СМ СССР»¹.

Приказом Уполномоченного СМ СССР от 10 июня 1947 года № 636 по Постановлению Совета Министров СССР от 8 июня 1947 года «Об установлении Перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которой карается по закону» вводился новый Перечень, в котором экономическим сведениям отводились главы Б – Сведения экономического характера и В – Сведения об открытиях, изобретениях и усовершенствовании невоенного характера. В это же время шла работа по Перечню сведений, составляющих государственную тайну в области науки и техники, по разделам, разработанным АН СССР. Хотя Перечень и был принят, но 28 августа 1947 года на заседании Бюро Совета Министров СССР рассматривался вопрос «О перечне главнейших сведений, составляющих государственную тайну», были внесены предложения, относящиеся к защите открытий и изобретений. В результате Бюро постановило:

«Поручить тт. Горшенину (созыв), Мехлису, Рычкову, Старовскому, Серову, Антонову, Омельченко, Чадаеву и Дроздецкому в 2-х декадный срок рассмотреть с учетом состоявшегося на заседании обмена мнениями внесенный Комитетом по изобретениям и открытиям при Совете Министров проект Постановления “О перечне главнейших сведений, составляющих государственную тайну” и представить его в Совет Министров»².

Таким образом, в данный период очень серьезное внимание уделялось вопросам защиты сведений по НИОКР.

ОБЩИЙ КОНТРОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ

В ведении Главлита находились вопросы защиты экономической информации общего характера, зафиксированные в Перечне. Подтверждение, дополнение или изменение в составе сведений регулировались главными распорядительными документами Главлита – приказами, распоряжениями, циркулярными письмами всем органам цензуры. Так, циркулярным письмом от 8 февраля 1947 года № 2/222сс и распоряжением Уполномоченного СМ СССР от 8 февраля 1947 года № 224/с запрещались к опубликованию сведения по промышленности:

«...2. Без моего ведома запретить сведения о дислокации новых заводов тяжелой промышленности (дислокация строящихся, если в пятилетнем плане есть указание...) 3. По Ухтинскому месторождению КОМИ АССР... 6. Запретить передачу каких-либо материалов о работах, проводимых Советским Союзом в балканских странах и на Ближнем Востоке»³.

Циркулярным письмом от 21 февраля 1947 года № 4/337с запрещалось без разрешения Уполномоченного СМ СССР опубликование материалов о местах строительства предприятий синтетического жидкого топлива, поступлении оборудования, а также сведений, раскрывающих масштаб предполагаемого строительства этих предприятий⁴. Циркулярным письмом от 25 апреля 1947 года № 20/1113с запрещалось опубликование данных, по которым можно установить количество наличного парка тракторов, грузовых и легковых автомашин, как по СССР в целом, так и по республикам, краям, областям⁵. Главлитом постоянно обновлялись сведения, зафиксированные в Перечне. Так, в Сводных указаниях по цензуре № 2 (5) от 5 августа 1947 года запрещалось публиковать сведения в разделах по атому, радиолокации, полезным ископаемым, указывался список запрещенных к опубликованию сведений по радиоактивным, редкоземельным металлам (45 наименований). Исходя из параграфа № 225 Перечня, запрещалось публиковать все сведения, по которым можно установить размеры сырьевых ресурсов авиационных и автомобильных масел, смазок, этиловой и охлаждающей жидкости; параграфа № 226 – сведения о количестве и видах стратегического сырья, военных фабрикатов и полуфабрикатов, передаче иностранных предприятий Советскому Союзу (в том числе и в порядке выполнения мирных

договоров или условий безоговорочной капитуляции)⁶. Таким образом, при работе с экономической информацией цензоры и редакторы ориентировались на параграфы Перечня. При этом по сведениям, выходящим за его рамки, редакции, прежде чем опубликовать, должны были требовать оригинал документа с визами, удостоверяющими, что на опубликование такого материала дано разрешение директивных органов. В соответствии с постановлением СМ СССР от 8 июня 1947 года вышел приказ Уполномоченного СМ СССР от 29 октября 1947 года № 85/3676/с «О цензурном контроле над литературой, содержащей сведения экономического характера и сведения по вопросам науки и техники». В данном приказе отмечались как положительные, так и отрицательные моменты в работе с экономической и научно-технической информацией. Приказ предписывал усилить предварительный контроль за сведениями по науке и технике, руководствуясь статьями постановления Совета Министров СССР, опубликование допускать только с письменного разрешения ведомства, ввести практику консультирования.

ОТСЛЕЖИВАНИЕ ПЛАНОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Особое внимание уделялось информации по установлению и выполнению плановых показателей всех уровней и направлений. Так, запрещались к опубликованию:

«1. а) в абсолютных цифрах план и его выполнение черной и цветной металлургии, добыче угля, торфа, нефти, электроэнергии, химических продуктов, автомобилей, тракторов, вагонов, паровозов, шарикоподшипников, цемента, бумаги, целлюлозы. б) переход конкретных предприятий с военной на гражданскую продукцию. в) в абсолютных цифрах не указывать в Перечне с письменного согласия ЦСУ и Госплана»⁷.

По публикациям данных сведений у цензоров постоянно было много вопросов. В связи с поступающими в Главлит запросами циркулярным письмом от 8 мая 1947 года № 22/1224с всем органам цензуры разъяснялось:

«1. Советом Министров СССР разрешено Уполномоченному Госплана по республикам, краям, областям опубликовывать в местной печати данные: а) выполнение плана в республиках, краях, областях по валовой продукции промышленности в целом и по отдельным министерствам и предприятиям (кроме предприятий военной промышленности); б) по важнейшим изделиям гражданской промышленности в натуре; в) по погрузке на железной дороге; г) по объему капитальных работ; д) по объему товарооборота; е) о выполнении плана сельскохозяйственных работ... выполнение плана по промышленности, железнодорожному транспорту, капитальным работам и товарообороту публикуется за месяц, квартал, год, а данные о выполнении пла-

на сельскохозяйственных работ могут публиковаться в соответствии с утвержденной правительством отчетностью за декаду или пятидневку. Сообщения о плане должны публиковаться не в абсолютных цифрах, а только в процентах к плану и в процентах к соответствующему периоду прошлого года. 2. Орган цензуры в связи с указанным пунктом 1 порядком опубликования данных о выполнении планов должен руководствоваться следующим: а) данные по п. 1 могут опубликовываться только в тех случаях, когда они передаются для печати Уполномоченным Госплана. б) опубликование аналогичных данных, поступающих из других источников, допускается при наличии письменного согласия на такое опубликование Уполномоченным Госплана и при соблюдении требований Перечня и других указаний по цензуре; в) для опубликования в абсолютных цифрах планов и хода их выполнения по предприятиям и министерствам тех отраслей промышленности, сведения о которых не ограничиваются Перечнем, впредь необходимо требовать редакции письменного согласия на такое опубликование Уполномоченного Госплана на местах»⁸.

Циркулярным письмом от 31 декабря 1947 года № 47/4403с:

«Ограничения, предусмотренные п. 1. Пар. 241 (См. «Сводные указания по цензуре» 1/4), распространяются на строящиеся предприятия бумажной и целлюлозной промышленности. Сведения о строительстве, проектной мощности и размерах капитальных вложений в предприятия союзного подчинения бумажной и целлюлозной промышленности запрещается опубликовывать, если об этом не было сообщено в «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», в официальном или правительственном сообщении, материалах сессий Верховного Совета СССР»⁹.

Плановые задания по параграфу № 215 Перечня, а также сведения по железной дороге и пароходствам (портам) в открыто опубликованных коллективных договорах разрешалось приводить только в процентном отношении к соответствующему периоду прошлого года¹⁰. Можно было печатать коллективные договоры только тех отраслей промышленности, которые не предусмотрены в Перечне. Также были даны разъяснения по открытию сведений, содержащихся в докладе секретаря ЦК А. А. Андреева, сделанном в 1947 году, по сельскому хозяйству (по ограничениям сведений по сельскому хозяйству, то есть на что они не распространяются). В целом констатировалось, что в связи с выходом и опубликованием постановлений высших органов власти некоторые данные по показателям Госплана, ранее запрещенные Перечнем, открываются и впредь при их опубликовании необходимо руководствоваться данными постановлениями¹¹.

РЕШЕНИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ВОПРОСОВ В ГЛАВЛИТЕ

Приведем несколько примеров конкретной оперативной работы по защите экономических сведений. Так как органы госбезопасности осуществляли общий контроль за соблюдением государственной тайны в стране (в частности, V Управление МГБ СССР курировало это направление), по возникающим вопросам Главлит запрашивал их мнение. Так, в письме начальника I отдела Министерства промышленности строительных материалов в Главлит от 5 мая 1947 года № 1360с отмечалось, что Министерством промышленности строительных материалов разрабатывался ведомственный Перечень сведений, составляющих государственную тайну. В процессе разработки возник вопрос по сведениям, касающимся производства цемента, которое в Перечне 1945 года имело гриф «секретно». Министерство запрашивало Главлит, относится ли переписка по цементу в настоящее время к секретной¹². 11 июня 1947 года Главлитом был дан ответ, что письмо перенаправлено в 4-й отдел V Управления МГБ СССР¹³. В письме в V Управление МГБ СССР Главлит отмечал, что по Перечню сведения о выпуске цемента и мощности цементных заводов запрещены к опубликованию. Относящуюся к этому вопросу переписку также следует запретить. Приведем еще пример, раскрывающий в какой-то степени механизм принятия решений данных вопросов. Так, в письме Уполномоченного СМ СССР К. К. Омельченко начальнику V Управления МГБ СССР от 8 февраля 1947 года № 220/с о рассекречивании дислокации пушечного Мотовилихинского завода № 172 (г. Пермь) отмечалось:

«Известно из опубликованных источников, приветствия т. Сталина и т. д... эти уже опубликованные сведения о данном заводе дают основание заключить, что дальнейшее засекречивание его существования и дислокации не имеет смысла. В силу своей вековой истории, завод № 172 им. Молотова находится ныне в разряде таких широко известных миру заводов, как, например, Тульский оружейный завод. Исходя из этих соображений, считаю, что существование и дислокация завода № 172 им. Молотова должны быть открыты для печати. Не подлежат опубликованию все сведения о нынешней военной продукции, выпускаемой заводом»¹⁴.

В письме начальника V Управления МГБ СССР генерал-лейтенанта П. Г. Дроздецкого от 18 февраля 1947 года № 5/4/8/4121 в Главлит отмечалось, что против открытого опубликования в печати дислокации завода № 172 им. Молотова (за исключением сведений о выпускаемой продукции) возражений не имеется¹⁵. В свою оче-

редь Главлит циркулярным письмом от 7 марта 1947 года № 6/451с дает указание начальникам отделов Главлита:

«Существование и дислокация Мотовилихинского (г. Молотов) артиллерийского завода № 172 им. Молотова для печати открыты. Не подлежат опубликованию все сведения о нынешней военной продукции, выпускаемой заводами (виды арт. систем, производственная мощность завода и т. п.), а также другие запрещенные сведения, относящиеся к предприятиям военной промышленности»¹⁶.

Так проявлялось взаимодействие органов госбезопасности и цензурного органа в решении возникающих вопросов и разумного, обоснованного подхода к секретности. Некоторые вопросы имели весьма щекотливый характер, к примеру, использование немецких специалистов после войны. Так, Уполномоченный СМ СССР в марте 1947 года ответил на письмо ответственного редактора журнала «Оптико-механическая промышленность» в связи с обращением немецких специалистов фирмы «Карл Цейс» (Иена) с просьбой напечатать свои статьи. Он полагал, что опубликование в журнале «Оптико-механическая промышленность», как и в других открытых изданиях, статей специалистов фирмы «Карл Цейс» не может быть признано целесообразным и допустимым. Он отмечал, что опубликование статей этих авторов будет прямо и открыто указывать на использование в нашей оборонной промышленности германских специалистов. По мнению Уполномоченного СМ СССР, это явно нежелательно. Работы указанных специалистов могут быть использованы только в закрытых секретных изданиях. Данное мнение было согласовано с 4-м отделом V управления МГБ¹⁷. Более того, циркулярным письмом Уполномоченного СМ СССР от 10 мая 1947 года № 24/1246с запрещалось опубликование в открытой печати сведений, прямо или косвенно указывающих на использование каких бы то ни было работ немецких специалистов (ученых, инженеров, техников и т. п.). Также это относилось к опубликованию их статей в журналах, газетах и других изданиях¹⁸.

Приведем примеры результатов оперативной работы по защите экономической тайны в 1947 году. Так, Главлит Белорусской ССР предотвратил опубликование сведений о мощности Минского тракторного и автозаводов и численности рабочих на них. Органами цензуры Украинской ССР были сняты с публикации сведения о дислокации трех военных заводов, падеже лошадей, создании факультета радиолокации в Харьковском электротехническом институте¹⁹. Цензоры предотвратили публикацию сведений

о строительстве крупного канала, соединяющего Восточно-Сибирское море с Охотским через реку Колыму, работе сталеплавильного завода за полярным кругом на Колыме, открытии нового мощного нефтеносного района промышленного значения в Якутии²⁰.

СВЕДЕНИЯ ПО ПОЛЕЗНЫМ ИСКОПАЕМЫМ

Главлитом также постоянно контролировалась информация по полезным ископаемым. Так, в июне 1947 года Управлению Госгеологиздата было разрешено печатание «Балансов запасов полезных ископаемых» в типографии издательства в Москве только под грифом «секретно»²¹. Были случаи, когда не всегда оперативно и в результате последующего контроля, но задерживались для распространения уже опубликованные сведения. Так, приказом Уполномоченного СМ СССР от 14 июня 1947 года № 52/1627с начальникам Главных краевых, областных и городских управлений по делам литературы и издательств предлагалось изъять из книготорговой сети и библиотек общественного пользования брошюру Д. В. Наливкина «Геологическое строение и полезные ископаемые Молотовской области», изданную в 1946 году. Было предложено изъятые экземпляры уничтожить и об исполнении доложить²². Приказом Уполномоченного СМ СССР от 29 сентября 1947 года № 79/3198с всем начальникам крайобллитов предлагалось изъять книгу И. Б. Борозденко «Геология и полезные ископаемые Коми АССР», оставив по два экземпляра в спецфондах и библиотеках²³.

ЦЕНзуРА ВЕДОМСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

В целях пресечения опубликования секретных сведений на Уполномоченного СМ СССР и Главлит возлагался контроль за открытыми ведомственными документами и изданиями. Так, в феврале 1947 года Министерство автомобильной промышленности СССР подготовило к изданию прейскурант цен на запасные части к автомобилям «Виллис» и «Форд». В прейскурант были включены наименования запасных частей, полученных по ленд-лизу с указанием отпускных цен в рублях. Главлит не посчитал возможным разрешить к опубликованию указанный прейскурант и попросил Совет Министров СССР дать указания по этому поводу²⁴. Было движение и в обратном направлении. Так, 7 мая 1947 года в письме к Уполномоченному СМ СССР Управляющий делами Совета Министров СССР Я. Е. Чадаев попросил предоставить заключение на письмо Комитета по делам мер и из-

мерительных приборов при СМ СССР о выдаче ему разрешения на издание «Бюллетеня технической информации Комитета»²⁵. Главлит дал соответствующее заключение, и в результате выводы для Комитета были утверждены Секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецовым. Отмечалось, что все периодические издания, журналы, бюллетени, в том числе технические, оформляются Главлитом к изданию только на основании решений ЦК ВКП(б). Уполномоченный СМ СССР К. К. Омельченко в письме в Управление делами Совета Министров СССР Я. Е. Чадаеву от 18 декабря 1947 года № 4216/с по поводу отбора материалов в открытое «Собрание постановлений и распоряжений Совета Министров СССР» констатировал, что подписка на данное издание идет без ограничений, в том числе и от иностранных представительств. По этой причине он просил дать соответствующие указания о строгом отборе материала для этого издания и включении в него лишь тех постановлений и распоряжений СМ СССР, которые могут публиковаться в открытой печати²⁶. В мае 1947 года Домом техники Технического управления Министерства вооружения СССР был издан для внутреннего пользования библиографический бюллетень № 246 с грифом «дсп», но, по мнению Уполномоченного СМ СССР, по своему содержанию он должен быть отнесен к категории секретных изданий. Приказом Уполномоченного от 29 мая 1947 года № 47/1461с начальнику Мособлгорлита было указано наложить на бюллетень гриф «секретно». Кроме того, предлагалось установить порядок, по которому министерства при издании ведомственных работ предоставляют уведомление о том, к какой категории секретности, согласно Перечню данного министерства, относится публикуемый материал. При этом издание с грифом «дсп» допускалось только в том случае, если спецотдел министерства уведомлял, что в издании нет секретных сведений, запрещенных Перечнем, и других указаний Главлита²⁷. 4 сентября 1947 года Министерство речного флота издало приказ № 254 «О мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию речного транспорта», где, по мнению Главлита, были сведения, отнесенные к секретным сведениям согласно Перечню. Приказ вышел тиражом в 5 тыс. экземпляров. Главлит считал, что министерство совершило серьезную ошибку, и предложил наложить ограничительный гриф на тираж, а в дальнейшем придерживаться Перечня²⁸. В общем, проблема утечки секретных сведений из ведомственных изданий очень волновала Главлит. Поэтому Уполномоченным СМ

СССР неоднократно ставился вопрос об усилении цензорского контроля ведомственных изданий. Так, 13 октября 1947 года, К. К. Омельченко в информационной записке К. Е. Ворошилову писал, что министерствами и ведомствами типографским способом размножается служебная литература: приказы, протоколы, отчеты и т. д. Проверка Главлита показала, что в документах много сведений, не подлежащих опубликованию и без указания грифа «секретно». К примеру, он отмечал, что приказ от 22 мая 1947 года № 157 Главного Управления ГВФ при СМ СССР не имел ограничительного грифа, а в нем была показана дислокация всех аэродромов ГВФ в районах Крайнего Севера, большинство которых не являются пассажирскими. В протоколе заседания Коллегии Министерства химической промышленности СССР от 17 июля 1947 года № 26 сообщалось о разработке нового ассортимента красителей с использованием немецких трофейных патентов. В приказе Министерства угольной промышленности западных районов СССР от 28 июля 1947 года № 224 приводился подробный план по восстановлению рудников и развитию добычи угля с указанием сроков и мощности восстанавливаемых и вновь строящихся рудников на острове Шпицберген. В августе 1947 года Министерство лесной промышленности СССР намеревалось напечатать тиражом в 6 тыс. экземпляров приказ № 311, содержащий сведения о лесной промышленности СССР, плановые задания по экспорту, информацию о размещении заказов на номерных оборонных заводах Министерства вооружения с указанием характера выпускаемой продукции, постройке новых железных дорог в Карело-Финской ССР и т. п. В приказе излагалось не опубликованное в печати постановление СМ СССР от 8 августа 1947 года № 2804. Министерство текстильной промышленности СССР намеревалось напечатать приказ от 22 августа 1947 года № 508, в котором имелся полный обзор состояния текстильной промышленности и обеспечения ее сырьем и оборудованием. Данные сведения выходили далеко за рамки опубликованных сведений Госплана СССР. Главлит предлагал названным министерствам оформить эти документы как секретные и печатать в закрытых специальных типографиях. Главлит предлагал ввести следующие ограничения:

«1. Впредь все служебные документы без грифа... подлежат предварительному просмотру цензурой. 2. Документы печатать лишь в том случае, если проверкой установлено, что в материале не содержится сведений, не разрешенных к публикации. В отдельных случаях необходимо брать письменное подтверждение ру-

ководителя или начальника спецотдела учреждения, что не содержится сведений, составляющих государственную тайну, предусмотренных постановлением от 8 июля 1947 года. 3. Контролю не подлежат служебные материалы с грифом “секретно” и “совершенно секретно”, а также материалы, размноженные в спец. типографиях и которые распространяются закрытым путем под ответственность руководителя. Об изложенных ограничениях Главлитом даны соответствующие указания типографиям и местным органам цензуры»²⁹.

Таким образом, Главлиту вменялось контролировать все издания без ограничительного грифа и давать разрешение на публикацию документов, если в них не содержалось государственной и военной тайны. Характерно, что на вышеописанном письме Главлита стояла виза: «Правильно. 14.10.47 г. К. Ворошилов».

ИТОГИ РАБОТЫ И ПРОБЛЕМЫ ГЛАВЛИТА

Об объеме и результатах работы Главлита говорят цифры. Так, за 1947 год органы цензуры предотвратили 21 176 случаев разглашения государственной тайны и политико-идеологических моментов. Из общего числа (21 176) экономических сведений – 5778, по транспорту и связи – 1115³⁰. В 1947 году было вскрыто 1582 нарушения и ошибки (в том числе выполнение производственных планов по основным отраслям промышленности, дислокация оборонной промышленности)³¹. Было произведено 902 вмешательства, из которых 798 перечневого и 104 политико-идеологического направления³². В данный период особое внимание уделялось экономическим сведениям (запасы полезных ископаемых, строительство новых объектов промышленности, НИИ и НИОКР и т. д.). Главлитом было проконтролировано 80 000 печатных листов 60 ведущих центральных издательств. На 89 работ были наложены ограничительные грифы, произведено свыше двух тысяч «вычерков» перечневого и политико-идеологического характера. Как отмечал Главлит, руководствуясь постановлением СМ СССР от 8 июня 1947 года, были предотвращены утечки сведений: о запасах и месторождениях полезных ископаемых, новом строительстве промышленных объектов, незавершенных научно-исследовательских работах, изобретениях, а также результатах научных разработок, которые было нецелесообразно опубликовывать открыто. Главлитом было предотвращено опубликование 916 запрещенных сведений о мощности действующих и строящихся предприятий, шахт и электростанций, а также военных заводов, о строительстве новых железных дорог, изобретениях и технических усовершенствованиях, работе советских ученых по расщеплению атомного ядра³³.

В Главлите были свои проблемы. Самая животрепещущая состояла в непомерной цензурской нагрузке (300 печатных листов в месяц) на человека, обусловленной растущей издательской деятельностью после войны. Объем работы не соответствовал организационно-техническим возможностям аппарата. Это приводило к возникновению ошибок. Так, в данный период последующим контролем был вскрыт 2221 случай допущенных ошибок цензоров, 1582 нарушения и политико-идеологические описки³⁴. Также отделом последующего контроля в местных изданиях было обнаружено 550 случаев опубликования запрещенных сведений и политико-идеологических ошибок. Большой проблемой была нехватка кадров и слабая квалификация местных цензоров³⁵. Не все цензоры умели предотвращать появление материалов и сведений, косвенно раскрывающих потенциальные мобилизационные возможности народного хозяйства³⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 1947 году Главлит продолжал выполнять свои основные функции по защите экономической тайны в условиях холодной войны. Так, в это время появляются новые направления по защите сведений в экономической области, таких как информация по реактивному самолето- и ракетостроению, месторождениям и запасам радиоактивных элементов (урана, тория и др.) и новым объектам промышленного производства и строительства. Актуальными оставались вопросы контроля за сведениями экономического характера, ранее подлежащими засекречиванию на основании соответствующих Перечней. Особую озабоченность в данный период приобретала защита экономических и промышленных сведений по новым направлениям и перспективным тенденциям промышленного производства, научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе. В общем плане контроль за сохранением государственной тайны в стране как видом контрразведывательной деятельности оставался за органами государственной безопасности. В разоренной войной стране органы государственной безопасности и цензурный аппарат контролировали и оперативно осуществляли необходимые мероприятия по защите секретных сведений в экономической области. Меры противодействия экономическому шпионажу определялись адекватной реакцией на возникающие в мире и стране проблемы и угрозы, которые актуальны и в наши дни. Государство в лице его полномочных органов оперативно, своевременно и адекватно реагировало на новые вызовы, меняющийся состав и содержание секретных сведений, требующих защиты в экономической области.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 508. Л. 40–41.
- ² ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 510. Л. 69.
- ³ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 514. Л. 6–8.
- ⁴ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 4.
- ⁵ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 28.
- ⁶ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 512. Л. 180–182.
- ⁷ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 514. Л. 6–8.
- ⁸ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 31–32.
- ⁹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 82.
- ¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 18.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 9–10.
- ¹² ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 604. Л. 58.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 604. Л. 59.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 604. Л. 21–21 об.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 604. Л. 24.
- ¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 7.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 609. Л. 25.
- ¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 513. Л. 34.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 516. Л. 8.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 518. Л. 4.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 609. Л. 136.
- ²² ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 511. Л. 105.
- ²³ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 511. Л. 180.
- ²⁴ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 508. Л. 20.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 508. Л. 28.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 508. Л. 160.
- ²⁷ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 511. Л. 96–97.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 508. Л. 73.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 508. Л. 94–96.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 519. Л. 2.
- ³¹ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 519. Л. 18.
- ³² ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 519. Л. 19.
- ³³ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 516. Л. 4–5.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 519. Л. 2.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 516. Л. 9.
- ³⁶ ГА РФ. Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 516. Л. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атаманенко И. Г. КГБ – ЦРУ. Кто сильнее? М.: Вече, 2015. 304 с.
2. Губарев В. С. Секретные академики. Кто сделал СССР сверхдержавой. М.: Вече, 2015. 320 с.
3. Куренков Г. А. Вопросы секретности на международных конференциях Второй мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 73–83.
4. Первушин А. Атомный проект: История сверхоружия. СПб.: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. 447 с.
5. Печковский П. В. Цензура в печати, как элемент государственной политики в области информационной безопасности Советской России // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. История. С. 116–122.
6. Победители и побежденные. От войны к миру: СССР, Франция, Великобритания, Германия, США (1941–1950) / Пер. с англ., нем. и фр. Е. Кустова и др. М.: РОССПЭН, 2010. 302 с.
7. Рыченков С. Ю. Сталин и «фальсификаторы истории» // Осторожно, история. М., 2011. С. 248–280.
8. Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. 688 с.
9. Тобольский А. Экспансия иностранного шпионажа. Угроза модернизации России. М.: Вече, 2011. 496 с.
10. Толстиков В. С. Режим секретности на предприятиях ядерного комплекса Урала (1945–1950 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. Исторические науки. 2015. Т. 15, № 4. С. 43–46.
11. Хлобустов О. М. Управление Министерства государственной безопасности СССР по городу Москве и Московской области. 1946–1954 гг. // Исторические чтения на Лубянке. 100-летие ВЧК: уроки истории: Материалы XXI Всерос. науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 2017 года). М., 2018. С. 298–307.
12. Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники: Сб. науч. статей. М., 2012. 272 с.

13. Христофоров В. С. История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг. М.: РГГУ, 2017. 438 с.
14. Шаваяев А. Г. Галерея шпионажа. М.: ИНФРА, 2009. 428 с.
15. Широкоград А. Б. Великая контрибуция. Что СССР получил после войны. М.: Вече, 2015. 304 с.

Поступила в редакцию 28.12.2020; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Gennady A. Kurenkov, Cand. Sc. (History), Deputy Head, Russian State Archive of Socio-Political History (Moscow, Russian Federation)
kuren62@mail.ru

PROTECTION OF ECONOMIC SECRECY AND GLAVLIT IN 1947

Abstract. The article presents the problem of protecting economic secrecy in 1947 under the conditions of the Cold War. The purpose and tasks of the article are to determine the specifics of Glavlit's work and the information that makes up economic secrecy, as well as to determine the objects and subjects of protection against industrial espionage. The research led to the conclusion about the swiftness, timeliness and adequacy of the response of the state acting through its authorized bodies to new challenges and to the changing composition and content of secret information that require protection in the economic field. New documents introduced into scientific circulation allow us to trace the dynamics of development and the coordinated activities of state authorities and the competent state body to protect economic secrecy during the initial period of the Cold War.

Keywords: Cold War, Commissioner of the Council of Ministers of the USSR for the Protection of Military and State Secrets in the Press, Glavlit, economic secrecy, industrial espionage, secrecy, censorship

For citation: Kurenkov, G. A. Protection of economic secrecy and Glavlit in 1947. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):30–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.690

REFERENCES

1. Atamanenko, I. G. KGB – CIA. Who is stronger? Moscow, 2015. 304 p. (In Russ.)
2. Gubarev, V. S. Secret academicians. Who made the USSR a superpower. Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.)
3. Kurenkov, G. A. Issues of secrecy at international conferences of the Second World War. *Questions of History*. 2013;2:73–83. (In Russ.)
4. Pervushin, A. Atomic project: The history of a super weapon. St. Petersburg, 2015. 447 p. (In Russ.)
5. Pechkovskiy, P. V. Censorship in the press as an element of the state policy in the field of information security in Soviet Russia. *The Bryansk State University Herald. History*. 2015;3:116–122. (In Russ.)
6. The winners and the defeated. From war to peace: the USSR, France, Great Britain, Germany, the USA (1941–1950). Moscow, 2010. 302 p. (In Russ.)
7. Rychenkov, S. Y. Stalin and the “falsifiers of history”. *Caution! History*. Moscow, 2011. P. 248–280. (In Russ.)
8. Sudoplatov, P. A. Special operations. Lubyanka and the Kremlin, 1930–1950. Moscow, 1998. 688 p. (In Russ.)
9. Tobol'sky, A. Expansion of foreign espionage: the threat of modernization of Russia. Moscow, 2011. 496 p. (In Russ.)
10. Tolstikov, V. S. Security mode at the Urals nuclear complex enterprises in 1945–1950. *South Ural State University Bulletin. Series: Social Sciences and Humanities*. 2015;15(4):43–46. (In Russ.)
11. Khloubstov, O. M. Department of the Ministry of State Security of the USSR for the city of Moscow and the Moscow region. 1946–1954. *Historical Readings at Lubyanka. 100th Anniversary of Vecheka: Lessons of History: Proceedings of the XXI All-Russian Scientific Conference. (Moscow, December 7–8, 2017)*. Moscow, 2018. P. 298–307. (In Russ.)
12. Hazy weekdays of the Cold War: its soldiers, foremen and unwitting participants: Collection of research articles. Moscow, 2012. 272 p. (In Russ.)
13. Hristoforov, V. S. History of Soviet state security bodies: 1917–1991. Moscow, 2017. 438 p. (In Russ.)
14. Shavaev, A. G. Espionage gallery. Moscow, 2009. 428 p. (In Russ.)
15. Shirokorad, A. B. Great war indemnity. What the USSR received after the war. Moscow, 2015. 304 p. (In Russ.)

Received: 28 December, 2020; accepted: 28 June, 2021

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0348-2629; repukhova@yandex.ru

АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ МАЛЫШКО

магистрант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4757-6114; antonmalyshko@yandex.ru

**РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ МОБИЛИЗАЦИОННОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СССР**

А н н о т а ц и я . История мобилизационной подготовки советских северо-западных железных дорог в 1920-е годы остается малоизученной. Железные дороги являлись ключевым видом транспорта данного региона, играли важнейшую роль в организации транзита товаров и экономического развития, а в условиях военного времени обеспечивали бесперебойное снабжение армии снаряжением и подкреплениями. Настоящая статья нацелена на изучение процесса разработки системы мобилизационного планирования железнодорожного транспорта на северо-западе СССР в 1920-е годы. В ходе исследования были привлечены материалы региональных и федеральных архивов, нормативно-правовые акты, а также периодическая печать. Методологической базой статьи является применение историко-системного, историко-генетического методов, а также элементов контент-анализа и семиотического подхода. В работе показано, что железные дороги северо-запада СССР играли значительную роль в советском мобилизационном планировании. Она объясняется большой стратегической важностью региона, а также необходимостью восстановления расположенного в нем железнодорожного транспорта, ставшего одним из театров военных действий в Гражданской войне. В этой связи заявки от железных дорог северо-запада СССР имели наибольший процент одобрения при формировании эвакуационного плана 1928 года. В то же время задача развития северо-западных железных дорог СССР не являлась первоочередной для военно-политического руководства страны в 1920-е годы в силу второстепенной важности угрозы со стороны Финляндии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : северо-запад СССР, Финляндия, мобилизационное планирование, железнодорожный транспорт, Мурманская железная дорога, Кировская железная дорога, Северная железная дорога

Д л я ц и т и р о в а н и я : Репухова О. Ю., Малышко А. А. Разработка системы мобилизационного планирования железнодорожного транспорта на северо-западе СССР // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 39–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.691

ВВЕДЕНИЕ

Мобилизационная подготовка является неотъемлемой частью функционирования современного государства. В условиях сложной внешнеполитической обстановки военно-политическое руководство Российской Федерации принимает меры по повышению обороноспособности государства; в качестве одной из них следует назвать, к примеру, утверждение 21 января 2020 года Доктрины продовольственной безопасности РФ¹. С 1997 года в стране действует Феде-

ральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»².

Мобилизационная подготовка СССР в 1920–1930-е годы стала фундаментом его победы в Великой Отечественной войне. Накопленный в этот период опыт советского мобилизационного планирования сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Выбор данного географического региона (северо-запад СССР) обусловлен его военно-стратегической значимостью: приграничное положение территории детерми-

нировало ее статус форпоста Российского государства, а также исключительную роль в обеспечении регулярной морской связи с государствами Западной Европы. В данных условиях особую важность для исследования представляет Кировская железная дорога – важнейшая транспортная артерия региона. В годы Великой Отечественной войны дорога обеспечивала наиболее удобный и короткий путь доставки в СССР ресурсов из стран-союзниц по антигитлеровской коалиции [3: 421].

При значительном интересе исследователей к изучению истории российского железнодорожного транспорта [2], [3], [4], советской мобилизационной политики в 1920–1930-е годы [7], [8], [11], [12], истории Карелии [1], [5], [6], в том числе в период Гражданской войны [16], тема мобилизационной подготовки железнодорожного транспорта северо-запада СССР в 1920-е годы остается малоизученной в историографии.

Источниковая база работы основана на анализе комплекса документов и материалов региональных и федеральных архивов, нормативно-правовых актов, периодической печати.

Данная статья нацелена на рассмотрение процесса разработки мобилизационного планирования железнодорожного транспорта в 1920-е годы на примере Кировской железной дороги, полотно которой пронизывает северо-западный регион. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1) проследить генезис и совершенствование системы мобилизационного планирования железнодорожного транспорта СССР в 1920-е годы в нормативно-правовых актах;

2) проанализировать дискурс о мобилизационной подготовке железнодорожного транспорта в советской периодической печати (на примере журнала «Война и революция»).

Методологической основой исследования стал комплекс традиционных и инновационных подходов. Историко-генетический метод позволил проследить генезис и динамику мобилизационной подготовки железнодорожного транспорта СССР в изучаемый период, историко-системный – рассмотреть данный процесс как часть единой системы мобилизационного планирования Советского государства. Кроме того, в процессе изучения периодической печати были использованы контент-анализ и семиотический подход.

* * *

Окончанием основных боевых действий Гражданской войны на северо-западе России принято считать освобождение г. Мурманска в марте 1920 года [15: 195–196]. К тому времени в ре-

зультате боевых действий 1914–1920 годов России был нанесен колоссальный урон. Так, совокупный национальный доход государства³ сократился на 62 % [9: 38], грузооборот и пассажирооборот железнодорожного транспорта России снизился на 82,6 % и 73,4 % соответственно [9: 78]; в восстановлении нуждалось более 80 % железнодорожной сети страны [4: 140].

Россия к 1920 году оказалась в полной дипломатической изоляции. В этой связи военно-политическим руководством страны предполагалось наличие военного блока соседних государств (Румыния, Эстония, Латвия, Польша и Финляндия), имеющего мощную политическую и финансовую поддержку Великобритании и Франции, а также враждебные намерения в отношении РСФСР [6: 104–105].

Северо-запад России, которому в данной военной доктрине в силу незначительной опасности от Финляндии отводилось второстепенное значение [6: 104–105], в Гражданскую войну был одним из основных театров военных действий борьбы против интервентов. В ней значительную роль играл железнодорожный транспорт: высадившийся летом 1918 года в г. Мурманске противник продвигался на юг строго вдоль главной транспортной артерии региона – Мурманской железной дороги. Северная железная дорога также стала местом борьбы с высадившимися в г. Архангельске интервентами [5: 389].

К лету 1920 года железнодорожная сеть региона была разрушена. Недостроенная к концу Первой мировой войны и ставшая одним из эпицентров боевых действий в ходе интервенции Мурманская железная дорога требовала срочного ремонта и находилась под угрозой закрытия⁴.

Таким образом, в условиях ограниченных ресурсов и полной внешнеполитической изоляции СССР [12: 14] требовалось не только восстановление, но и мобилизационная подготовка железнодорожного транспорта.

Следует отметить, что в предшествующий период в России реализовывались отдельные элементы мобилизационной подготовки железнодорожного транспорта. Так, с началом Первой мировой войны имперское правительство осознало необходимость создания единой системы государственного планирования, нацеленной на эффективное использование имеющихся в стране ресурсов. В феврале 1915 года была учреждена Комиссия по изучению естественных производительных сил Академии наук [15: 195]. В ее состав вошли крупнейшие российские ученые и государственные деятели, возглавил

комиссию академик В. И. Вернадский [8: 28]. Целями комиссии ставились комплексное изучение природных ресурсов Российской империи, внедрение их в производство и, в конечном счете, значительное ослабление существовавшей тогда зависимости ключевых отраслей экономики от Германской империи [8: 27].

Одним из элементов будущего мобилизационного планирования можно назвать также строительство Северной и Мурманской железных дорог (движение открыто в 1907 и 1916 годах соответственно), призванных обеспечить в условиях ухудшающейся внешнеполитической обстановки регулярную связь имперского центра и северных губерний. Помимо этого, следует отметить утвержденное Николаем II 17 февраля 1913 года «Положение о подготовительном к войне периоде». Согласно этому документу, подготовительным периодом считался этап дипломатических осложнений, предшествующий началу военных действий. В течение этого времени должны были быть приняты необходимые меры для подготовки и обеспечения успеха мобилизации. Среди прочего Министерству путей сообщения предписывалось подготовить железнодорожный транспорт к воинским перевозкам, а при последующем ухудшении внешнеполитической ситуации – принять меры по обеспечению охраны железных дорог и их разрушению при возможном отступлении Русской армии [10: 25–26].

Таким образом, в России к началу 1920-х годов был опыт реализации отдельных элементов мобилизационного планирования, однако в единую систему оно оформилось к середине десятилетия. В то же время опыт Первой мировой войны показал недостаточность реализации железнодорожным транспортом функции регулярных перевозок людских и материальных ресурсов на фронт [7: 11]. Исходя из этого военными теоретиками 1920-х годов была определена основная цель железнодорожного транспорта СССР в военное время – организация прифронтовыми дорогами бесперебойного снабжения сражающейся армии снаряжением и подкреплениями, а тыловыми дорогами – регулярных грузовых и пассажирских перевозок⁵. Реализация этой цели была возможна, согласно Б. Букину, при наличии развитой железнодорожной инфраструктуры и подвижного состава. Важность наличия в прифронтовой зоне развитых железных дорог с целью реализации своевременных перевозок также подчеркивалась С. Добровольским на основе анализа опыта боевых действий ис-

панской и французской армий в Марокко в Третьей рифской войне (1921–1926 годы)⁶.

Значительное внимание военных теоретиков привлекали служащие железнодорожного транспорта. В обращенной прежде всего к военнослужащим статье М. В. Фрунзе⁷ содержится идея проведения в гражданских ведомствах особой просветительской работы, нацеленной на понимание сотрудниками необходимости укрепления обороноспособности страны, повышения их лояльности советской власти. Б. Букин акцентирует внимание читателей на квалификации железнодорожников и создании эффективной системы управления железными дорогами как в мирное, так и в военное время⁸. Не менее важным предметом для дискуссии являлась реализация мероприятий по повышению обороны инфраструктуры и безопасности сотрудников железных дорог, расположенных на приграничных территориях глубиной в 500 км⁹. Отмеченные выше направления деятельности должны были носить плано-вый характер¹⁰.

Поскольку реализация мероприятий мобилизационной подготовки возможна только в мирное время, считаем целесообразным отнести начало становления мобилизационного планирования железнодорожного транспорта северо-запада СССР к июлю 1924 года – отмене в регионе военного положения. Введенное 5 июля 1918 года из-за иностранной интервенции [5: 141] и продленное 10 октября 1920 года из-за начавшегося Карельского восстания [1: 141], оно предусматривало передачу созданному Военно-революционному комитету всей полноты власти. В условиях военного времени охрана Мурманской и Северных железных дорог реализовывалась воинскими частями недавно созданной Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в пределах 32-километровой полосы отвода на основании особой инструкции о военном положении на железных дорогах [14: 26]. Непосредственное руководство железнодорожным транспортом региона в данный период реализовывалось Ленинградским военным округом.

Отмена военного положения в регионе обусловила передачу управления расположенным в нем железнодорожным транспортом гражданским ведомствам, а именно – Народному комиссариату путей сообщения (НКПС) СССР¹¹. В тот период сформировалось основное правило мобилизационной подготовки СССР, в соответствии с которым за планирование отвечали военные ведомства, а за реализацию утвержденных планов на практике – гражданские.

На общегосударственном уровне мобилизационное планирование начало институционально оформляться в 1923 году с принятием нормативно-правовых актов о создании угрожаемых зон – территорий СССР, непосредственно прилегающих к государственной границе и тем самым наиболее уязвимых для нападения [13: 5]. Однако в условиях Карельского восстания уже 4 января 1922 года Военно-революционный комитет объявил непосредственно прилегающую к финляндской границе территорию шириной 50 верст¹² подлежащей эвакуации, а следующую за ней к востоку полосу в 50 верст – угрожаемой [13: 26]. Прифронтовая Мурманская железная дорога вошла в угрожаемую зону лишь отдельными небольшими участками.

Становление системы мобилизационного планирования требовало создания единой нормативно-правовой базы. В июне 1926 года М. Н. Тухачевский инициировал создание нового «Положения о подготовительном к войне периоде». В процессе подготовки документа был значительно использован как советский, так и имперский опыт государственного планирования [10: 27].

11 августа 1926 года разработанное Центральным межведомственным мобилизационным комитетом (ЦММК) положение было утверждено Постановлением Совета труда и обороны СССР [13: 5]. Согласно документу, подготовительный к войне период делился на два этапа. Первый этап начинался с момента осложнения международных отношений до момента выявления неизбежности войны, второй – с момента выявления неизбежности военного столкновения до открытого объявления мобилизации [10: 28]. В первый период реализовывалась скрытая мобилизация, во второй – эвакуация. Для периода скрытой мобилизации разрабатывались мобилизационные планы, а для режима эвакуации – эвакуационные планы [12: 21]. Начало каждого этапа определялось Президиумом ЦИК СССР [10: 28].

Мероприятия скрытой мобилизации были нацелены на снижение издержек режима эвакуации, а также подготовку территорий предполагаемого конфликта к военным действиям [14: 17]. В данный период среди прочего требовалось ускорить строительство и ремонт стратегически важных железных дорог (в их число, разумеется, входили Мурманская и Северная), перевести в тыл неисправный подвижной состав, оборудовать железнодорожную инфраструктуру для нужд военного времени, а также совместно с Наркоматом по военным и морским делам

СССР разработать план переброски воинских частей к предполагаемому театру военных действий (то есть план железнодорожных воинских перевозок) [10: 28–34].

Мероприятия эвакуационного планирования предполагали перестройку путей сообщения зоны предполагаемого конфликта к функционированию в условиях военного времени, а также организацию эвакуации населения и ценных материалов из угрожаемых территорий [14: 17]. В условиях северо-запада СССР подавляющая часть эвакуационных перевозок возлагалась на железнодорожный транспорт. Эвакуационное планирование железнодорожного транспорта предполагало эвакуацию населения и особо важных грузов из угрожаемых зон, прекращение нецелесообразных в военное время строительных работ, формирование органов главного управления путей сообщения на театре военных действий и передачу ему руководства железнодорожным транспортом региона [10: 34–38]. «Положение о подготовительном к войне периоде» 1926 года стало нормативно-правовой основой для написания советских мобилизационных и эвакуационных планов в 1920-е и 1930-е годы.

В силу географического положения особую актуальность требования мобилизационного планирования представляли для руководства Мурманской железной дороги.

В 1922 году Карельская трудовая коммуна была отнесена к северо-западному сектору Западной приграничной полосы¹³. В 1927 году сектор был переименован в Северный. В 1928 году в целях более эффективного обеспечения эвакуационных мероприятий все сектора полосы были поделены на 1-ю и 2-ю угрожаемую зоны в зависимости от степени расположенности к государственной границе [12: 44–45]. Карелия, Ленинградская и Мурманская губернии были отнесены к 1-й угрожаемой зоне [12: 44–45]. Особо угрожаемыми территориями данной зоны были определены: Ухтинский, Паданский и Петрозаводский уезды (Карелия), Петроградский уезд (Ленинградская губерния), Кольско-Лопарская волость (Мурманская губерния) [12: 44–45]. В этой связи подавляющая часть инфраструктуры Мурманской железной дороги к концу 1920-х годов располагалась на территории особо угрожаемой зоны, что обусловило ограничения на ее модернизацию.

Значительное влияние на становление советского мобилизационного планирования в 1920-е годы оказала «военная тревога» 1927 года.

В условиях сложившегося кризиса советско-британских отношений возникла опасность скорейшего начала боевых действий между двумя странами. 27 мая 1927 года Великобритания разорвала с СССР дипломатические отношения, а британский флот вошел в Балтийское море [11: 382]. Данная ситуация была вскоре дипломатически улажена, однако именно она перевела вопрос готовности страны к войне «из категории абстрактных угроз в разряд злободневных проблем, определяющих политическую повестку дня» [11: 382] и значительно определила вектор развития мобилизационного планирования в 1930-е годы [7: 15]. К этому же периоду относится создание в наркоматах ведомств, ответственных за реализацию в них требований мобилизационного планирования [11: 382].

В этих условиях в 1927 году был разработан первый эвакуационный план (ЭП-1928). При его формировании Северным сектором угрожаемой полосы (Мурманская, Октябрьская и Северная железные дороги) была заявлена железнодорожная перевозка 42 445 человек и 24 803 тонн грузов. Решением Совета труда и обороны СССР было утверждено 94,44 % людских и 94,40 % грузовых заявок ведомств сектора [10: 71]. Таким образом, северо-западные железные дороги обеспечивали 15,7 % планируемых эвакуационных перевозок – это наибольший процент удовлетворения заявок среди всех секторов угрожаемой полосы, однако причиной этого видится исключение из плана заявок ведомств из г. Ленинграда [10: 71].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советское мобилизационное планирование в 1920-е годы, несмотря на наличие определенного дореволюционного опыта, являлось уникальным явлением, было реакцией государства на возникшие внешнеполитические вызовы. Важную роль в системе советского мобилизационного планирования играл железнодорожный транспорт. Его бесперебойная работа является кровеносной системой экономики военного времени, обеспечивая своевременный транзит товаров, снабжение сражающейся армии и перевозку к ней подкреплений. В этой связи железнодорожный транспорт СССР стал одной из первых отраслей экономики, в которых начала реализовываться мобилизационная подготовка.

Анализ нормативно-правовой базы мобилизационного планирования в 1920-е годы подтверждает данный тезис. Развитие железнодорожной сети северо-запада СССР в силу стратегической важности региона являлось одной из приоритетных задач советского военно-политического руководства в 1920-е годы. Кроме того, существовала необходимость восстановления железнодорожного транспорта региона, понесшего значительный урон в ходе Гражданской войны. В этой связи заявки от северо-западных железных дорог СССР имели наибольший процент одобрения при формировании эвакуационного плана 1928 года. Однако задача развития северо-западных железных дорог СССР не являлась первоочередной для военно-политического руководства страны в 1920-е годы в силу второстепенной важности угрозы со стороны Финляндии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения 02.10.2021).
- ² Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/136945/> (дата обращения 02.10.2021).
- ³ Приводимые данные актуальны для территории СССР межвоенного периода.
- ⁴ Крентышев. Достройка Мурманской жел. дороги // Вестник Мурманской железной дороги. 1923. № 2. С. 15.
- ⁵ Букин Б. Железные дороги в мировую войну и их ближайшие задачи в подготовке страны к обороне // Война и революция. 1926. № 3. С. 101.
- ⁶ Добровольский С. Техника в малой войне // Война и революция. 1925. № 5. С. 81; Нагородский Л. Маскировка оперативных перевозок // Война и революция. 1926. № 1. С. 103–108.
- ⁷ Фрунзе М. В. Очередные задачи политработников // Война и революция. 1925. № 5. С. 10.
- ⁸ Букин Б. Железные дороги в мировую войну и их ближайшие задачи в подготовке страны к обороне // Война и революция. 1926. № 3. С. 101.
- ⁹ Бородачев В. Основы воздухообороны // Война и революция. 1925. № 5. С. 91.
- ¹⁰ Букин Б. Железные дороги в мировую войну и их ближайшие задачи в подготовке страны к обороне (окончание) // Война и революция. 1926. № 4. С. 101.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-1625. Оп. 1. Д. 1/10. Л. 16.
- ¹² Одна верста равняется 1,07 км.

¹³ РГВА. Ф. 32032. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутвило А. И. Карельская трудовая коммуна. Петрозаводск, 2011. 275 с.
2. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб., 2011. 205 с.
3. Зеленская Ю. Н. Кировская железная дорога – прифронтовая магистраль Европейского Севера в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Тихоокеанского государственного университета. 2019. Т. 10, № 4. С. 418–423.
4. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза 1817–1945. Т. 2 / Н. Е. Аксененко [и др.]. СПб.; М., 1997. 416 с.
5. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. Н. А. Кораблева [и др.]. Петрозаводск, 2001. 943 с.
6. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. 275 с.
7. Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М., 2008. 512 с.
8. Кольцов А. В. Деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 годы // Современные производительные силы. 2015. № 1. С. 26–36.
9. Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М., 2013. 111 с.
10. Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921–1941). М., 2004. 352 с.
11. Мухин М. Ю. История формирования системы органов мобилизационного планирования экономики в Советской России и СССР в 1921–1927 гг. // История российской государственности. 2021. С. 379–383.
12. Репухова О. Ю. Военно-гражданская мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах: Научное электронное издание. Петрозаводск, 2016. 1 электрон. опт. диск.
13. Репухова О. Ю. Мобилизационное планирование в Карелии в предвоенное десятилетие // *Studia Humanitatis Borealis*. 2015. № 1 (4). С. 3–14.
14. Репухова О. Ю. Пространственно-мобилизационная подготовка Карелии в 1920–1930-х гг. Петрозаводск, 2016. 68 с.
15. Свержевская М. И. Академия наук в переломную эпоху (1915–1930-е гг.) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4. Ч. 1. С. 194–204.
16. Шумилов М. И. Во главе обороны Севера России в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1967. 199 с.

Поступила в редакцию 24.08.2021; принята к публикации 04.10.2021

Original article

Oksana Yu. Repukhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-0348-2629; repukhova@yandex.ru

Anton A. Malyshko, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-4757-6114; antonmalyshko@yandex.ru

DEVELOPMENT OF MOBILIZATION PLANNING SYSTEM FOR RAILWAY TRANSPORT IN THE NORTHWEST OF THE USSR

Abstract. The history of the mobilization preparation of the Soviet northwestern railways in the 1920s remains poorly studied. Railways were the key mode of transport in this region, played a crucial role in organizing the transit of goods and economic development, and in wartime conditions ensured an uninterrupted supply of equipment and reinforcements to the army. This article is aimed at examining the process of developing a mobilization planning system for railway transport in the northwest of the USSR in the 1920s. In the course of the study, materials from regional and federal archives, regulatory legal acts, and periodicals were involved. The methodological basis of the article is the use of historical-systemic and historical-genetic methods, as well as some elements of the content analysis and the semiotic approach. The paper shows that the railways of the northwest of the USSR played a significant role in Soviet mobilization planning. It is explained by the significant strategic importance of the region, as well as the need to restore the railway transport located there, which became one of the theaters of military operations in the Civil War. In this regard, applications from the railways of the northwest of the USSR had the highest percentage of approval when forming the evacuation plan of 1928. At the same time, the task of developing the northwestern railways of the USSR was not a priority for the country's military and political leadership in the 1920s due to the secondary importance of the threat from Finland.

Key words: northwest of the USSR, Finland, mobilization planning, railway transport, Murmansk Railway, Kirov Railway, Northern Railway

For citation: Repukhova, O. Yu., Malyshko, A. A. Development of mobilization planning system for railway transport in the northwest of the USSR. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):39–45. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.691

REFERENCES

1. Butvilo, A. I. The Karelian Labor Commune. Petrozavodsk, 2011. 275 p. (In Russ.)
2. Golubev, A. A. Murmansk Railway. History of construction (1894–1917). St. Petersburg, 2011. 205 p. (In Russ.)
3. Zelenskaya, Yu. N. Kirov Railway – a front-line railway of the European North during the Great Patriotic War. *Proceedings of Pacific National University*. 2019;10(4):418–423. (In Russ.)
4. The history of railway transport in Russia and the Soviet Union, 1817–1945. Vol. 2. St. Petersburg, Moscow, 1997. 416 p. (In Russ.)
5. History of Karelia from ancient times to the present day. (N. A. Korableva et al., Eds.). Petrozavodsk, 2001. 943 p. (In Russ.)
6. Kilin, Yu. M. Karelia in the policy of the Soviet state in 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 275 p. (In Russ.)
7. Ken, O. N. Mobilization planning and political decisions (between the late 1920s and the mid-1930s). Moscow, 2008. 512 p. (In Russ.)
8. Koltsov, A. V. Activities of the Commission for the Study of Russia's Natural Productive Forces: 1914–1918. *Modern Productive Forces*. 2015;1:26–36. (In Russ.)
9. Markevich, A., Harrison, M. World War I, the Civil War and recovery: Russia's national income in 1913–1928. Moscow, 2013. 111 p. (In Russ.)
10. Melia, A. A. Mobilization preparation of the USSR national economy (1921–1941). Moscow, 2004. 352 p. (In Russ.)
11. Mukhin, M. Yu. The history of the formation of a system of bodies for the mobilization planning of the economy in Soviet Russia and the USSR in 1921–1927. *History of Russian statehood*. 2021. P. 379–383. (In Russ.)
12. Repukhova, O. Yu. Military and civil mobilization preparation in Karelia in the 1920s and the 1930s: Electronic scientific publication. Petrozavodsk, 2016. (In Russ.)
13. Repukhova, O. Yu. Mobilization planning in Karelia in prewar decade. *Studia Humanitatis Borealis*. 2015;1(4):3–14. (In Russ.)
14. Repukhova, O. Yu. Spatial mobilization preparation of Karelia in the 1920s and the 1930s. Petrozavodsk, 2016. 68 p. (In Russ.)
15. Sverzhenskaya, M. I. The Academy of Sciences in the critical period (1915–1930s). *Ideas & Ideals*. 2019;11(4-1):194–204. (In Russ.)
16. Shumilov, M. I. In charge of the defense of the Russian North in 1918–1920. Petrozavodsk, 1967. 199 p. (In Russ.)

Received: 24 August, 2021; accepted: 4 October, 2021

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

syrsa@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КАРЕЛИИ В 1930-е ГОДЫ

А н н о т а ц и я . Проанализирована организационная, учебная и научная деятельность Карельского государственного педагогического института и Карело-Финского государственного университета в условиях сталинской модернизации 1930-х годов. На региональном материале показана смена приоритетов в организации высшей школы: от форсированного развития отраслевых вузов к университетской модели образования. Выявлены источники формирования, численность, состав таких новых социальных групп городского населения Карелии, как преподаватели и студенты вузов. На основе архивных документов дополнена биографическая база данных работников высшего образования региона. Доказано, что деятельность вузов Карелии существенно повысила в 1930-е годы доступность высшего образования для сельской молодежи, представителей финно-угорских народов. На территории приграничной республики власти намеревались использовать вузы в качестве инструмента социалистического влияния в Финляндии и в то же время усиливали политический контроль над вузовской корпорацией. Обвинения в сокрытии социального происхождения, подозрения в лояльности буржуазной идеологии или национализму, факт прибытия в Карелию из стран Запада становились поводом для увольнения, ареста, несправедного суда. В работе использованы генетический, проблемный и биографический методы, контекстуальный и системный подходы.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карельский государственный педагогический институт, Учительский институт, Карело-Финский государственный университет, студенчество, высшее образование

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филимончик С. Н. Становление высшей школы в Карелии в 1930-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 46–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.692

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 году исполняется 90 лет высшему образованию Карелии. Образование определяет интеллектуальный ресурс общества и личности. В условиях трансформации образовательных практик на основе цифровизации и коммерциализации остаются востребованными ценностные ориентиры классического образования. Его история важна для идентификации тех, кто сегодня обучает, учится, реформирует высшую школу. Память о прошлом своей корпорации поддерживает университет как общественный институт. В ходе модернизации образование играло двойную роль: способствовало становлению культурологической парадигмы, акцентирующей внимание на самореализации личности, воспитывало готовность к переменам и, закладывая основы фундаментальных знаний, помогало сохранить культурные традиции. Ныне традиции рассматриваются не как барьер, а как хранилище ресурсов для преобразований. История вузов находится на пересечении современных на-

правлений науки, в том числе социальной и интеллектуальной истории.

Становление высшего образования в Карелии рассмотрено в книгах по истории культуры края [2], [15], в работах, изданных к юбилею вузов [5], [9], [10], [14]. Последние служили прежде всего формированию их имиджа. Под редакцией В. Ф. Брызгина, Г. В. Чумакова, Л. Н. Юсуповой вышло в свет исследование о руководителях пединститута разных лет [13]. И. В. Шороховой охарактеризовано динамичное развитие университета в период оттепели [16], [17]. В научный оборот введены разные группы источников. М. И. Шумилов, И. П. Покровская определили информационный потенциал университетской газеты [14]. Р. П. Калинин широко представил выдержки архивных документов и создал хронику развития педагогического вуза [6]. Н. В. Предтеченская составила биографическую базу данных, важную для реконструкции коллективной биографии работников высшего образования Карелии [11]. С. Э. Яловицына, Е. В. Каменев, Д. В. Чет-

вертной показали возможности метода интервьюирования для воссоздания истории университета [8].

В большинстве работ основное внимание уделено послевоенной истории вузов, первые годы их деятельности рассмотрены фрагментарно. Целью данной статьи является комплексный анализ организационной, учебной и научной деятельности первых вузов Карелии в условиях реформ 1930-х годов. Особое внимание уделено характеристике новых социальных групп горожан – преподавателей и студентов вузов. Источниками стали прежде всего отчетные, учетные, справочно-аналитические документы фондов Министерства образования РК (ф. 630), Карельского государственного педагогического института (ф. 1168), Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена (ф. 1178), хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия. Используются информационные заметки республиканских газет, освещающие учебный процесс. Комплекс эго-документов по теме исследования крайне ограничен, тем не менее привлекался для характеристики организационных процессов и повседневной жизни студентов (воспоминания Г. Н. Куприянова, С. П. Сюнева). В работе использованы генетический, проблемный и биографический методы, контекстуальный и системный подходы.

В начале 1930-х годов правительство Карелии впервые попыталось создать в Петрозаводске учебное заведение университетского типа, где молодежь могла бы получать фундаментальное образование и успешно велись бы научные исследования. 8 февраля 1931 года СНК АКССР принял постановление о создании втуза-комбината. Он должен был включать сельскохозяйственный, педагогический и коммунистический вузы, рабочий факультет и Научно-исследовательский институт¹. Однако в Москве идея поддержки не встретила, в это время университетская модель образования подвергалась критике [1], поощрялось создание отраслевых вузов. Поэтому СНК РСФСР постановил создать в Карелии четыре самостоятельных института: лесной, сельскохозяйственный, педагогический и коммунистический².

В 1931/32 учебном году в Петрозаводске на базе техникумов созданы лесной и сельскохозяйственный институты. Их первые шаги были сопряжены с серьезными трудностями: не хватало абитуриентов со средним образованием, отсутствовали преподавательские кадры. Не сумевшие выжить в этих условиях институты в 1933 году были переведены в Ленинград³.

В 1932 году в республике открылся Карельский коммунистический университет, вскоре реорганизованный в Карельскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. В 1933 году в комвузе учились 219 человек, в основном практики-выдвиженцы, большинство являлось представителями финно-угорских народов⁴. Выпускники должны были стать организаторами сельскохозяйственного производства и новой жизни в колхозах, с таким трудом созданных, поэтому они получали и идеологическую подготовку, и научные знания. Преподавательский состав формировался с учетом обеих задач. Так, по распоряжению ЦК ВКП(б) в комвуз был направлен Яков Петрович Голенченко, выпускник Московского университета, профессиональный партийный работник. Возглавляя кафедру ленинизма, Голенченко продолжал учебу заочно в Институте красной профессуры. В 1937 году в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ) он защитил кандидатскую диссертацию [11: 15]. Химию и биологию будущей сельской элите преподавал Матвей Александрович Тойкка. У него за плечами был Ленинградский сельскохозяйственный институт, педагогический опыт работы во Всеволожском сельскохозяйственном техникуме, аспирантура на кафедре земледелия Пушкинского сельскохозяйственного института. Всего в 1935 году в комвузе трудились 30 преподавателей [2: 194].

24 августа 1931 года СНК АКССР принял постановление об организации Карельского государственного педагогического института (КГПИ) с 4-летним сроком обучения. Институт открылся в составе одного физико-технического отделения. К занятиям приступили 48 студентов, половина приехала из районов Карелии (Ребол, Кестеньги, Лоухи, Кеми, Пудожа и др.)⁵, 6 человек являлись иммигрантами. Студентов разбили на русскую и финскую секции. До выпуска дошла половина поступивших: в 1935 году 23 студента успешно защитили дипломы, из них трое на «отлично», 6 человек на «хорошо», остальные студенты получили удовлетворительные оценки⁶.

В 1934 году в КГПИ работали четыре факультета: физико-математический, естествознания, исторический, языка и литературы. Организацией учебного процесса занимались кафедры. Первыми были созданы кафедры педагогики и психологии (1932), математики (1932), биологии (1932), химии (1933) и др. С 1932 года работало заочное отделение. В 1935 году при вузе был организован Учительский институт.

«Вузовский городок» на окраине города включал несколько сырых дощатых двухэтаж-

ных домов с печным отоплением. Когда началось сооружение современного учебного корпуса на проспекте Ленина, студенты до темноты работали на стройке, чтобы ускорить возведение фундамента. В 1937 году учебные аудитории и лаборатории разместились в благоустроенном четырехэтажном кирпичном здании.

Первым директором КГПИ назначили Ивана Андреевича Вихко. Выходец из крестьянской семьи, он окончил аспирантуру Московского института научной педагогики. Директором КГПИ пробыл недолго, через год стал директором комвуза, а потом был назначен наркомом просвещения АКССР [11: 3]. Вихко сменил Петр Ефимович Савельев, чей жизненный путь похож на судьбу предшественника. Выходец из сямозерских карелов, Савельев, окончив педтехникум, учительствовал в родных местах. Через несколько лет он продолжил учебу в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, по окончании вуза трудился в Наркомпросе АКССР [13: 23]. Когда Савельев вернулся в Наркомпрос, КГПИ возглавил финский политэмигрант Эло Моисеевич Сювянен. В Финляндии за участие в революционном движении он пять лет провел в тюрьме. Прибыв в СССР, 28-летний рабочий окончил комвуз, а затем аспирантуру Ленинградского государственного университета (ЛГУ), стал первым заведующим кафедрой физики КГПИ [13: 32]. Работа Сювянена, как и сменившего его на короткое время карела Петра Григорьевича Грибкова, была прервана массовыми репрессиями. С конца 1938 года руководил работой КГПИ Константин Дмитриевич Митропольский, выпускник Петроградского университета (1917). После разгрома местных управленцев его направили в Карелию с учетом опыта заведования педтехникумами в Новгороде и Старой Руссе [13: 41].

В 1936 году в КГПИ работали три профессора, семь доцентов, 30 и. о. доцентов и 16 ассистентов⁷. Преподавателями институт обеспечивался разными путями. Частично привлекались преподаватели техникумов, такие как Петр Андреевич Лупанов, Валентин Михайлович Парфенов и др. Более важную роль сыграло направление на работу в Петрозаводск Ленинградским обкомом ВКП(б) аспирантов и выпускников ленинградских вузов. Среди первых прибыл Адам Адамович Райкерус, окончивший физико-математический факультет ЛГПИ и краткосрочную аспирантуру ЛГУ. Он был назначен деканом физико-математического факультета, а деканом биологического факультета стала Айно Семеновна Лутта, выпускница аспирантуры при Петергофском биологическом институте. Среди организаторов факультетской жизни выделим зооло-

га Михаила Яковлевича Марвина. В 1936 году он первым среди научной молодежи КГПИ защитил кандидатскую диссертацию, вскоре стал деканом факультета естествознания, заместителем директора по учебно-научной части.

Повышению уровня лекционных курсов, подготовке научных кадров содействовала работа совместителей. Кафедрой истории КГПИ руководил Александр Евгеньевич Кудрявцев – первый декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории средних веков ЛГПИ, специалист по истории Европы Средних веков и раннего Нового времени. Под его руководством в 1938 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вестготы и Римская империя в IV веке н. э.» петрозаводский историк Ефим Семенович Гардин.

Научная работа преподавателей ориентировалась на интересы их научных руководителей из столичных вузов. В то же время в институте наметилась тенденция к научному исследованию своего региона. В 1931–1935 годах она проявилась в изучении финского языка и финской культуры. В национальных группах обучение стремились вести на финском языке. На финский язык переводились программы и учебные пособия. Были разработаны лекционные курсы по истории финноязычной литературы. В 1937–1939 годах развернулась работа по созданию литературного карельского языка. Школьников из районов Карелии начали обучать на карельском языке, потребовались знающие его учителя. В КГПИ были созданы карельские группы. Курс карельского языка вел Николай Александрович Анисимов. В предвоенные годы им были изданы букварь карельского языка и учебник грамматики. Подготовленный Анисимовым учебник морфологии карельского языка обсуждался в Институте языка и мышления в Ленинграде и получил положительную оценку специалистов⁸. К сожалению, во второй половине 1930-х годов изучение финно-угорских языков в Карелии дважды прерывалось по политическим причинам.

Работа в вузе обеспечивала достаток, каким он виделся жителю Петрозаводска. В 1931 году промышленный рабочий получал в среднем 115 руб.⁹, профессор – 300 руб., доцент – 250 руб., ассистент – 210 руб. Профессорам и доцентам могли устанавливаться персональные оклады¹⁰. За работу по совместительству платили 75 % оклада. Разрыв в зарплате гегемона-рабочего и вузовского преподавателя возрастал. В 1936 году средний заработок рабочего АКССР вырос до 216 руб., а зарплата и. о. доцента пединститута – до 650 руб. и выше¹¹. В Петрозавод-

ске был построен Дом профессоров с 3- и 4-комнатными благоустроенными квартирами.

Быстрее материального достатка рос политический контроль. В середине 1930-х годов в Карелии развернулась кампания по борьбе с «буржуазным национализмом». Среди работников вуза стали искать идеологически ненадежных, пединститут, в который раньше активно привлекали на учебу финских мигрантов, обвинили в том, что он «являлся штаб-квартирой финских буржуазных националистов»¹².

Карел Николай Михайлович Яккола был снят с заведования кафедрой ленинизма «за грубую ошибку по вопросу об отмирании государства» и вскоре уволен. Преподаватель языкознания Виктор Яковлевич Евсеев был уволен за то, что послал свою статью «Руны» для публикации в прессе Финляндии¹³. Только осенью 1937 года в КГПИ было уволено 19 преподавателей и сотрудников, 10 из них вскоре арестовали [15: 79].

Немало судеб сломал маховик репрессий. В 1938 году расстрелян в Сандармохе Виктор Викторович Сало – декан факультета языка и литературы, автор учебных пособий по финскому языку, переводчик на финский язык русской классики [3]. Расстрелян в окрестностях Петрозаводска переселенец из США, преподаватель всеобщей истории Тойво Яковлевич Рантанен. Урхо Нестерович Руханен, читавший курсы по истории финской и западной литературы, в 1936 году характеризовался как «ценный научный работник»¹⁴, а через год его уволили за то, что на лекциях много рассказывал о творчестве финноязычных писателей Карелии¹⁵. Руханен был арестован и 8 лет провел в лагерях. В 1936 году завершил недолгую работу в КГПИ декан исторического факультета Эрнст Карлович Паклар. Молодой исследователь готовил к защите диссертацию о немецкой экспансии в Прибалтику в Средние века и читал курс истории Средних веков. После отъезда из Петрозаводска он работал деканом в Витебском пединституте. В разгар «национальных операций» эстонец Паклар арестован, возвращен в Карелию, обвинен в привлечении троцкистов на исторический факультет КГПИ, осужден «тройкой» на 10 лет лагерей [7]. Драматично сложилась судьба директоров КГПИ: И. А. Викхо умер во время следствия, Э. М. Сювянен был расстрелян, П. Е. Савельев, П. Г. Грибков несколько лет провели в тюрьмах [13: 18, 29, 34, 38].

Когда репрессивный вал стих, возобновилась стабильная педагогическая работа. Однако во время Советско-финляндской войны учебный корпус пришлось передать штабу Финской

народной армии и госпиталю, в вузовском городке разместились воинские части. До апреля 1940 года учебные занятия были приостановлены. Несмотря на трудности, в 1930-е годы пединститут подготовил 219, а Учительский институт – более 300 специалистов [15: 80].

До середины 1930-х годов средних школ в Карелии было немного, в вуз набирали по разверстке Наркомпроса. Выдерживался классовый подход: не принимали лишенцев и их детей, за сокрытие социального происхождения исключали из вуза¹⁶. В первую очередь привлекали на учебу представителей финно-угорских народов. В 1935 году в пединституте 40 % студентов составляли финны, 22 % – карелы. В Учительском институте среди учащихся финнов было 52 %, карелов – 25 %¹⁷. Среди студентов было немало иммигрантов. Так, в национальной группе на специальности «история» учились приехавшие в начале 1930-х годов из США, Канады, Финляндии С. Г. Винранмаа, С. И. Карлстедт, К. П. Карлстедт, В. А. Ниemi, А. И. Тайвайне, А. К. Коски, П. С. Кокко, И. М. Картту¹⁸.

Когда выросло число средних школ, острота проблемы набора несколько снизилась, ввели вступительные экзамены, однако сдать их могли далеко не все. В 1935 году 45 % студентов пришлось зачислить с неудовлетворительными экзаменационными оценками. Поначалу оценивалась в основном текущая успеваемость, к середине 1930-х годов ведущей формой проверки знаний стали экзаменационные сессии. Оценки делились на «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо», «отлично» – тщательнее дифференцировались слабые знания. Большинство имели оценки «посредственно», учившиеся на «хорошо» и «отлично» составляли не более трети студентов. Экзамены в то время называли испытаниями, и это слово отражало суть действия: на аттестации студент получал 5 вопросов, на их обдумывание отводилось 10 минут¹⁹. Отличники премировались путевками на экскурсии и в дома отдыха, а также денежными премиями. Лучшим выпускникам вручались дипломы первой степени (аналог современного красного диплома).

Учеба требовала от молодежи воли и целеустремленности. Студенческие общежития больше походили на казарму: в холодных комнатах жило по 16 человек. Стипендию (50–90 руб.) получали только студенты с высокой успеваемостью, а таких было немного. Большинству сельских мигрантов на помощь родителей-колхозников рассчитывать не приходилось. Жили, затянув пояса: хлеб и крупа по карточкам, обед в столовой по талонам. В помощь студентам институт

организовал подсобное хозяйство: построили коровник, свинарник, курятник. Активно трудилась своя рыболовная артель²⁰.

Культурный кругозор многих студентов был ограничен, художественную литературу читали не более половины из них. В институтской библиотеке в 1936 году насчитывалось 35 тыс., в 1940 году – около 60 тыс. книг [5: 132], но большинство составляли учебники, 20 % фонда – это книги на финском языке, в 1937 году их изъяли из свободного доступа. Библиотеку возглавляла Александра Константиновна Гаврилова. До этого назначения Гаврилову уволили с должности библиотечного инструктора Медвежьегорского района, когда стало известно, что ее родители раскулачены, а она переписывается с матерью-лишенкой. Местные власти были непреклонны: «В условиях пограничной республики на идеологическую работу ее допустить не можем»²¹. Библиотекарь обратилась за защитой к Н. К. Крупской и М. И. Калинину. Их решение республиканские власти игнорировать не могли.

После Советско-финляндской войны КАССР была преобразована в КФССР. В связи с этим 30 марта 1940 года изменилось название вуза – Карело-Финский государственный педагогический и учительский институт. Центр стремился поддержать новую союзную республику. 24 марта 1940 года на совещании в Москве И. В. Сталин выдвинул предложение о создании в Карелии университета. Этот вопрос стал на совещании центральным, хотя были более злободневные темы: границы между КФССР и Ленинградской областью, кадры руководящих работников Карелии²². Сталин рассчитывал на дальнейшее включение Финляндии в зону советского влияния, и университет мыслился поверенным в осуществлении этой не предаваемой огласке задачи. Ректором был назначен финский политэмигрант Тууре Иванович Лехен, работник Коминтерна, во время Советско-финляндской войны член Териокского правительства. На всех факультетах вводилось преподавание финского языка, а работу по созданию литературного карельского языка свернули.

Карело-Финский государственный университет (КФГУ) открылся 2 сентября 1940 года в составе четырех факультетов. Опыт КГПИ облегчал решение кадровой проблемы. Проректором по учебной и научной работе стал К. Д. Митропольский, более 50 институтских преподавателей перешли в штат нового вуза. Всего в 1940 году в нем работали пять профессоров и 26 кандидатов наук, 28 преподавателей без ученой степени²³.

Деканами факультетов стали Михаил Георгиевич Никулин (историко-филологический), Адам Адамович Райкерус (физико-математический), Элеонора Давыдовна Маневич (биологический), Матвей Александрович Тойкка (географо-гидрогеологический). Все кандидаты на административные должности утверждались ЦК КП(б) КФССР. Выдвигали образованных, преданных новому строю управленцев. В 1930-е годы они прошли суровую закалку. Так, М. Г. Никулин после аспирантуры работал в ЛГПИ, в 1934 году был командирован в Петрозаводск на должность заместителя директора пединститута. За следующие четыре года он дважды исключался из партии и увольнялся из вуза: сначала за якобы сокрытие социального происхождения жены, потом за то, что, будучи деканом, не «очистил» исторический факультет от «классово чуждых элементов». В партии и в должности был восстановлен, когда схлынула волна репрессий. В 1940 году Митропольский характеризовал своего заместителя по учебной и научной работе как инициативного, умелого организатора²⁴.

21 мая 1941 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР утвердил состав Совета КФГУ, председателем которого стал Т. И. Лехен, ученым секретарем – М. Г. Никулин. В состав Совета вошли 25 человек, в том числе три доктора наук: физик Матвей Владимирович Мачинский, биолог Владимир Владимирович Правдич-Неминский, геолог Всеволод Сергеевич Слодкевич²⁵.

КФГУ начал подготовку по 12 специальностям. В конце 1930-х годов в Карелии половина школьных учителей имела лишь курсовую подготовку, менее половины научных сотрудников Карельского НИИ культуры получили высшее образование. Поэтому важно было наращивать подготовку молодежи по специальностям, ориентированным на исследовательскую и преподавательскую работу (русский язык и русская литература, финский язык и финская литература, история, физика, математика, зоология, ботаника, география). Наряду с университетом в 1940/41 учебном году подготовку учителей для неполной средней школы продолжал вести Учительский институт.

Ряд специальностей имел прикладной характер, тесно связанный с экономикой Карелии (лесоведение, ихтиология, геология, гидроэнергетика)²⁶. Индустриальное производство нуждалось в специалистах: в лесной, горной промышленности Карелии большинство работников, занимавших инженерно-технические должности, составляли практики-выдвиженцы без специального образования, что серьезно

сказывалось на организации производственных процессов, качестве выпускаемой продукции.

Самым большим в университете был историко-филологический факультет (339 студентов)²⁷. В его составе работали кафедры истории (зав. – Ефим Семенович Гардин), русского языка (зав. – Василий Иванович Алатырев), литературы (зав. – Николай Николаевич Попов). На кафедре истории в КГПИ вначале работала единственный «остепененный» преподаватель – античник А. А. Мотус-Беккер. Слушавший ее лекции в 1938 году Сергей Павлович Сюнев вспоминал: «Это была очень симпатичная дама, прекрасно знавшая свой курс. Студенты глубоко уважали ее»²⁸. В 1938 году защитили диссертации Гардин и Григорий Семенович Ульман (последний – по теме «Общественно-политические взгляды П. Н. Ткачева в связи с его революционной деятельностью»). В конце 1930-х годов в штат принят выпускники МИФЛИ Татьяна Васильевна Еремеева и Екатерина Зиновьевна Серебрянская, а также окончившие ЛГУ Анатолий Иванович Толмачев и Даниил Ефимович Червяков. Когда Серебрянская и Червяков защитили диссертации²⁹, на кафедре истории уже половина преподавателей имели ученую степень. На кафедре литературы научная работа связывалась с изучением фольклора и литературы Карелии. Под руководством Василия Григорьевича Базанова готовили к изданию наследие сказителей³⁰, задействовав старшекурсников – актив научного кружка. Интеллектуальный климат факультета характеризует обсуждение научных докладов. Среди первых были доклады проф. Кудрявцева об Английской буржуазной революции³¹, Владимира Ивановича Малышева о деятельности Краковской типографии Швайпольт Фиоля и русских рукописях XIV–XV веков³². Были подготовлены к изданию «Ученые записки историко-филологического факультета КФГУ».

На биологическом факультете были открыты кафедры химии (зав. – Лупанов); зоологии беспозвоночных (зав. – Сергей Владимирович Герд); зоологии позвоночных (зав. – Марвин); генетики и дарвинизма (зав. – Маневич); физиологии растений (зав. – Авраамий Яковлевич Кокин); физиологии животных и человека (зав. – Правдич-Неминский); ботаники (зав. – Ефим Степанович Степанов). Научная работа биологов была связана с хозяйственным освоением Севера. В целях развития охотничьего промысла изучались акклиматизация ондатры, перелетные птицы. Для совершенствования овощеводства исследовалась устойчивость к условиям севера различных сортов картофеля. Продолжалась работа по составлению гербария, начатая в КГПИ. Гербарий стал хорошей основой для научных исследова-

ний ботаников. К активной творческой деятельности привлекались студенты. Так, О. Гордеев, Романова, Филина под руководством Марвина изучали роль новых млекопитающих в автохтонных сообществах³³.

Учебную работу физико-математического факультета координировали кафедры теоретической физики (зав. – Матвей Владимирович Мачинский), экспериментальной физики (зав. – Виктор Александрович Михайлов), математического анализа (зав. – Райкерус). Практика студентов и исследовательская работа велись на базе лаборатории экспериментальной физики [10: 167].

С нуля создавался географо-гидрогеологический (затем геолого-гидрогеографический) факультет. На факультете действовали три отделения – геологическое (16 первокурсников), географическое (5 первокурсников) и гидрологическое (18 первокурсников). Большинство студентов совмещали учебу с работой на производстве³⁴. Была создана первая кафедра – геологии. Заведующий кафедрой В. С. Слодкевич передал в дар университету коллекцию по геологии и палеонтологии, которую собирал 15 лет³⁵. На ее основе началось создание геологического музея.

Большую поддержку КФГУ в подготовке учебных планов, заявок на оборудование, формировании библиотеки, организации практики на Бородинской биологической станции оказывал ЛГУ. Лекционные курсы в Петрозаводске в первый учебный год прочли историк античности Дмитрий Павлович Каллистов, филолог Константин Алексеевич Пушкаревич, зоолог Леонид Михайлович Шульпин, химик Александр Иванович Юрженко и другие преподаватели ЛГУ³⁶.

Началась подготовка научных кадров на базе КФГУ. В октябре 1940 – феврале 1941 года прошли экзамены в аспирантуру³⁷. Преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Яков Алексеевич Балагуров, поступив в аспирантуру, первым в КФГУ начал готовить диссертационное исследование по истории Карелии. Его интересовало социально-экономическое развитие Поморья XVIII – начала XX века³⁸. Под руководством Сергея Николаевича Чернова им были подготовлены «Очерки по истории Карельского Поморья». Положительный отзыв на эту научную работу представил известный российский источниковед А. И. Андреев. «Очерки» приняли к печати. Однако в начале войны рукопись, а также архивные выписки были утрачены. Историк предстояло начать все заново на материалах Коми края, куда был направлен в эвакуацию вуз.

В аспирантуре физико-математического факультета учились преподаватели КФГУ Рей-

монд Андреевич Нисконен и Андрей Федорович Ипатов. Их научным руководителем стал доктор наук Максим Калинин Куренский, зав. кафедрой математики Ленинградского кораблестроительного института, а после его кончины директор НИИ математики и механики ЛГУ Владимир Иванович Смирнов³⁹. В годы войны оба аспиранта ушли на фронт. Нисконен в сентябре 1941 года пропал без вести в окружении [4]. Ипатов после войны защитил диссертацию, вплоть до безвременного ухода из жизни возглавлял кафедру алгебры и геометрии в КГПИ [11: 55].

В мае 1941 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР разрешил КФГУ прием кандидатских диссертаций по ряду специальностей⁴⁰. Впервые 19 мая 1941 года на заседании ученого совета КФГУ была успешно защищена кандидатская диссертация Анны Борисовны Ратнер «Домашнее рабство в Греции героической эпохи». Официальными оппонентами выступили академик В. В. Струве и профессор М. С. Альтман⁴¹.

Становлению библиотеки КФГУ помогла, передав 3 тыс. научных книг, Ленинградская публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина⁴². После Советско-финляндской войны финнам не удалось эвакуировать библиотеки Северного Приладожья. В их фондах сотрудники университета отбирали издания на немецком, шведском, финском, английском языках⁴³. Первая партия для отправки в Петрозаводск насчитывала 28 ящиков книг⁴⁴. Всего за год в библиотеку КФГУ поступило более 15 тыс. новых книг [10: 12].

В 1940 году средние школы Карелии окончили всего несколько сотен человек, часть из них поступала в ленинградские вузы. Абитуриентов было недостаточно, и приемная комиссия работала не только в Петрозаводске, но и при ЛГПИ, ЛГУ. Абитуриенты сдавали экзамены по русскому языку и литературе, по иностранному языку и двум профильным предметам. Имевшие аттестат отличника принимались в университет без экзаменов⁴⁵.

На первый курс было зачислено 417 юношей и девушек, жители КФСР составляли около трети поступивших. Студенческий коллектив формировался как многонациональный. Из прибывших к первому дню занятий 411 студентов 223 являлись русскими, 76 – представителями карелов, финнов, вепсов, 38 – украинцами, 32 – евреями, 28 – белорусами, 5 – эстонцами, 3 – татарами и др.⁴⁶

В октябре 1940 года правительство СССР приняло решение о взимании платы за обучение в вузах. В КФГУ для студентов дневного отделения

она составляла 400 руб. в год – сумма немалая, ибо среднемесячная зарплата советских рабочих и служащих равнялась 331 руб. [12: 128]. Плату разрешалось вносить частями, 200 руб. в семестр⁴⁷. Большинство студентов заплатили необходимую сумму, но не всем это было по силам. В ноябре 1940 года университет покинули 311 студентов. В сентябре 1940 года обучалось более 700, в феврале 1941-го – 393 студента⁴⁸.

Государственную стипендию получали отличники, а также четыре студента с ограничениями по здоровью (незрячие). Первый семестр стипендия начислялась также 18 студентам – детям и женам погибших в Советско-финляндской войне. Стипендиатов было немного. Так, из 41 студента геолого-гидрогеографического факультета стипендию получали только четверо⁴⁹. В первом семестре стипендию получали 99, во втором – 93 человека. Три студента (О. Гордеев, Сидорова, Шилина) были удостоены Сталинской стипендии, составлявшей 500 руб. в месяц⁵⁰.

В этих условиях студенты получили право свободного посещения занятий. Это давало возможность подрабатывать, чтобы оплачивать учебу и каждодневные нужды. Однако фактически пропуски не превышали 4 % учебных часов, высокая посещаемость объяснялась тем, что учебников и научной литературы не хватало, к сессии готовились по лекциям.

Экзамены проходили в присутствии ректора или декана, часто – представителей Наркомпроса КФСР, журналистов республиканских газет, партийных работников⁵¹. И преподаватель, и студент волновались, возникали расхождения при оценивании. Так, на экзамене у историков третьего курса, который принимал Балагуров, во время ответа студента Карпова в аудиторию внезапно вошли ректор Лехен, первый секретарь ЦК КП(б) КФСР Куприянов и другие работники ЦК партии. Студент растерялся, не смог продолжить ответ и получил «неуд». Однако декан факультета Никулин разрешил в тот же день пересдать экзамен, объяснив неудачу студента психологическими факторами. Заведующий кафедрой Голенченко счел эту пересдачу нарушением регламента и выразил протест ректору⁵².

Приезжие студенты обеспечивались общежитием, где получали в пользование кровать, матрац и тумбочку. Постельного белья университет не выдавал, не хватало также чайников, посуды, шкафов. Общежития не имели ни водопровода, ни канализации. Университет надеялся быстро завершить строительство нового четырехэтажного общежития на 250–300 мест. В актовом зале стояла звуковая киноустановка, и дважды в неде-

лю студенты ходили в кино. Часто устраивались концерты симфонического оркестра филармонии, выступали поэты, сказители⁵³. Во время зимних каникул более 90 студентов съездили в Ленинград, где в течение пяти дней познакомились с музеями, театрами, памятными местами⁵⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1930-е годы КГПИ подготовил более 500 учителей, внося вклад в осуществление всеобщего семилетнего образования в городах и промышленных центрах Карелии. Педагогический коллектив КГПИ стал кадровой основой университета. КФГУ был создан, когда в руководстве уже было преодолено пренебрежение к университетской модели образования, а в регионе накоплены материальные ресурсы и практический опыт вузовской работы. В довоенный период вузы Карелии обеспечивались кадрами за счет командирования выпускников ЛГПИ, ЛГУ, МИФЛИ и других столичных вузов и привлечения профессоров и доцентов из Ленинграда и Москвы как совместителей. Их практическая помощь выражалась в чтении лекционных курсов, руководстве аспирантами, налаживании научных коммуникаций, формировании внутреннего уклада, атмосферы. В свою очередь ученые находили в Петрозаводске учеников и последователей, не лишним был и дополнительный заработок. В КФГУ началась подготовка научных кадров через аспирантуру, первыми аспирантами стали преподаватели КФГУ. В научных исследованиях стало уделяться больше внимания изучению природы, культуры, истории Карелии.

Для молодежи, особенно сельской, учеба в вузе гарантировала повышение социального статуса. В 1935 году более половины обучающихся в Учительском институте и 40 % студентов пединститута составляли переселенцы-финны. В 1940 году две трети первокурсников Карело-Финского университета прибыли на учебу из-за пределов КФССР. Возможность получить высшее образование привлекала в малонаселенную республику мигрантов из других регионов России, в первой половине 1930-х годов содействовала адаптации к новому месту жительства финнов-иммигрантов. Вузовская среда создавала благоприятные условия для личностного роста молодежи. Основными проблемами оставались низкая успеваемость, узкий культурный кругозор части студентов, их слабая материальная обеспеченность. Введение платы за учебу привело к сокращению численности студентов КФГУ на 40 %.

Всплеск ожиданий революционного взрыва в Европе в 1929–1932 годах, начало Второй мировой войны способствовали тому, что вузы в приграничной республике рассматривались как фактор укрепления социалистического влияния в Финляндии. При этом в условиях миграционной активности в приграничье власти боялись воздействия западной идеологии и спецслужб западных государств. Преподаватели и студенты находились под жестким политическим контролем. Обвинения в сокрытии социального происхождения, в якобы приверженности национализму и буржуазной идеологии, факт прибытия в Карелию из стран Запада становились поводом для увольнения, ареста, несправедливого суда. Развитие университета прервала война.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 630. Оп. 1. Д. 457. Л. 30, 34, 57–58.

² НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 457. Л. 45.

³ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 578. Л. 56.

⁴ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 578. Л. 56.

⁵ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 8. Л. 93, 94.

⁶ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 20.

⁷ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 57. Л. 6–9.

⁸ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 38. Д. 216. Л. 1–29; Ф. 2. Оп. 35. Д. 67. Л. 1, 3, 11, 17–20; Оп. 3. Д. 26. Л. 1–3, 9, 11, 36, 42–43.

⁹ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 г. – июнь 1941 г.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1984. С. 59.

¹⁰ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 4. Л. 8.

¹¹ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 57. Л. 5.

¹² НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 164. Л. 1.

¹³ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 16, 17.

¹⁴ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 79.

¹⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Д. 181. Л. 12.

¹⁶ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

¹⁷ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 15.

¹⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 164. Л. 9–18.

¹⁹ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 25.

²⁰ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 4.

- ²¹ НАРК. Ф. 630. Оп. 2. Д. 294. Л. 13–22.
- ²² НАРК. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 101. Л. 4.
- ²³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 31.
- ²⁴ НАРК. Ф. 8. Оп. 4. Д. 2067. Л. 1–19.
- ²⁵ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.
- ²⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
- ²⁷ Ленинское знамя. 1940. 18 сентября.
- ²⁸ Сюнев С. П. Мы были первыми // Петрозаводский университет. 1998. 8 июля.
- ²⁹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.
- ³⁰ НАРК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
- ³¹ Ленинское знамя. 1940. 20 ноября.
- ³² Ленинское знамя. 1941. 14 марта.
- ³³ Молодой большевик. 1941. 30 марта.
- ³⁴ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1а. Л. 41, 42.
- ³⁵ Ленинское знамя. 1941. 4 января.
- ³⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- ³⁷ Ленинское знамя. 1940. 27 октября. 1941. 4 февраля.
- ³⁸ НАРК. Ф. 2629. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 3, 16.
- ³⁹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
- ⁴¹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 12. Л. 33.
- ⁴² Ленинское знамя. 1941. 20 мая.
- ⁴³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 52.
- ⁴⁴ Ленинское знамя. 1940. 29 октября.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ⁴⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.
- ⁴⁷ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 8. Л. 9.
- ⁴⁸ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 31, 40.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 4. Л. 33.
- ⁵⁰ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 17.
- ⁵¹ Молодой большевик. 1941. 12 января; 30 мая.
- ⁵² НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 15. Л. 25, 26.
- ⁵³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 19.
- ⁵⁴ Ленинское знамя. 1941. 25 января.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврус А. И., Жукковская Т. Н. Размышления о состоянии и перспективах российских классических университетов // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 222–248.
2. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1989. 279 с.
3. Дмитриев Ю. А. Место памяти – Сандармох. Петрозаводск, 2020. 515 с.
4. Джаридзе А. В. Студенты и преподаватели КФГУ – участники Великой Отечественной войны (на материалах Музея истории ПетрГУ) // Петрозаводск – город воинской славы. Петрозаводск, 2016. С. 48–52.
5. Карельский государственный педагогический институт: 50 лет / Отв. ред. А. Н. Бритвихин. Петрозаводск: Карелия, 1981. 135 с.
6. Карельский государственный педагогический университет в цифрах и фактах: 75 лет. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2006. 411 с.
7. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. Эстонский историк Э. К. Паклар как исследователь Ледового побоища 1242 года // Александр Невский и Ледовое побоище: Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г. СПб., 2013. С. 116–126.
8. Мой университет: очарование прошлого и размышления о будущем: Сборник интервью. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 294 с.
9. Патроева Н. В., Пашкова Т. В., Коробейникова С. В. Филологической науке в ПетрГУ – 80 лет // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 7. С. 115–117.
10. Петрозаводскому государственному университету 50 лет / Отв. ред. М. И. Шумилов. Петрозаводск, 1990. 300 с.
11. Преподаватели Карельского государственного педагогического университета. 1931–2001: Биографический словарь. Петрозаводск: Редакционно-издательский отдел Карельского научного центра РАН, 2001. 299 с.
12. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. М.: Наука, 1984. 591 с.
13. Ректоры КГПУ: Биографические очерки. Петрозаводск: Изд-во КГПУ: Скандинавия, 2006. 168 с.
14. Страницы истории Петрозаводского государственного университета. 1940–2000. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 540 с.
15. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 150 с.

16. Шорохова И. В. Роль Петрозаводского университета в обеспечении экономики Карелии квалифицированными кадрами во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2018. № 6. С. 123–131.
17. Шорохова И. В. Петрозаводский университет в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов (по материалам газеты «Петрозаводский университет») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 27–34.

Поступила в редакцию 12.03.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Svetlana N. Filimonchik, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
syrsa@yandex.ru

FORMATION OF TERTIARY EDUCATION IN KARELIA IN THE 1930s

Abstract. This article analyzes the organizational, educational, and scientific activities of the Karelian State Pedagogical Institute and the Karelian-Finnish State University during the Stalinist modernization of the 1930s. Using Karelian regional material, the article demonstrates the change of priorities in higher education organization – the transition from the accelerated development of industry-specific institutions to the university model of education. The article investigates the sources of formation, number, and composition of such new social groups of the Karelian urban population as university lecturers and students. It supplements the biographical database of Karelian higher education workers with information retrieved from archival documents. The article shows that the university activities in Karelia significantly increased the availability of higher education for rural youth and the Finno-Ugric peoples in the 1930s. The authorities of the Republic of Karelia, with its border location, tried to use universities as instruments of socialist influence in Finland while at the same time strengthening political control over them. Accusations of concealing social origin, suspicions of loyalty to bourgeois ideology or nationalism, the fact of arriving in Karelia from Western countries became the reasons for dismissals, arrests, and unjust trials. The article uses the genetic, problem-based, and biographical methods, as well as the contextual and systemic approaches.

Key words: Karelian State Pedagogical Institute, Teachers Institute, Karelian-Finnish State University, studentship, tertiary education

For citation: Filimonchik, S. N. Formation of tertiary education in Karelia in the 1930s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):46–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.692

REFERENCES

1. Avrus, A. I., Zhukovskaya, T. N. Reflections on the status and prospects of Russian classical universities. *The Historical Expertise*. 2017;3:222–248. (In Russ.)
2. Afanasyeva, A. I. Cultural transformations in Soviet Karelia. Petrozavodsk, 1989. 279 p. (In Russ.)
3. Dmitriev, Yu. A. Place of memory – Sandarmokh. Petrozavodsk, 2020. 515 p. (In Russ.)
4. Dzharidze, A. V. Students and teachers of Karelian-Finnish State University who fought in the Great Patriotic War (based on materials from the Museum of History of Petrozavodsk State University). *Petrozavodsk, the City of Military Glory*. Petrozavodsk, 2016. P. 48–52. (In Russ.)
5. Karelian State Pedagogical Institute: 50 years. (A. N. Britvikhin, Ed.). Petrozavodsk, 1981. 135 p. (In Russ.)
6. Karelian State Pedagogical University in figures and facts: 75 years. Petrozavodsk, 2006. 411 p. (In Russ.)
7. Krivosheev, Yu. V., Sokolov, R. A. Estonian historian E. K. Paklar as a researcher of the 1242 Battle on the Ice. *Alexander Nevsky and the Battle on the Ice: Proceedings of the research conference dedicated to the 770th anniversary of the Battle on the Ice*. St. Petersburg, April 7, 2012. St. Petersburg, 2013. P. 116–126. (In Russ.)
8. My university: fascination of the past and reflections on the future: Collection of interviews. Part 1. Petrozavodsk, 2015. 294 p. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V., Pashkova, T. V., Korobeynikova, S. V. 80 years of philological sciences at Petrozavodsk State University. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(7):115–117. (In Russ.)
10. Celebrating the 50th anniversary of Petrozavodsk State University. (M. I. Shumilov, Ed.). Petrozavodsk, 1990. 300 p. (In Russ.)
11. Teachers of Karelian State Pedagogical University. 1931–2001: Biographical dictionary. Petrozavodsk, 2001. 299 p. (In Russ.)
12. The working class of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War of 1938–1945. Moscow, 1984. 591 p. (In Russ.)
13. Rectors of the Karelian State Pedagogical University: Biographical sketches. Petrozavodsk, 2006. 168 p. (In Russ.)
14. Pages of the history of Petrozavodsk State University. 1940–2000. Petrozavodsk, 2005. 540 p. (In Russ.)
15. Filimonchik, S. N. Education and enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939). Petrozavodsk, 2013. 150 p. (In Russ.)
16. Shorokhova, I. V. The role of Petrozavodsk State University in providing the economy of Karelia with qualified personnel in the second half of the 1950s and the first half of the 1960s. *The twentieth century and Russia: society, reforms, revolutions*. 2018. No 6. P. 123–131. (In Russ.)
17. Shorokhova, I. V. Petrozavodsk State University at the end of the 1950s – first half of the 1960s (following the newspaper materials “Petrozavodsk University”). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015(5):27–34. (In Russ.)

Received: 12 March, 2021; accepted: 28 June, 2021

ЕВГЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ СУШКО

аспирант

Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
eugene55661@yandex.ru

«ПОД ПЯТОЙ ИНТЕРВЕНТОВ», ИЛИ НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА ОСВОЕНИЯ ХИБИНСКИХ ГОРНЫХ РЕСУРСОВ БРИТАНЦАМИ

А н н о т а ц и я . Статья призвана заполнить пробел в исследовании Хибин периода Гражданской войны и интервенции. Комплексные публикации по вопросу о влиянии событий этого времени на историю хибинского ареала отсутствуют, в интерпретации исторической ситуации преобладают стереотипы восприятия территории как той, которая не была вовлечена в события 1918–1920 годов, и одной из задач автора является их преодоление. Исследуется один из аспектов деятельности иностранных интервентов на Мурмане в годы Гражданской войны. Цель статьи – выявление особенностей протекания интервенции на специфической территории, прилегающей к Хибинам, на основе изучения основных гипотез и теорий, связанных с планами колониальной эксплуатации ресурсов во время существования Северной области в 1918–1920 годах. Эти планы разрабатывались интервентами в лице британского полярного исследователя Эрнеста Генри Шеклтона. Одним из основных источников является переписка между Э. Шеклтоном и руководством Северной области, где обсуждались вопросы использования ресурсов Кольского полуострова с экономической и правовой точки зрения. Главный акцент в статье сделан на сведения о пребывании британских интервентов в Хибинском горном массиве. Использована и обобщена важная информация, которая касается особенностей столкновений сил союзников и белого движения с советскими партизанами около Хибин. На комплексе различных источников рассмотрены теоретические и реальные планы британцев в отношении геологоразведочной деятельности. Автор приходит к выводу, что гипотеза о горной разработке Хибин англичанами с помощью простейших штолен не находит подтверждения, однако источники доказывают непосредственное присутствие англичан в Хибинских горах с целью разведки. Актуальность исследования обусловлена дискуссионностью вопросов гражданского противостояния и деятельности союзных сил на Мурмане в изучаемый период.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Хибины, Шеклтон, интервенция, Гражданская война, геологоразведка

Б л а г о д а р н о с т и . Статья выполнена по теме государственного задания № 0226-2019-0066.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Сушко Е. О. «Под пятой интервентов», или Неудачная попытка освоения хибинских горных ресурсов британцами // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 56–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.693

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об использовании недр и ресурсов Кольской земли в период 1918–1920 годов, когда на этой территории присутствовало значительное количество иностранных войск (интервентов), интересен не только с точки зрения фактографии региональной истории. Он связан с рядом дискуссионных проблем, касающихся состояния источников и интерпретации истории территорий, которые в тот или иной период находились в составе особых административно-территориальных образований: временных, оккупированных, с неустойчивым статусом и пр. События

и деятельность людей на таких территориях постоянно переосмысливаются и в большой степени подвержены мифологизации, что связано со степенью доступности источников, с разными концепциями национальной истории, с идеологическим и другими факторами. В данном случае Хибины выступают не только как объект, с которым связаны интересы и действия людей, но и как территория, на которой разворачивались те или иные события¹. История эксплуатации ресурсов Мурманского края конкретизируется и интерпретируется в рамках вопроса об использовании хибинских месторождений

союзниками. Среди главных участников рассматриваемых событий огромную роль играет Эрнест Генри Шеклтон, знаменитый британский (он был англо-ирландского происхождения) полярный исследователь², сделавший себе имя благодаря собственной храбрости. При этом деяния Шеклтона позволили отдельным авторам считать его авантюристом. По сути, он продвигал идеи Британской империи с ее колонизаторской (а к тому моменту и антибольшевистской) идеологией, был вдохновителем интервентов, поэтому отделять его личность и деятельность от интересов интервентов не представляется корректным, так как их присутствие на данной территории имело одни причины и цель.

Деятельность исследователя на Севере России в годы Гражданской войны и интервенции неоднократно привлекала внимание отечественных историков и журналистов. Отметим статью в газете «Комсомольская правда», где описывается его пребывание на Мурмане³. Другая публикация той же газеты (выпуск был посвящен обсуждению 100-летия революции) принадлежит библиотекарю С. Савиловой. В ее интерпретации британский полярный исследователь – это «шустрый англичанин», который «под революционный шумок хотел выкупить в Мурманской области участки с полезными ископаемыми»⁴. А. В. Неровный представил на конференции «Полярные чтения» доклад о вкладе сэра Эрнеста Шеклтона в Северную «русскую» кампанию [9]. Исследование об английском присутствии на территории Мурманского края провел С. А. Дюжилов. Он подробнее других авторов осветил биографию Шеклтона, проанализировал его действия и пришел к выводу, что у того было много планов, большинство из которых он так и не сумел реализовать [6].

ЭРНЕСТ ШЕКЛТОН И СЕВЕРНАЯ ОБЛАСТЬ

В январе 1919 года Э. Шеклтон написал письмо, в котором, по существу, предлагал использовать ресурсы Мурманского края для создания выгодных концессий в обмен на ввоз продовольственных товаров. Обращаясь к В. В. Ермолову, помощнику генерал-губернатора по управлению Мурманским краем при Временном правительстве Северной области, он писал:

«Я предполагаю образовать общество совместно с некоторыми деловыми друзьями моими в Англии для развития и эксплуатации Александровского и Кемского районов северной России. Если общие условия, нижеизложенные, встретят одобрение и будут приняты русским правительством, то я готов немедленно приступить к отправке в эту область добавочного продовольствия (помимо существующего пайка) в виде платья, табаку, домашних принадлежностей и пр.,

что облегчит положение населения и вместе с тем прекратит покражу и продажу со складов союзных правительств по мародерским ценам»⁵.

Письмо показывает, что, с одной стороны, Шеклтон вполне прагматично пытается заняться предпринимательской деятельностью с целью получения прибыли в регионе, где идет Гражданская война, а с другой стороны, именно его действия должны были, как он думал, обеспечить население продовольствием и иными товарами, в чем можно усмотреть заботу о развитии колонизированной территории. Особенно интересна речь об исследовании горных ресурсов и минералов:

«5. Я испрашиваю у русского правительства предоставить мне право исследовать всю область, входящую в Александровский и Кемский районы (уезды). Если во время этих исследований экспертами моего общества обнаружатся минералы, которые стоит разрабатывать, то обществу должно быть разрешено взять и разрабатывать эти минералы на основании определенных горнозаводских заявок. Русское правительство также должно дать в подходящих местностях на обычных условиях лесные расчистки. Право исследования территории должно быть дано обществу не менее, чем на 5 лет, причем общество обязуется тратить не менее 25.000 фунтов в год на производство этих изысканий. Хотя я не испрашиваю монополию на право исследования и разработки всей области, я ставлю условием, чтобы моему обществу было разрешено занять и закрепить за собой всякое минеральное месторождение, открытое им, или всякое известное минеральное месторождение, не занятое ко времени их заявок.

Обществу должно быть предоставлено соответственное время для разработки каждой заявленной горной площади согласно обычным законам для горных предприятий в отдаленных местностях.

6. В случае нахождения в этой области минерала или чего-либо другого, при чем потребуются специальные методы переноски и транспорта, правительство должно дать право прокладки железно-дорожной магистрали либо к ближайшему удобному морскому берегу, либо порту, как будет удобнее. Русское правительство также должно разрешить обществу очищать реки и пороги, если нужно, устраивать лесные сплавы и защищать права общества при законном осуществлении его транспорта»⁶.

Таким образом, Э. Шеклтон расширил свои предпринимательские устремления, добавив к ним исследование ресурсов Кольского полуострова. Уже 20 февраля 1919 года он отправил новое письмо⁷ генералу Миллеру⁸ об образовании Британского общества по импорту предметов первой необходимости на Мурман. Это письмо имело целью узнать, какие пункты соглашения властям необходимо одобрить, так как Шеклтон явно не хотел конфликта с властями, выдвигая неосуществимые условия. Английскому пред-

принимателю был дан ответ, удовлетворявший его просьбу:

«1. Создание Вами Британского общества для ввоза предметов первой необходимости и домашнего обихода для жителей Александровск-Кемского района (Александровского и Кемского уездов Архангельской губернии) в соответствии с распоряжениями Правительства о максимальной прибыли и другими постановлениями, регулирующими торговлю, одобряется Правительством в уверенности, что Ваше имя гарантирует солидарность и действия Вашего Правительства, выполнения Вами всех необходимых по русским законам формальностей для допущения Вашего общества к действию в России. Правительство окажет Вам со своей стороны возможное содействие»⁹.

Однако требования были удовлетворены в сокращенном объеме. В пунктах 4–6 этого ответа подробно объяснялось, что ни обществу Шеклтону, ни какому-либо другому не будут даны преимущества в транспорте, пошлинах и иных вопросах¹⁰. В тот момент правительство Северной области не хотело конфликта с другими предпринимателями, предоставляя абсолютное и монопольное право Э. Шеклону на ведение торговли. Особенностью соглашения между Шеклтоном и правительством Северной области является то, что впервые в истории горные и минеральные ресурсы Кольского полуострова стали предметом обсуждения на «межгосударственном» уровне (постольку-поскольку Северную область можно воспринимать именно как государственное образование) с целью их официальной разработки. Интервенты и белые силы были первыми, кто хотел самым решительным образом заняться эксплуатацией ресурсов всего Кольского полуострова, доведя все это до логического конца в виде создания концессий.

Советские исследователи, конечно же, называли данное соглашение (и всю деятельность Шеклтону во время интервенции) проявлением одной из характерных черт британского империализма, что отбрасывало тень на все свершения крупного исследователя. В советском издании его биографии в примечании эту мысль высказал литератор и исследователь Арктики Н. Я. Болотников¹¹. Нет оснований не соглашаться с этим. Подобные концессии всегда использовались ведущими державами мира для выкачивания ресурсов из зависимых колоний. Вместе с тем такое решение вполне могло привести к ускоренному развитию горно-металлургической отрасли Кольского полуострова и более раннему раскрытию ресурсного потенциала Мурмана. Например, С. А. Дюжилов считает слова о «продаже» края малоубедительными [6: 54]. В итоге Шеклтон в июне 1919 года заявил: «...я образовал предполагаемую компанию на одобренных Миллером осно-

ваниях и представляющую крупные британские интересы»¹². Он еще раз уточнил некоторые организационные вопросы и сообщил о своем скором прибытии в Мурманск для управления компанией, но в дальнейшем информация о ее деятельности теряется. Возможно, компания склонного к авантюризму полярника так и не совершила никаких запланированных действий. Уже в октябре 1919 года союзники окончательно эвакуируются из Мурмана.

Трудно судить о том, насколько данное соглашение в пунктах о добыче минералов и использовании горных ресурсов было связано непосредственно с Хибинами и только с ними. Скорее, речь шла обо всех ресурсах, которые могли быть обнаружены в тот момент. Однако неоспорим тот факт, что значительные залежи минералов находились именно в Хибинах. Это, пусть и косвенно, но подтверждали ранее другие исследователи, прежде всего Вильгельм Рамзай, знаменитый финский ученый и первооткрыватель Хибин, на что обращает внимание С. А. Дюжилов [7]. Информация была общедоступной, но вряд ли можно считать ее достаточно распространенной.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ БЕЛОИНТЕРВЕНТОВ И КРАСНЫХ ПАРТИЗАН В ХИБИНАХ

Гражданская война и интервенция на Кольском полуострове затронули не только крупные города вроде Мурманска или такие «густонаселенные» по тем временам районы, как Кандалакша и ее окрестности, но и прокатились по тем местам, которые были очень слабо обжиты и развиты. Однако к 1918 году эти медвежьи углы стали постепенно населяться людьми из других мест. Основную роль сыграло строительство Мурманской железной дороги, заверенное к 1916 году, когда в совершенно необжитых местах стали появляться железнодорожные станции, привлекавшие для своего обслуживания необходимый рабочий персонал. Не стала исключением и территория около гор Хибин, на которой были расположены станции Хибинь, Имандра, разъезд Белый и разъезд Тикозеро. В 1918 году американское военное ведомство выпустило справочник, подробно описывающий Хибинь¹³. В нем были не просто даны названия территорий или железнодорожных станций¹⁴, но подробно представлено географическое положение Хибинского горного массива: расположение рек, склонов, пиков и лесов¹⁵. Справочник опирался на информацию, появившуюся после экспедиции В. Рамзая, и иные источники.

В Хибинах происходили короткие боевые стычки между партизанскими большевистски-

ми формированиями, с одной стороны, и интервентами вместе с белыми, с другой стороны¹⁶. Открытые боевые действия в Хибинах не велись. Происходили диверсионно-партизанские столкновения, так как действовали партизаны отдельно от Красной армии¹⁷. Тактика была простая – партизаны наносили точечные удары по союзникам и белым, поскольку это была единственная возможность противостоять превосходящим силам неприятеля. Интервенты и белые в свою очередь применяли жесткие меры на грани террора против спящих ячеек большевиков и сочувствующих. Если судить по опубликованным в советский период источникам, местное население часто оказывало помощь большевикам¹⁸.

Знаменитый партизан Иван Константинович Поспелов (он же Ванька Каин), возглавляя кандалакшский партизанский отряд, объединялся с другими партизанскими формированиями и совершал рейды в тыл противника. Под его руководством были атакованы, в частности, станция Хибин и разъезд Белый, которые в тот момент находились под контролем белых и союзников¹⁹. Объединенная атака партизанских отрядов закончилась ответным карательным походом вооруженных сил под руководством белогвардейского подполковника И. Ф. Судакова²⁰. Как сообщали печатные СМИ белых, ближе к концу 1919 года Мурманское национальное ополчение уничтожило те отряды, которые повредили железную дорогу у Хибин [1: 38]. Наряду с белыми силами Северной области местным партизанам на всем Мурмане противостояли англичане, американцы, французы и сербы. Однако в районе Хибин, то есть на всей протяженной территории от станции Имандра до станции Тикозеро, включая станцию Хибин и разъезд Белый, им противостояли главным образом англичане и американцы. Французы хотя и были менее активны в вопросе борьбы с большевистскими партизанами, но ранее посылали свою разведку на станцию Имандра [4: 18], а 30 июня 1918 года вместе с англичанами разоружили охрану на этой станции [3: 63].

Американские солдаты присутствовали в Северной России в виде Американского экспедиционного корпуса «Полярные медведи» под командованием британцев. Данная особенность, когда американские войска подчинялись британским офицерам, нередко приводила к конфликтам по поводу полномочий командования [12]. В среде рядового состава армии США происходило явное брожение, которое чуть не закончилось мятежом против сложившегося порядка вещей [11]. Однако американцы все же остались на Севере, продолжив бороться с большевиками²¹. Часть

историков признают участие американских войск совершенно неэффективным: они не смогли нанести серьезные поражения немцам или же финнам и не оказали особой помощи белому движению [8: 106]. Тем не менее президент США Вудро Вильсон вынужден был изменить своим принципам о невмешательстве в дела России [5: 107–108]. Естественно, самой грозной силой здесь являлись британцы, которые достаточно активно обозначили свое присутствие на Мурмане еще с весны 1918 года. Между британскими войсками и партизанами происходили столкновения²². Существует множество иных свидетельств о нахождении британцев в районе Хибин, их военных операциях [10: 190–191]. Это важно, так как вопрос о колонизации Хибин связан непосредственно с британцами, другие группы союзнических сил в ней просто не участвовали. Автор считает, что вся территория Хибин была не обычным перевалочным пунктом, через который интервенты двигались по железной дороге, но местностью, которую они знали достаточно хорошо еще с весны 1918 года, что позволяло относительно успешно противостоять большевистским «спящим ячейкам» в 1918–1919 годах.

«ШЕКЛТОНОВСКИЕ МОЛОДЦЫ» В ХИБИНСКИХ ГОРАХ: РАЗВЕДКА ИЛИ ДОБЫЧА ИСКОПАЕМЫХ?

Вопросы о концессиях Шеклтона и о предполагаемых геологоразведочных действиях британцев в Хибинах остаются открытыми. При этом из-за недостатка информации они обросли мифами. Так, крупницы информации о действиях Шеклтона использовались как основа для одной из экспозиций при создании в 2017–2018 годах под Кировском, в предгорье Айкуайвенчорра, арт-парка «Таинственный лес». Авторы создали так называемый сундук с сокровищами, которые якобы оставил Шеклтон²³. Очевидно соединение мифических и реальных фактов прошлого с целью использования Хибин в качестве культурно-туристического объекта. В статье краеведа Б. Ржевского «Тайна забытых туннелей», напечатанной в «Полярной правде»²⁴, так описывается след интервентов в Хибинах: «Не найдены пока разведочные штольни Шеклтона, знаменитого исследователя Антарктиды, а в 1920 году командующего английским оккупационным корпусом на Мурмане». Здесь сразу несколько ошибок. Прежде всего, Шеклтон не являлся командующим экспедиционным корпусом на Мурмане, а был исследователем, знания которого помогали войскам союзников. Например, созданная им полярная обувь отлично послужила французским интервентам [2: 248]. В 1920 году никаких ин-

тервертов на Мурмане уже не было, как и самого Шеклтона. Однако мы видим, что идея о прямой связи между Шеклтоном и эксплуатацией минеральных ресурсов в Хибинах впервые возникла в журналистской среде. Интерес к этому историческому сюжету подтверждает, что проблему разведочных штолен и, соответственно, нахождения британских интервертов (и войск других иностранных государств) в самом Хибинском горном массиве необходимо изучить подробнее.

Рассказ о попытках присвоения хибинских горнорудных ресурсов британскими интервентами находит свое отражение и в книге О. Н. Писаржевского о выдающемся минералогe А. Е. Ферсмане²⁵. В ней много подробностей, важных для понимания ситуации. Так, автор пишет: «В Архангельске состоялось чествование Шекльтона представителями сброда, именовавшего себя архангельским “Обществом изучения Севера”»²⁶. Если исключить оценочность утверждения советского биографа, информация правдива. В Архангельском обществе изучения Русского Севера Эрнеста Шеклтона принимали как настоящего героя, что подтверждается в Известиях Общества²⁷. Следы интервертов упоминаются в книге несколько раз:

«...разведчики увидели скалу, на которой был красной краской намалеван треугольник – опознавательный знак английских вооруженных сил...»²⁸; «Архангельский ветер вымел следы солдатских стоянок, и только широкий треугольник, намалеванный на отроге горы красной краской, – “визитная карточка” шекльтоновских молодцов, навевывавшихся сюда в 1919 году, – напоминал об особом интересе заморских хищников к этому краю»²⁹.

Эти треугольники становятся характерным знаком британских интервертов, который они оставили в Хибинах. Они упоминаются и у Алексея Николаевича Толстого, побывавшего в Хибинах в 1933 году, что усиливает их значение:

«Англичане во время интервенции побывали в этих тундрах, – кое-где и сейчас находят в горах их геологоразведочные отметки: треугольники с буквами. Видимо, интервенты догадывались о неизмеримой поживе, и только упрямство большевиков не позволило им наложить руку на хибинские недра»³⁰.

А вот что пишет В. Н. Васильев в статье «15 лет за полярным кругом», опубликованной в 1935 году в «Вестнике академии наук СССР»:

«Под охраной вооруженных сил Антанты вглубь полуострова идут отдельные авантюристы с тем, чтобы за короткий период интервенции воспользоваться природными ресурсами заполярной части материка и хотя бы частично компенсировать свои затраты

на борьбу с Советской властью. До наших дней сохранились следы хозяйничанья “союзников”. В горных тундрах мы встречаем следы, оставленные геологами; в лесных чащах – хищнически вырубленные лесные массивы; в населенных пунктах и на станциях железных дорог – братские могилы зверски замученных рабочих и крестьян»³¹.

В упоминании этого советского источника можно усмотреть косвенное подтверждение пребывания геологоразведочных групп интервертов в Хибинах и проведения геологических работ. Однако нельзя уверенно утверждать, во-первых, что «следы, оставленные геологами», принадлежат именно англичанам периода интервенции, во-вторых, что это свидетельство очевидца, а не общее место в описании Хибин, подкрепленное, например, авторитетным очерком А. Н. Толстого.

Опыт Шеклтона, его знания о выживании в суровых полярных условиях оказали неоценимую помощь в первую очередь британским военным служащим. Из описания отправки йоркширских солдат для участия в боевых действиях на Севере:

«В Каттерике мужчинам были выданы винтовки Ли-Энфилда и меховые шапки, меховые пальто до пола и зимние сапоги по образцу тех, что носил антарктический исследователь Эрнест Шеклтон» [13].

Самое важное здесь – информация, что йоркширские солдаты численностью 180 человек вместе с британской пехотой численностью 25 человек находились на станции Имандра в декабре 1918 года [14: 527].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, сделаем несколько основных выводов:

1) Союзнические силы действительно находились в районе Хибин. Достоверны данные о нахождении там британцев. Этот факт не подвергается сомнению, он подтвержден множеством отечественных и иностранных источников.

2) Эрнест Генри Шеклтон очень интересовался природными ресурсами Мурманского края. Он надеялся на получение обширных горно-металлургических концессий, которые вполне можно было приобрести при поддержке британского командования и согласия властей Северной области, а через несколько лет заняться их разработкой; информация о наличии минералов в Хибинах к тому времени имелась.

3) Информация о разработке англичанами хибинских недр для добычи минералов с помощью созданных ими штолен и шахт не находит подтверждения в источниках, оставаясь на текущий момент недоказанной. Речь может идти лишь о сугубо разведочных действиях в отсут-

ствие нужной материально-технической базы. Вполне вероятно, с этой целью англичане присутствовали непосредственно и в горном массиве. К сожалению, сейчас сложно определить места, в которых они побывали. Тем не менее информация об «английских треугольниках» повторяется в разных источниках, несмотря на отсутствие материальных доказательств. Возможно, фотографии подобных следов интервентов хранятся в архивах Мурманской области или же в частных архивах, оставшихся со времен экспедиции А. Е. Ферсмана.

Тема пребывания и деятельности Шеклтона в Хибинах была известна как отдельным специалистам, так и жителям региона на уровне локального знания, но в целом ситуация и события периода Гражданской войны и интервенции в Хибинах и на прилегающей к ним территории остаются малоизученными; в оценках и интерпретациях преобладают массовые стереотипы, которые основываются на представлении о «пустынности» данных мест вплоть до начала их активного промышленного освоения в конце 1920-х годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Когда в исследовании упоминаются Хибины, то подразумевается совокупность признаков: а) географических – весь Хибинский массив или, точнее, все Хибинские тундры: расположенные на пересекающейся местности от расщелины Аку-Акуи и горы Имандры до отрога Рестинюн с запада на восток и на пересекающейся местности от горы Сев. Лявочорр и до горы Ловчорр с севера на юг; б) территориальных – все территории вокруг Хибин со следами человеческой деятельности: станция Имандра, станция Хибины, разъезд Белый, станция Тикозеро.
- ² Шеклтон Э. Г. // Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 29. М.: Сов. энцикл., 1978. С. 1089–1990 (1969–1978).
- ³ Мурманский календарь: 15 февраля. Шеклтон утверждал, что нашел в Мурманске работу по сердцу // Комсомольская правда. 2012. 15 февр. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/25835/2808916/> (дата обращения 01.07.2021).
- ⁴ Петров И. Мурманские историки рассказали, как нищие засорили едой Кольский залив в 1918 // Комсомольская правда. 2017. 10 нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/26756.7/3785942/> (дата обращения 01.07.2021).
- ⁵ Англичане на Севере (1918–1919 гг.) // Красный архив / Под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского и др. 1926. Т. 19. С. 49.
- ⁶ Там же. С. 50.
- ⁷ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: Сб. документов и материалов / Сост. А. С. Мошкин (ред.) [и др.]. Мурманск: Кн. изд-во, 1960. С. 245.
- ⁸ Евгений Карлович Миллер – генерал-губернатор и командующий всеми войсками Северной области, управляющий Отделом иностранных дел Генерального штаба.
- ⁹ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. С. 247.
- ¹⁰ Там же. С. 247–248.
- ¹¹ Э. Шеклтон. Сердце Антарктики / [Ред. перевода, биограф. очерк, коммент. и примеч. Н. Я. Болотникова]. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1957. 448 с.
- ¹² Красный архив. 1926. С. 52.
- ¹³ Russia, route zone A, Murman Railway and Kola Peninsula, information and route notes, Murmansk to Petrograd. Military monograph subsection M. I. 2, Military Intelligence Division, General Staff. Washington, Govt. Print. Off., 1918. 118 p.
- ¹⁴ Там же. Р. 27–29.
- ¹⁵ Там же. Р. 39–40.
- ¹⁶ Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов / [Сост.: Е. А. Волосникова, А. В. Воронин, С. Г. Руденко и др.]; Редкол. А. А. Алексеев (науч. ред.) [и др.]. Мурманск: Мурм. кн. изд-во, 2006. 339 с.
- ¹⁷ История гражданской войны в СССР. 1917–1922. Т. 4. Решающие победы Красной Армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. – февраль 1920 г.) / Ред. комиссия тома: С. Ф. Найда, Г. Д. Обичкин, Ю. П. Петров, А. А. Стручков, Н. И. Шатагин, С. Н. Шишкин. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. С. 186.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Очерки истории Мурманской организации КПСС. Мурманск: Кн. изд-во, 1969. С. 54.
- ²⁰ Пропагандисту и агитатору о Заполярье. Мурманск: Кн. изд-во, 1966. С. 192.
- ²¹ Больше информации о нахождении американцев в Хибинах можно найти в статье «Хибины и Имандра в годы Гражданской войны и союзнической интервенции: страницы истории», где подробно описывается деятельность американских интервентов из экспедиции «Полярные медведи» [10].
- ²² Гражданская война на Мурмане глазами участников и очевидцев: Сб. воспоминаний и документов. С. 205.
- ²³ Кабыш З. Лес, полный чудес // Мурманский вестник. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mvestnik.ru/culture/les-polnyj-chudes/> (дата обращения 01.07.2021).
- ²⁴ Ржевский Б. Тайна забытых туннелей // Полярная правда. 2001. 26 июня. С. 3.
- ²⁵ Писаржевский О. Н. Ферсман. М.: Молодая гвардия, 1959. 399 с.

²⁶ Там же. С. 166.

²⁷ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1919. № 1, 2. С. 43–44.

²⁸ Писаржевский О. Н. Ферсман. С. 165.

²⁹ Там же. С. 173.

³⁰ Толстой А. Н. Публицистика: 1923–1945 / Сост. И. В. Стабникова; Предисл. Ю. А. Крестинского. М.: Сов. Россия, 1975. С. 60.

³¹ Васильев В. Н. 15 лет за полярным кругом // Вестник академии наук СССР. 1935. № 11. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый Мурман: памяти профессора И. Ф. Ушакова: Сб. статей / Мурман. гос. пед. ун-т; Редкол.: А. В. Воронин (науч. ред.), А. А. Киселев, П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2004. 107 с.
2. Белый Север. 1918–1920 гг.: Мемуары и документы. Вып. 1 / Сост., автор вступ. ст. и коммент. канд. ист. наук В. И. Голдин. Архангельск, 1993. 414 с.
3. Боярский В. А. Вторжение империалистов США в Советскую Россию и его провал. М.: Высш. шк., 1961. 173 с.
4. Галкина Ю. М. Организация и деятельность Службы разведки Франции в Мурманске в апреле – августе 1918 года // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 5. С. 15–26.
5. Долгушев А. В. Причины и цели американской интервенции на севере России // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 82 (1–2). С. 104–108.
6. Дюжилов С. А. Англичане на белом Мурмане. (К вопросу о «Мурманском следе» в биографии Э. Г. Шеклтона) // После Октябрьской революции. События и судьбы в истории Кольского Севера 1-ой половины XX века: К 100-летию Великой российской революции: Материалы научно-практ. конф. 20 октября 2017 г. Кировск, 2017. С. 50–55.
7. Дюжилов С. А. Кольская эпопея В. Рамзая // Минералогия во всем пространстве сего слова: Труды П. Ферсмана. науч. сессии Кол. отд-ния Рос. минерал. о-ва, посвящ. 140-летию со дня рождения В. Рамзая, Апатиты, 18–19 апр. 2005 г. / Науч. ред. Ю. Л. Войтеховский, А. В. Волошин, О. Б. Дудкин. Апатиты: К & М, 2005. С. 8–9.
8. Иванов А. А. Американская интервенция на Русском Севере (1918–1919 годы): перекресток мнений // Вестник МГИМО. 2012. № 2. С. 106–110.
9. Неровный А. В. Сэр Эрнест Шеклтон в составе экспедиционных сил на севере России: вклад полярного исследователя в Северную «русскую» кампанию: Тезисы // Полярные чтения – 2020: «История научных исследований в Арктике и Антарктике. К 100-летию Арктического и антарктического научно-исследовательского института и 200-летию открытия Антарктиды», 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://polarconf.ru/conference/2020-istorija-nauchnyh-issledovanij-v-arktike-i-antarktike-k-100-letiju-arkticheskogo-i-antarkticheskogo-nauchno-issledovatel'skogo-instituta-i-200-letiju-otkrytija-antarktidy-18-20-maja-2020-g/> (дата обращения 01.07.2021).
10. Сушко Е. О. Хибины и Имандра в годы Гражданской войны и союзнической интервенции: страницы истории // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. № 1-18. С. 186–195.
11. Lee A. US intervention in Russia 1918–1920: the forgotten mutiny // Journal of Undergraduate Research at Minnesota State University. Mankato, 2011. Vol. 11. Article 4. P. 1–27.
12. Reinohl J. B. Coalition warfare in northern Russia 1918–1919: Anglo-American relations. Theses and dissertations. 1995. Paper 292. 97 p.
13. Rossiter T. The Yorkshire soldiers that intervened in the Russian Civil War // Yorkshire Post. 2019. 26th August. Available at: <https://www.yorkshirepost.co.uk/heritage-and-retro/heritage/yorkshire-soldiers-intervened-russian-civil-war-1751006> (accessed 01.07.2021).
14. Wright D. Churchill's secret war with Lenin: British and Commonwealth military intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihull. UK, 2017. 576 p.

Поступила в редакцию 20.07.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Eugene O. Sushko, Postgraduate Student, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
eugene55661@yandex.ru

“UNDER THE BOOT OF ALLIES” OR AN UNSUCCESSFUL ATTEMPT BY THE BRITISH TO EXPLOIT THE Khibiny’S MINING RESOURCES

Abstract. The article aims to fill the gap in the study of the Khibiny during the period of the Civil War and the intervention. There are no comprehensive publications about the impact of the events of that time on the history of the Khibiny area. In the interpretation of the historical situation, stereotypes of the perception of the territory as not being involved in the events of 1918–1920 prevail, and one of the author’s tasks is to overcome these stereotypes. The article

addresses one of the aspects of the activities of foreign interventionists on the Murman coast during the Russian Civil War. The purpose of the paper is to identify the characteristics of the intervention in a specific territory adjacent to the Khibiny Mountains, based on the study of the main hypotheses and theories related to the plans for the colonial exploitation of coal mining resources during the existence of the Northern Oblast (district) in 1918–1920. These plans were developed by the interventionists represented by the British polar explorer Ernest Henry Shackleton. One of the main sources for the research is the correspondence between Shackleton and the authorities of the Northern Oblast, where they discuss the issues of using the resources of the Kola Peninsula from the economic and legal points of view. The main emphasis in the article is put on the information about the stay of the British interventionists in the Khibiny Massif area. The author used and summarized important information about the specifics of the clashes of the allied troops and the White Movement forces with the Soviet partisans near the Khibiny. A set of various sources is applied to study the theoretical and real plans of the British in relation to geological exploration. The author comes to the conclusion that the hypothesis about the British mining operations in the Khibiny Massif with the help of the most primitive adits remains unsubstantiated, but the sources prove the direct presence of the British in the Khibiny Mountains for the purpose of coal mining exploration. The relevance of the study is due to the controversial nature of the issues connected with the civil confrontation and the activities of the allied forces on the Murman coast during the investigated period.

Key words: Khibiny, Shackleton, intervention, Russian Civil War, geological prospecting

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state project No 0226-2019-0066.

For citation: Sushko, E. O. “Under the boot of allies” or an unsuccessful attempt by the British to exploit the Khibiny’s mining resources. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):56–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.693

REFERENCES

1. White Murman: in memory of Professor I. F. Ushakov. Collection of articles (A. V. Voronin, A. A. Kiselev, P. V. Fedorov, Eds.). Murmansk, 2004. 107 p. (In Russ.)
2. White North. 1918–1920: Memoirs and documents. Issue 1. (V. I. Goldin, Foreword, Comentary). Arkhangelsk, 1993. 414 p. (In Russ.)
3. Boyarsky, V. A. The invasion of the US imperialists into Soviet Russia and its failure. Moscow, 1961. 173 p. (In Russ.)
4. Galkina, Yu. M. The organization and activities of the French Intelligence Service in Murmansk in April – August 1918. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2019;5:15–26. (In Russ.)
5. Dolgushev, A. V. Reasons and objectives of the American intervention in the north of Russia. *Vestnik of Samara State University*. 2011;82(1-2):104–108. (In Russ.)
6. Dyuzhilov, S. A. The British on the White Murman. (The “Murmansk trace” in the biography of Ernest Henry Shackleton). *After the October Revolution. Events and destinies in the history of the Kola North in the first half of the XX century: Commemorating the 100th anniversary of the Great Russian Revolution: Proceedings of the research and practice conference*. Kirovsk, 2017. P. 50–55. (In Russ.)
7. Dyuzhilov, S. A. Kola epopeia of Wilhelm Ramsay. *Mineralogy in all the richness of this word: Proceedings of the II Fersman Scientific Session of the Kola Branch of the Russian Mineralogical Society dedicated to the 140th anniversary of Wilhelm Ramsay*. Apatity, 2005. P. 8–9. (In Russ.)
8. Ivanov, A. A. The U. S. Military Intervention in the European North of Russia during the Civil War. *MGIMO Review of International Relations*. 2012;2(23):106–111. (In Russ.)
9. Nerovny, A. V. Sir Ernest Shackleton in the expeditionary force in the North of Russia: contribution of a polar explorer to the Northern “Russian” Campaign. Abstracts. *Polar Readings-2020: “History of Scientific Research in the Arctic and Antarctic. Commemorating the 100th anniversary of the Arctic and Antarctic Research Institute and the 200th anniversary of the discovery of Antarctica”*, 2020. Available at: <http://polarconf.ru/conference/2020-istorija-nauchnyh-issledovaniy-v-arktike-i-antarktike-k-100-letiju-arkticheskogo-i-antarkticheskogo-nauchno-issledovatel'skogo-instituta-i-200-letiju-otkrytija-antarktity-18-20-maja-2020-g/> (accessed: 01.07.2021) (In Russ.)
10. Sushko, E. O. Khibiny and Imandra during the Russian Civil War and Allied intervention: pages of history. *Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2020;1-18:186–195. (In Russ.)
11. Lee, A. US intervention in Russia 1918–1920: the forgotten mutiny. *Journal of Undergraduate Research at Minnesota State University*. 2011;11(4):1–27.
12. Reinoehl, J. B. Coalition warfare in northern Russia 1918–1919: Anglo-American relations. Theses and dissertations. 1995. Paper 292. 97 p.
13. Rossiter, T. The Yorkshire soldiers that intervened in the Russian Civil War. *Yorkshire Post*. 2019. August 26. Available at: <https://www.yorkshirepost.co.uk/heritage-and-retro/heritage/yorkshire-soldiers-intervened-russian-civil-war-1751006> (accessed: 01.07.2021).
14. Wright, D. Churchill’s secret war with Lenin: British and Commonwealth military intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihull. UK, 2017. 576 p.

Received: 20 July, 2021; accepted: 3 September, 2021

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КАРАКИН

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

СИНАНТРОПНЫЕ НАСЕКОМЫЕ В КАРЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

А н н о т а ц и я . В статье авторы обращаются к рассмотрению традиционных представлений карелов об облигатных синантропных насекомых. Образ жизни этих насекомых непосредственно связан с человеком и его жилищем, где они находят для себя благоприятный микроклимат, убежище и пропитание. Расцвет синантропных групп насекомых связан с появлением человека и его жизнедеятельностью. Это нашло отражение в языке, фольклоре и верованиях карельского народа. Со временем у народа сформировался зооморфный культурный код, отражающий представления об этих насекомых и отношение к ним. Актуальность и новизна данной работы определены тем, что ранее на карельском материале эта проблема была вне поля зрения ученых. При проведении исследования авторами использовался комплексный подход (этнолингвистический, сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический методы исследования), позволяющий на основе лингвистического, фольклорного и этнографического материала получить целостное представление о насекомых-паразитах в мировоззрении карелов. Теоретико-методологической базой послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области этнографии, лингвистики, фольклора. Из лингвистических источников применялись диалектные словари карельского языка, образцы карельской речи, что дает полное представление об использовании той или иной лексемы в карельском языке. В качестве источниковой базы послужили этнографические, лингвистические, фольклорные работы отечественных и зарубежных исследователей, а также электронная версия многотомного издания «Древние руны финского народа». Кроме того, к исследованию привлекались полевые материалы авторов, собранные в Калевальском районе Карелии. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в карельской народной традиции синантропные насекомые считались нечистыми представителями мира фауны и были наделены отрицательной коннотацией.

К л ю ч е в ы е с л о в а : домашние насекомые, верования, народная традиция, карелы, мифология

Д л я ц и т и р о в а н и я : Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Синантропные насекомые в карельской народной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.694

ВВЕДЕНИЕ

Для обозначения облигатных синантропных насекомых в отечественной науке применяются термины «домашние насекомые» и «домашние насекомые-паразиты» [3: 416], [10: 40]. Домашние насекомые-паразиты были неотъемлемой частью жилища человека. С ними связано большое количество верований, поверий, обрядов как у карелов, так и у других прибалтийско-финских народов [1], [2], [14], [16], а также русских [3],

[10]. Насекомые зачастую фигурируют в этиологических рассказах и сказках, в некоторых повествуется об их происхождении. Так, например, в карельских сказках можно встретить сюжеты, объясняющие происхождение домашних насекомых-паразитов. В одной из сказок повествуется о том, что они появляются из пальцев Сюоятар (кар. Šyöjätär), которую сожгли в смоляной яме за причиненные людям козни и зло. Пальцы Сюоятар были оставлены над землей, и из них

появились упомянутые насекомые [5: 164]. Согласно другому сюжету, за проделки Сюоятар сжигают в бане, она начинает рвать на себе волосы, отрезает свой указательный палец, выбрасывает его, таким образом насылая на землю различные хтонические существа (змей, лягушек, ящериц, комаров и др.) в качестве проклятия¹. В таких перевоплощениях Сюоятар в паразитов прослеживается связь с древними представлениями о переселении душ покойников².

* * *

Для обозначения домашних насекомых-паразитов в карельском языке используются термины *eläjä* ‘жилец’, *elukka* ‘животное’, *elätti* ‘иждивенец, нахлебник, прикормыш, животное’, *šyöjä* ‘кусающий’, *šyöpäläini* ‘паразит’. Использование эвфемизмов здесь не случайно. Еще первобытные люди верили в то, что, упоминая животного его настоящим именем, они тем самым зовут его к себе [15: 78]. Так, согласно поверью, с упоминанием клопа его прямым именем, их в доме прибавит, и кусать они будут пуще прежнего: *Lutikan nimen ku sanot, siit häi liženöö pert'ih da enämmäl peäl tuloo* ‘Назовешь клопа настоящим именем, и увеличится их количество в избе, и будут они кусать пуще прежнего’³. Называли клопов еще и *ruskiit elävät* ‘красные жильцы’, считалось, что они озлобятся, если назвать их настоящим именем [13: 90].

Эвфемизмы, используемые для обозначения конкретных домашних насекомых-паразитов, можно разделить по принципу номинации на следующие группы:

1) форма насекомого: *levieperze* ‘клоп’ (букв. ‘широкозадый’)⁴, *pyöröiperze* ‘клоп’ (букв. ‘круглозадый’)⁵;

2) цвет насекомого: *ruskienekka* ‘клоп’ (букв. ‘красный’)⁶, *ruskiit elävät* ‘клопы’ (букв. ‘красные жильцы’) [13: 90], *ruskiekauhtana* ‘клоп’ (букв. ‘в красном кафтане’)⁷, *vaski* ‘тараканы’ (букв. ‘медь’)⁸;

3) место обитания насекомого: *lahkonvedäjä* ‘клоп’ (букв. ‘доску тянувший’)⁹, *plankunvedäjä* ‘клоп’ (букв. ‘доску тянувший’)¹⁰, *perftelävy* ‘таракан, клоп’ (букв. ‘жилец избы’)¹¹, *kravattelävy* ‘блоха, клоп’ (букв. ‘живущий в кровати’)¹²;

4) происхождение насекомого: *Šakšan kostinčča* ‘таракан’ (букв. ‘немецкий гостинец’)¹³;

5) способ передвижения насекомого: *huppiäjä* ‘блоха’ (букв. ‘прыгающая’)¹⁴.

Карелы считали, что, если насекомые-паразиты появятся в доме, то они принесут с собой различные несчастья, включая болезни, а также дискомфорт. В связи с этим у человека сформировалось негативное отношение к ним,

нашедшее отражение как в языке, так и в культуре. Обратимся к конкретным примерам.

Блоха (кар. *kirppu*, *tirpu*, *čondžoi*) является переносчиком опасных инфекций, больно кусает и может перейти к человеку от собак и крыс. В карельской культуре сформировалось представление о блохе как о мелком и прыгучем насекомом. Отсюда и выражения *kirppuni* ‘крошка, чуть-чуть’ (букв. ‘блошинка’), *kirppunylkijä* ‘скряга’ (букв. ‘с блохи шкуру снимающий’)¹⁵, *kirpulta koiven nyliki ta vielä nahkan möi* ‘жадный, ненасытный’ (букв. ‘у блохи с ноги снял шкуру да еще и продал’)¹⁶, *šiinä tarkka tarvitat kušša kirppu puñnitah* ‘там точность нужна, где блоху взвешивают’¹⁷. Образное выражение эвфемизм *huppiäjä* ‘прыгающий, скачущий’ используется для обозначения блохи¹⁸ (ср. о человеке: *hurppuäy kui kirppu* ‘скачет, как блоха’)¹⁹.

Клоп постельный (кар. *lutikka*, *lut't'i*) способен переносить длительное голодание при низкой температуре. Это облигатное синантропное кровососущее насекомое, ведущее ночной образ жизни и прячущееся в щелях стен, в пазах мебели, одежде и постели. Карелы страдали от них не только в избах – местах постоянного проживания, но и в лесных промысловых избышках²⁰.

Таракан (кар. *torokana*, *torokkana*, *tarakana*, *torokkan*, *russakka*, *ruššakka*, *rušakka*, *prussakka*, *prusakka*, *prusakku*, *brussakka*, *brusakku*) относится к синантропам и обитает в жилищах и хозяйственных постройках человека. Тараканы теплолюбивые и не кусают человека, но представляют для него серьезную опасность как переносчики болезнетворных организмов. В карельской культуре таракан ассоциируется с нечистоплотностью *kävelöy torokkan revuz* ‘ходит таракан в грязи’²¹ и теплолюбивостью *kylmyä kuin ruskakka* ‘мерзнуть, как таракан’²². Образное выражение *Šakšan kostinčča* ‘таракан’ (букв. ‘немецкий гостинец’, ‘гостинец из Германии’)²³ указывает на страну, откуда, вероятно, по мнению карелов, были завезены тараканы. О большом количестве тараканов в избе говорили, что *seinäd on vaskel* ‘тараканов полно’ (букв. ‘стены покрыты медью’, ‘медного цвета’)²⁴. Также тараканы использовались девушками при гадании на суженого: таракан должен был указать, где суженый живет [4: 112].

Для избавления от домашних насекомых-паразитов карелы использовали как рациональные, так и иррациональные способы, зачастую сопровождаемые целыми ритуалами. Наиболее благоприятным временем для изведения домашних паразитов считались святки, как летние между Петровым и Ивановым днем, так и зимние между Рождеством и Крещением. Ри-

туалы избавления старались проводить на убывающей луне. Обусловлено это явным пережитком культа луны. Все, от чего человек хотел избавиться, он делал на убывающей луне. Убывание, или смерть, обозначает и смерть насекомых. Во время ритуального изгнания действовали определенные запреты, нельзя было смеяться, в противном случае паразиты вернутся обратно²⁵.

Обратимся к рациональным методам избавления от паразитов. Для изгнания из жилища тараканов чаще всего карелами использовался способ вымораживания, так как эти насекомые являются теплолюбивыми. Поэтому в сильные морозы люди уходили к соседям или знакомым «на тараканы»: (кар.) *lähtie russakoilla, torokkan-oilla* ‘уйти на тараканы’; *olla russakoilla* ‘тараканить’. Перед уходом хозяева открывали выюшки, двери, чтобы полностью выморозить дом²⁶. Тараканов старались травить на убывающей луне, считая, что в этот период они мрут лучше. Клопы же не боятся холода, поэтому их выводили горячим кипятком, щелоком или выкуривали дымом бодяки²⁷ или серы²⁸. Также развешивали ежеголовник или рдест по стенам, а по углам избы раскладывали кукушкин лен, папоротник²⁹, багульник болотный³⁰, погребок узколистный [2: 190]. Ежеголовник приносили в дом трижды по пятницам на убывающей луне и втыкали в щели стен, приговаривая: *Kuin tämä heinä kuivau, muga elävät kuivakkah; kuin on tämä kuu kulunut, muga elävät kulukkah* ‘Как эта трава сохнет, так пусть и насекомые усохнут, как этот месяц убывает, так пусть и насекомые убудут’³¹. Багульник болотный приносили в избу в пятницу на убывающей луне для выведения клопов³². Карелы верили, что лесной клоп, намеренно принесенный в дом, изгонит домашних клопов [13: 90]. Вероятно, здесь прослеживается способ «подобное изгоняется подобным», используемый во многих обрядах карелов. Проверенным способом считали мытье избы водой, в которой стирали менструальное белье. Тщательным образом этой водой мылись щели в стенах и кровати от клопов [13: 90].

Ритуальные действия против домашних насекомых-паразитов начинались еще при строительстве дома. О том, чтобы в доме не водились паразиты, карелы заботились еще при заготовке леса для постройки дома. Когда валили первое дерево для строительства избы, приговаривали: «Красненькие (клопы), здесь оставайтесь в глуши, не ходите следом, здесь у вас еда в лесу, мясо без костей, рыба без голов». Также на этапе возведения жилища из первого бревна брали первую щепку и раскалывали ее на мелкие щепочки, из которых на пне первого срубленного дерева складывали подобие жилища и про-

износили: *Täsšä elošija kaikilla šyöpäläisillä* ‘Здесь жилище для всех паразитов’³³. Если же это по какой-либо причине не было сделано сразу, то при появлении тараканов в доме этот обряд можно было совершить и позднее на пне первого срубленного дерева³⁴. В этом случае тараканы не заводились, даже если их намеренно пытались подбросить в дом. Печь имела множество разнообразных функций и фигурировала в различных обрядах (похоронно-поминальные, свадебные, лечебные и др., см. об этом подробнее [7], [8]). Не стали исключением и проводимые ритуалы избавления от домашних насекомых-паразитов. Так, например, чтобы в избе не заводились паразиты, надо было положить под возводимую печь прибитый к берегу валец (вешку) [6: 74]. Считалось, что клопы и тараканы не заведутся в новом доме, если взять с камня в пороге замшелой слизи (кар. *šammal-limua*) и положить ее на то место, где будут возводить печь, приговаривая: *Jott’ei tähä š’ijat š’ikieis’. Eikä kašvais’ elukat* ‘Чтобы здесь свиньи не заводились. И скотина не росла’³⁵. В данном случае домашние насекомые выступали в образе домашних животных. Также на место будущей печи клали змеиную шкуру, этот способ был эффективен от появления в доме клопов. Как вариант от клопов и тараканов – при кладке печи замуровывали бутылку со змеиной шкурой или ящерицу [11: 91], [12: 278]. На построенную печь тайно бросали трех землероек, чтобы клопы исчезли из дома³⁶. Проводились ритуалы изгнания и на Иванов день: собирали клопов и голышом выносили их на улицу через окно, а тараканов сметали ольховым венцом в подпол [11: 102].

Распространенным иррациональным способом избавления от различных неприятностей, недугов, болезней и др. являлась имитация их похорон. Этот ритуал, как форма выведения клопов, был известен как русским юго-западной и юго-восточной полосы России, так и карелам [10: 42]. В ночь на Иванов день на щепку складывали около десяти штук клопов, относили на кладбище к неподвижному камню и прикрывали мхом. Из избы до крыльца делали мостки из лучины, по этим мосткам клопы должны были покинуть избу. Изгоняющий приговаривал в стенную щель: «Не здесь ваше жилище. Вам надо убираться отсюда прочь, туда, где были благословлены, туда и возвращайтесь». Весь этот обряд проводился втайне от остальных членов семьи [13: 90].

К иррациональным способам избавления от домашних насекомых-паразитов относится пускание / отправление их по воде. Стоит отметить, что такой ритуал использовался и в народной медицине – пускание болезни по воде (например,

отправляли по течению в деревянной лодочке). Ребольские карелы (д. Реболы) для избавления от *kirot* 'проклятие' клали на камень водопада грязную рубаху женщины-роженицы, а лучше содержанки или сожительницы. На эту рубаху укладывали больного и хлестали его веником, сделанным из веток девяти разных деревьев, обдавали водой из водопада и произносили заговор. Если больному было так плохо, что он не мог попасть к водопаду, то брали оттуда камень и проводили лечебный ритуал дома, после чего возвращали камень на место. Воду, которой обмыли больного, выливали в заранее сделанную ольховую лодочку и отправляли по течению реки на север, приговаривая: *pohjolan kipumäkeen ja turjan koskeen kovaan* 'на большую гору болей и в водопад могучей Туры'³⁷. В Калевальском районе (д. Толлорека) насекомых провожали завернутыми в красную тряпицу в специально сделанной маленькой лодочке с белым парусом и веслами. Вслед им причитали с полной серьезностью, словесно переживая из-за разлуки. В д. Тухкала Лоухского района сообщили, что надо было собрать и отправить 40 насекомых [9: 41]. Это своеобразные ритуалы отправления насекомых на тот свет, их надо было совершать с абсолютной серьезностью. Подобные обряды проводились карелами с целью изгнания из избы клопов. Вытесывали из полена 3 x 9 щепок и на последнюю щепочку собирали 3 x 9 клопов, затем их убивали. С этой щепкой выходили на середину ближайшего озера и, опуская ее на воду, плача, приговаривали: «Жалко и печально, но ничего не поделаешь, придется расстаться»³⁸. Другой способ: из ольхи делали гробик, как настоящий, складывали в него 3 x 9 клопов и клали в старую лодку. После этого отправляли лодку по течению и произносили: «Отправляйся в земли чужие, Приди к дверям незнакомым / странным, к порогам деревенским!». Затем дождевой водой после грозы мыли помещение³⁹.

Заговоры произносились и при проведении других ритуалов изгнания клопов. Заготовленным в летние святки веником подметали пол, приговаривая *Pois tästä pienet elävät, Vihasena vierijät, Kummasena kulkijat, Painuat piätä penkin*

alla, Alkuat nurkissa nuhata! 'Вон отсюда, живность мелкая, Злюки ползающие / катящиеся, Передвигающиеся странно, Суньте голову под лавку, по углам раскопошитесь!'. После этого делили веник на четыре части и расставляли по углам, приговаривая: *Vanhat vierahat pois, Uuvet sijah!* 'Вон, старые жильцы / гости, Новые взамен / вовнутрь!'. Во время проведения ритуала двери нужно было держать открытыми⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с домашними насекомыми-паразитами у карелов было связано большое количество верований, поверий, обрядов. Насекомые фигурируют в этиологических рассказах и сказках, повествующих в числе прочего и о происхождении представителей данного вида. Для обозначения домашних насекомых-паразитов в карельском языке используются эвфемизмы (например, *elätti* 'иждивенец, нахлебник, прикормыш, животное', *šyöjä* 'кусающий', *šyöpäläini* 'паразит' и др.), что связано с боязнью человека назвать их к себе в жилье, назвав настоящим именем. Карелы верили, что, появившись в доме, насекомые-паразиты принесут с собой различные несчастья, включая болезни. В связи с этим сформировалось негативное отношение к ним. В карельской народной традиции самыми частыми «персонажами» среди домашних насекомых-паразитов являются тараканы, блохи, клопы. При появлении этих насекомых в жилище карелы сразу пытались от них избавиться, используя как рациональные (вымораживание, выкуривание, развешивание специальных трав, мытье избы и др.), так и иррациональные способы (имитирование строительства жилья для насекомых, подкладывание под возводимую печь шкурки змеи или замшелой слизи с произнесением заговоров, имитация ритуала изгнания, пускание насекомых по воде в маленькой лодочке и др.), зачастую сопровождаемые целыми ритуалами. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что в карельской народной традиции тараканы, блохи и клопы считались нечистыми представителями мира фауны и были наделены отрицательной коннотацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Virtaranta P. Kultarengas korvaan: Vienaalaisia satuja ja legendoja. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1971. S. 169.
- ² Карельские народные сказки / Изд. подгот. У. С. Конкка. М.; Л.: Изд-во АНССР, 1963. С. 22.
- ³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, III, 1983. S. 500.
- ⁴ Karjalan kielen sanakirja... III, 1983. S. 74.
- ⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, IV, 1993. S. 572.
- ⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, V, 1997. S. 197.
- ⁷ Karjalan kielen sanakirja... V, 1997. S. 196.
- ⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 1997. S. 512.

- ⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, III, 1983. S. 2.
- ¹⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, IV, 1993. S. 330.
- ¹¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, I, 1968. S. 112.
- ¹² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, I, 1968. S. 112.
- ¹³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, IV, 1993. S. 466.
- ¹⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, I, 1968. S. 359.
- ¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, II, 1974. S. 217.
- ¹⁶ Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. С. 80.
- ¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, IV, 1993. S. 505.
- ¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, I, 1968. S. 359.
- ¹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, I, 1968. S. 361.
- ²⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, IV, 1993. S. 33.
- ²¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 1997. S. 154.
- ²² Полевой материал авторов.
- ²³ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, IV, 1993. S. 466.
- ²⁴ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 1997. S. 512.
- ²⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, III, 1983. S. 448, 450.
- ²⁶ Полевой материал авторов.
- ²⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, IV, 1993. S. 8.
- ²⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 1997. S. 383.
- ²⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, III, 1983. S. 283.
- ³⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, V, 1997. S. 556.
- ³¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, III, 1983. S. 462.
- ³² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, V, 1997. S. 556.
- ³³ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ³⁴ Perttu P. Väinämöisen venehen jälki. Petroskoi: Karjala, 1978. S. 127.
- ³⁵ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ³⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VI, 1997. S. 242.
- ³⁷ Suomen kansan vanhat runot. Osa II. Helsinki, 1927. S. 533.
- ³⁸ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ³⁹ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).
- ⁴⁰ Suomen Kansan Vanhat Runot [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://skvr.fi/> (дата обращения 24.03.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 448 с.
- Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 910 с.
- Духовная культура сегозерских карел конца XIX – начала XX в. / Изд. подгот. У. С. Конкка, А. П. Конкка. Л.: Наука, 1980. 216 с.
- Иванова Л. И. Персонажи карельской мифологической прозы. Исследования и тексты быличек, бывальщин, поверий и верований карелов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 557 с.
- И н х а И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкео, 2019. 461 с.
- Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Роль печи в похоронно-поминальной обрядности и народной медицине карел // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 176–183. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.176-183
- Каракин Е. В., Пашкова Т. В. Функция печи в родильной обрядности и лечении детских заболеваний у карелов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.523
- Конкка А. П. Viändöi – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. С. 28–45.
- Кривошапова Ю. А. Домашние насекомые-паразиты в языке и фольклоре // Живая старина. 2005. Вып. 4. С. 40–43.
- Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века / Изд. подгот. Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. 260 с.
- Степанова А. С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. 384 с.
- Kalkkinen A. Tällel siel eelttih. Joensuu: Pohjois-Karjalan Kirjapaino Oy, 1987. 101 s.
- Kansanomainen lääkintätietous / Toim. Hako M. Helsinki: SKS, 1957. 255 s.
- Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki: SKS, 1944. 343 s.

16. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. 776 s.

Поступила в редакцию 09.02.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Yevgeniy V. Karakin, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-3684-0971; karakin.86@mail.ru

Tatyana V. Pashkova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

SYNANTHROPIC INSECTS IN KARELIAN FOLK TRADITION

Abstract. The article addresses the traditional views of the Karelians on obligate synanthropic insects, which are denoted in domestic research as “domestic insects” or “domestic parasitic insects”. The way of life of these insects is directly connected with people and their home, where insects find a favorable microclimate, shelter and food. The peak of development of the synanthropic groups of insects is associated with the appearance of humans and their vital activities. This is reflected in the language, folklore and beliefs of the Karelian people. Over time, the people formed a zoomorphic cultural code that reflected the ideas about these insects and people’s attitude to them. The relevance of the study is determined by the fact that earlier researchers have not used Karelian material for investigating this problem. The authors used the comprehensive approach, combining the ethnolinguistic, contrastive comparative and comparative historical research methods, which enabled them to obtain a holistic view of domestic parasitic insects in the Karelian worldview on the basis of linguistic, folklore and ethnographic materials. The theoretical and methodological basis comprises the works of domestic and foreign ethnographers, linguists and folklorists. Using such linguistic sources as dialect dictionaries of the Karelian language and samples of Karelian speech gives a complete picture of the use of a particular lexeme in the Karelian language. Ethnographic, linguistic, and folklore works of domestic and foreign researchers, as well as the electronic version of the multi-volume edition *Ancient Runes of the Finnish People* served as the source base. The study also involved the authors’ field materials collected in the Kalevalsky district of Karelia. The authors came to the conclusion that in the Karelian folk tradition cockroaches, fleas and bedbugs were considered unclean representatives of the world of fauna and were endowed with a negative connotation.

Keywords: domestic insects, beliefs, folk tradition, Karelians, mythology

For citation: Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V. Synanthropic insects in Karelian folk tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):64–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.694

REFERENCES

- Vinokurova, I. Yu. Animals in the traditional worldview of the Veps. Petrozavodsk, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Vinokurova, I. Yu. The Veps mythology: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
- Gura, A. V. Symbols of animals in the Slavic folk tradition. Moscow, 1997. 910 p. (In Russ.)
- Spiritual culture of the Segozersk Karelians in the late XIX and the early XX centuries. (U. S. Konkka, A. P. Konkka, Eds.). Leningrad, 1980. 216 p. (In Russ.)
- Ivanova, L. I. Characters of Karelian mythological prose. Research and texts of stories, memorates, beliefs and legends of the Karelians. Moscow, 2012. 557 p. (In Russ.)
- Inkha, I. K. In the land of Kalevala songs: the path of Lönnrot across the White Sea Karelia, an essay on the land of the White Sea Karelia. Petrozavodsk, Kuhmo, 2019. 461 p. (In Russ.)
- Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V. The role of the furnace in Karelians’ funeral and memorial rites and folk medicine. *Finno-Ugric World*. 2020;12(2):176–183. DOI: 10.15507/2076-2577.012.2020.02.176-183 (In Russ.)
- Karakin, Ye. V., Pashkova, T. V. Function of stove in childbirth rituals and children’s diseases treatment practices of the Karelians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(6):110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.523 (In Russ.)
- Konkka, A. P. Viändöi – the time of the summer “turn” in the calendar rituals of the Karelians. *Rituals and beliefs of the peoples of Karelia*. Petrozavodsk, 1992. P. 28–45. (In Russ.)
- Krivoshchapova, Yu. A. Domestic parasitic insects in language and folklore. *Living Antiquity*. 2005;4:40–43. (In Russ.)
- Material culture, arts and crafts of the Segozersk Karelians in the late XIX and the early XX centuries. (R. F. Nikolskaya, A. P. Kosmenko, Eds.). Leningrad, 1981. 260 p. (In Russ.)
- Stepanova, A. S. Oral poetry of the Tunguda Karelians. Petrozavodsk, 2000. 384 p. (In Russ.)
- Kalkkinen, A. Tällel siel elettih. Joensuu, 1987. 101 s.
- Kansanomainen lääkintätietous. (Toim. Hako M.). Helsinki, 1957. 255 s.
- Nirvi, R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmiöitä itämerensuomalaisissa kielissä: riista ja kotieläintalous. Helsinki, 1944. 343 s.
- Vuorela, T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. 776 s.

Received: 9 February, 2021; accepted: 3 September, 2021

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
zmejeva@rambler.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК НА МУРМАНСТРОЙКЕ. ЧАСТЬ 1. ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ – АКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А н н о т а ц и я . Строительство магистрали, связывающей столицу Российской империи и побережье Северного Ледовитого океана, представлено в статье как процесс создания региональных общностей. Ключевой является проблема соответствия социальных действий ожиданиям участников строительства. Объект исследования – стражники, завербованные для охраны и наблюдения за рабочими. Выбор объекта обусловлен промежуточным положением групп нижних чинов в системе подчинения – руководства. Целью первой части статьи стало выявление последствий управленческих решений, направленных на преобразование общественного устройства, изменивших в целом функциональность социальной системы. Сделан вывод о том, что социальная структура на Мурманстройке в 1915–1916 годах формировалась преимущественно на основе представлений руководства о профессиональных качествах этнических групп. Актуальность предпринятого исследования заключается в использовании социологического подхода, применяемого для изучения функционирования социальной системы, к историческому явлению – строительству военно-стратегического объекта. Новизна состоит в том, что Мурманская железная дорога впервые рассматривается не как объект строительства с привлечением многочисленных групп рабочих, а как социальная система, находящаяся в ситуации «подвижного равновесия». Использование отдельных элементов концепции социальной системы Т. Парсонса позволило выявить некоторые особенности воздействия социальной структуры на возникновение устойчивых типов взаимодействия этнических групп.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Мурманская железная дорога, 1915–1916 годы, социальная система, социальная структура, актор, этнические группы

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено в рамках темы государственного задания № 0226-2019-0066 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XX вв.: исторический и антропологический ракурс».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Змеева О. В. Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 1. Этнические группы – акторы социальной системы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 70–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.695

ВВЕДЕНИЕ

Строительство Мурманской железной дороги связано с формированием пусть и временного, но специфического социального пространства¹. Гуманитарные исследования, посвященные вопросам функционирования социального мира Мурманки, содержат систематизированные обзоры и детальные разборы поэтапного планирования, подготовки и строительства железной дороги [3], [6], [9], [10], [11], [20]. Публикуемые выдержки из архивных документов, сопровождающие исследовательские наблюдения, включают разнообразный материал, который позволяет составить актуальную

картину императорского дорожного строительства. Так, читатель знакомится с системой статусов и ролей, норм и функций и в целом с сообществом строителей, фрагментарно представленным в различного рода гуманитарных и социальных исследованиях. Особое внимание в современных работах направлено на изучение микроисторических фактов, в частности, проясняющих проблему сосуществования и повседневного взаимодействия этнических и социальных групп искусственно созданного сообщества строителей дороги [1], [2], [14].

Монографические исследования, восстановившие и представившие многочисленные факты,

связанные с историей планирования и процессом сооружения, с проблемами и препятствиями, сопровождавшими масштабную стройку, а также с последствиями и значением этого исторического события, продолжают сохранять актуальность [3], [4], [6], [10]. В отечественной и мировой науке появился ряд публикаций, основанных на ранее неизвестных архивных материалах, где отражены повседневность, взаимодействия, проблемы и конфликты групп рабочих Мурманки [4], [5], [15], [17], [18], [19]. По-прежнему остаются недостаточно изученными события этносоциальной жизни, происходившие вокруг объектов железнодорожного строительства. В частности, требуют научного осмысления опыт искусственного создания полиэтнической общности, последствия массовой миграции (как добровольной, так и принудительной) для функционирования временной общности².

Исходным допущением является предположение о том, что Мурманская железная дорога образца 1915–1916 годов – пример (пусть и временного) формирования региональных сообществ. Создание социума происходило во многом за счет ускорения иммиграционных процессов, использования труда огромных масс мигрантов, а также вербовки квалифицированных специалистов.

За неимением внутренних трудовых резервов, которые можно было использовать для реализации строительного замысла, Управление работ по постройке Мурманской железной дороги (далее – Управление) последовательно использовало различные модели привлечения рабочих на стройку³. Наиболее распространенными способами компенсировать недостаток рабочих рук стали мобилизация крестьян из различных регионов страны, вербовка рабочих, ранее участвовавших в деле железнодорожного строительства, «трудотерапия» военнопленных. Добровольная трудовая миграция – это существенная часть пополнения общества строителей новыми членами, которые в свою очередь, присутствуя в жизни местного населения, создавали семьи, увеличивая население регионов.

Многотысячная армия рабочих требовала организации, контроля и координации со стороны административной власти. Исторические и социально-антропологические исследования показывают, что выбранная система управления и координации при всех ее недостатках и, как сегодня принято говорить, сопутствующих потерях имела результатом появление всего через полтора года незавершенной, но вполне функционировавшей железной дороги. Задачи настоя-

щей работы – рассмотреть влияние, с одной стороны, сформированной Управлением социальной структуры и, с другой стороны, социальных ожиданий участников строительства на возникновение образцов поведения и устойчивых типов взаимодействия индивидов (отдельных групп) на строительстве Мурманской железной дороги, а также выявить механизмы поддержания должного функционирования временного железнодорожного сообщества.

Актуальность предпринятого исследования заключается в использовании социологического подхода, применяемого для изучения функционирования социальной системы, к историческому явлению – строительству железнодорожной магистрали. Новизна состоит в том, что Мурманка впервые рассматривается не как объект строительства с привлечением многочисленных групп рабочих, а как социальная система, находящаяся в ситуации «подвижного равновесия» (термин Т. Парсонса). Использование отдельных элементов концепции социальной системы позволяет выявить некоторые особенности воздействия социальной структуры, сформированной на строящихся объектах, на возникновение устойчивых типов взаимодействия этнических групп на строительстве Мурманской магистрали в 1915–1916 годах.

Данная статья является первой частью исследования, нацеленного на изучение социального порядка, практически сформировавшегося в процессе строительства Мурманской железной дороги. В ней прежде всего рассматриваются основные теоретические положения, необходимые для последующего анализа функциональности элементов социальной системы в конкретных исторических обстоятельствах.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ

Мурманская железная дорога – это преимущественно государственный заказ, реализованный в обстоятельствах Первой мировой войны. Условия сооружения стратегического объекта требовали от имперских властей специфических мер, которые бы обеспечивали контроль и наблюдение за деятельностью многочисленного трудового коллектива. Более того, среди участников стройки находились группы, требовавшие постоянного наблюдения. Речь идет не только о военнопленных, которые, естественно, находились под охраной. Вызывали беспокойство и группы строителей, которых подозревали в шпионаже, те, кто был замечен в организации банд и потенциально мог нанести урон на любом из участков строившегося пути:

«...среди рабочего элемента, привезенного из Сибири, имеются ссыльно-поселенные и так называемая сибирская “шпана”, способная на все»⁴.

В целях сохранения безопасности объекта и осуществления контроля за возможными нарушениями порядка были дополнительно набраны сотрудники охранной службы [8: 56]. Обязанности непосредственного взаимодействия с рабочими легли на плечи стражников, охранников из нижних чинов. Особенность организации этих групп заключалась в их этническом разнообразии. Охрана состояла из завербованных лиц – русских, а также представителей среднеазиатских, кавказских этнических групп [8: 63], [23]. Всего на Мурманской железной дороге работало не менее 3220 стражников⁵.

Объект нашего исследования – стражники Мурманской железной дороги как социальные акторы⁶. Выбор объекта обусловлен тем, что они заняли промежуточное положение в сформировавшейся социальной структуре железнодорожной стройки. С одной стороны, нижние чины являлись официальными агентами исполнительной власти на местах, то есть формально были включены в структуры, отвечавшие за установление или наведение порядка. С другой стороны, стражники – представители нижних чинов, непосредственно взаимодействовавших с группой рабочих, они не имели самостоятельности и должны были действовать по инструкции. Наличие военнопленных и других безоружных людей предоставляло возможность группам охраны использовать властные полномочия в собственных интересах. В прошении о принятии мер по обеспечению спокойной жизни строителей, адресованном начальнику 4-го участка, описан один из многочисленных конфликтов между участниками строительства:

«...в типовой барак на ст. Кереть, где помещаются плотники, в 9 часов вечера вошли все находящиеся на ст. Кереть в количестве 9 человек стражники лезгины с обнаженными кинжалами» и отобрали заработанное «у плотников, спокойно сидевших и деливших между собой артельные деньги, угрожая им оружием»⁷.

Таким образом, выбор объекта исследования определен статусной позицией группы. Социальные взаимодействия стражника, который включен в разнообразные типы отношений руководства – подчинения, отражают соотношение установленной (то есть предзаданной) и фактически сложившейся системы норм и правил в данном сообществе. Непосредственное взаимодействие как с рабочими, в том числе военно-

пленными, так и со специалистами, возможность самостоятельного передвижения по вверенному участку, необходимость контроля и наблюдения за участниками строительства, общение и сотрудничество с представителями административной власти, а также сплоченность в этническом отношении – все это позволяло представителям охраны устанавливать приемлемые типы поведения для подчинявшихся им групп, использовать формальные и неформальные способы поддержания нормативного порядка, выполнять функции исполнительной власти.

Источниковую основу исследования составили документы региональных архивов – Государственного архива Мурманской области и Национального архива Республики Карелия, касающиеся строительства Мурманской железной дороги, прежде всего те, в которых отражены действия стражников и/или их взаимодействия с другими акторами. Анализируемые документы имеют специфическую направленность. Были отобраны описания нарушений рабочего процесса или социальных конфликтов, то есть любых видов девиантного поведения участников строительства. В первую очередь они содержатся в срочных документах – телеграммах, рапортах, а также в жалобах и заявлениях.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ: СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА, СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ, СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Наше исследование опирается на концепцию социального действия и общую теорию социальных систем Т. Парсонса [12], [13], [24], [25]. Ключевыми понятиями этих работ являются «социальная система», «социальная структура», «социальный порядок», «социальное действие» и «социальный контроль». Все обсуждаемые термины тесно связаны. Социальная система, в самом простом варианте, предложенном Т. Парсонсом, это

«система процессов взаимодействия акторов, она представляет собою структуру отношений между акторами, включенными в процессы взаимодействия, которая по существу и есть структура социальной системы» [13: 23].

Основной тезис заключается в том, что любая общественная организация в различных обстоятельствах стремится к равновесию. Поддерживать ее балансирование возможно при условии создания четкой структуры, а в случае возникновения девиантности в социальных взаимодействиях механизмы социального контроля позволяют сохранить равновесие системы [13: 229–230]. Таким образом, социальная система

должна быть структурирована, ее элементы – упорядочены. В свою очередь, каждый субъект системы выполняет определенные функции. Их упорядоченность и «правильное» исполнение позволяют любому элементу (например, индивиду или личности) внести вклад в поддержание иерархичности и сохранение общей конструкции. Система же, со своей стороны, призвана максимально бесконфликтно интегрировать структурированные компоненты в единое целое, например, объединить индивидов в группы по какому-либо признаку и тем самым обеспечить стабильность социального устройства.

Одна из функций социальной системы – сохранение структуры, которое обеспечивается использованием определенных механизмов. Важнейшим из них, по мнению Парсонса, является интеграция ценностных ориентаций [12: 347], [13: 418]. Обмен персональными мотивациями и представлениями тесно связан с системой социальных действий индивидов, которая предполагает осмысленность действия со стороны актора и социальную направленность действия, то есть его ориентацию на другого [12], [22], [23]. Баланс системы социальных действий (или взаимодействий) означает исполнение социальных ролей, которые мотивируют актора на одобряемое или «правильное» поведение. То есть социальная система при планировании взаимодействий намечает ожидаемые результаты от поведения той или иной личности, группы или в целом сообщества. Это происходит при помощи создания нормативно-правовой документации, системы поощрений и наказаний, а также определения функциональных возможностей и ограничений каждого элемента системы. Т. Парсонс задается вопросом: как можно поддержать равновесие социальной системы, когда в ситуациях взаимодействия акторов проявляется девиантное поведение? Его интересовало, каким образом конфликты, нарушающие нормы и правила, могут быть разрешены при помощи девиантного поведения. Восстановление «равновесия при помощи противодействующих сил» – это и есть механизм социального контроля [13: 230].

Понятие «социальный порядок» используется, как правило, для обозначения процессов изменения или стабильности социальной системы, заданного комплекса правил и образцов, которые регулируют социальные взаимодействия и влияют на функционирование социальной системы в целом. Социальный порядок, согласно концепции Парсонса, может сохраняться в том случае, когда он поддерживается взаимным принятием социальных норм

и ценностей всеми акторами [21]. Обеспечивают его контролирующие механизмы, которые актор применяет, противодействуя мотивациям нарушителей установленного режима [13: 230]. Субъект поддерживает «нормативную модель» и берет на себя ответственность за ее сохранение [13: 294–295]. К дестабилизации социальной системы могут привести конфликты, споры, разногласия между группами – участниками взаимодействий. Регулярное восстановление и поддержание заданного социального порядка в таких ситуациях становится необходимым. Таким образом, социальный порядок – это согласованность и дисциплинированность социальных взаимодействий, поддержание структуры социальной системы и упорядоченность социального действия.

Мурманская железная дорога – это социальная система, своего рода микромодель последовательного формирования общества, опыт его создания. Известно, что общность строителей магистрали создавалась искусственно, поскольку собственных трудовых ресурсов для обслуживания нужд стройки Олонецкая губерния и Александровский уезд Архангельской губернии не имели [9: 30]. Яркими характеристиками этого временного сообщества стали быстрота его формирования, временность существования, а также специфическое размещение строителей вдоль земель, отчужденных дороге. Несмотря на множество проблем, сопровождавших стройку, эта социальная система была определенным образом организована. Здесь сложилась упорядоченная структура, была разработана нормативно-правовая база [3: 103], [7: 110]. Иначе говоря, система, несмотря на многочисленные противоречия в запланированных действиях и их результатах, достаточно успешно функционировала. Главным показателем ее результативности было скорое завершение строительства [16: 160].

СОЦИЕТАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК: СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Планировало ли Управление подбор и вербовку рабочих-строителей с учетом их этнической принадлежности? Это вопрос, который, по всей видимости, еще требует осмысления. Социальная структура, которая представлена и частично аргументирована в официальном отчете о результатах строительства⁸, отражена в архивных документах и подтверждена историческими исследованиями, как будто выстроена по этническому принципу [6: 105], [14], [18: 36]. Попытка Управления организовать совместное проживание представителей различных этниче-

ских групп не имела должного результата⁹. Конечно, информация о таких социальных характеристиках рабочих, как пол, возраст, гражданство (подданство), сословная принадлежность, профессиональные навыки потенциальных работников, также присутствует в документах. Однако практически в любом упоминании о социальных действиях группы (или коллективного актора [13: 124]), вне зависимости от последствий, действующие субъекты обозначаются как этнические. Об этом, в частности, сохранились свидетельства документов:

«Заменившие черкесов стражники русские солдаты относятся к пленным хорошо»¹⁰; «... движение заболеваний сыпным тифом представляется в следующем виде. Состояло на 1 декабря финнов рабочих трое, финнов населения один и стражник черкес один»¹¹.

Этническая специфика формирующейся социальной системы определила и особенности взаимодействия внутри общности. Функциональное и ролевое наполнение системы происходило последовательно, с возникновением новых «строительных» задач [7: 109], а также с учетом представлений руководства о специфике деятельности той или иной этнической группы. Таким образом, администрация имела возможность развести по разным участкам не ладившие между собой этнические группы и сформировать условно бесконфликтную среду. В отдельных случаях Управление шло им навстречу: китайцев обеспечивали «чашками и палочками для еды, особой обувью (кожаные башмаки и суконные туфли), теплой одеждой и проч.», а финнов – маслом и кофе¹².

Возможно, более длительное выполнение рабочими своих обязанностей позволило бы им успешно адаптироваться к установленному руководством распорядку и внести более заметный вклад в процесс функционирования социальной системы. Однако требование минимизации сроков строительства, чрезвычайные обстоятельства, в которых возводился объект, – стали лишь одними из множества проблем, с которыми в действительности столкнулось Управление. Социальная реальность, насыщенная бытовыми заботами повседневной жизни, этническими, религиозными и другими особенностями, ежедневно создавала барьеры для правомерного исполнения заданного нормативного порядка [7: 110–111]. То есть фактически не было организовано запланированное общество, пусть и этнически ориентированное, состоящее при этом из специализированных профессиональных коллективов, для которых были разработаны инструкции

и правила. Правовые нормы, призванные урегулировать отношения между рабочими и административными структурами, должны были минимизировать конфликтность и девиантность внутри социальной системы. Результатом четкого исполнения функций, соответствия «ожидаемых» социальных действий нормативно-правовой документации, уменьшения конфликтности могла бы стать своего рода преданность этнических групп социальной системе.

В отчетных документах строительства содержится информация о систематических нарушениях заданного руководством порядка, допускаемых коллективными агентами – представителями этнических групп. Затрудненность межэтнических коммуникаций (в силу языковых и культурных различий) препятствовала социальной интеграции всех участников строительства, что предполагало применение силы со стороны администрации. Регулярное обращение стражников к наказаниям могло стать фактором временного поддержания порядка, восстановления функциональности системы.

Как известно, простейшим решением проблемы стало укрепление службы охраны путем привлечения большего количества стражников. Поскольку избежать конфликтов между этническими группами удавалось все реже, стабилизации ситуации могло способствовать усиление социального контроля, позволявшее сохранить систему в состоянии «подвижного равновесия». Что же сделало руководство? Оно включило новые этнические группы, дополнительно объединенные квазиэтническим компонентом, в рассогласованную систему взаимодействий коллективов, конфликты внутри которых возникали на основе этнических противоречий, установок, стереотипов, образцов поведения. Стражники (лезгины, ингуши, чеченцы, черкесы и другие этнические группы), работавшие в службе охраны, нередко рассматривались их непосредственными начальниками как типовые представители общности «кавказцев». Поступив на службу, стражники оказывались включенными в систему исполнительной власти. В структуре сообщества они являлись, с одной стороны, исполнителями роли охранников социального порядка и, с другой стороны, пребывали в роли подчиненных, за которыми также требовались контроль и наблюдение. Такое промежуточное положение стражников позволяло им поддерживать социальный порядок силового характера:

«Отношение ближайшего начальства, – стражников, черкесов, не понимающих никакого европейского языка и не признающих иного способа воздействия

кроме нагайки, было в большинстве случаев жестокое и несправедливое»¹³,

– говорится в «Докладе о санитарном состоянии военнопленных».

В то же время стражники как низшие чины, оказавшись на самой нижней ступени исполнительной системы власти, сами становились объектом насилия со стороны наемных работников и военнопленных, а также со стороны органов управления.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

Сохранение сформированной социальной системы Мурманской железной дороги в состоянии равновесия оказалось проблематичным, поскольку административная власть объединила в один коллектив рабочих этнические группы, не предоставив им возможность адаптироваться к окружающей природной и социальной среде. Сопутствующие процессу строительства обстоятельства (природно-климатические и географические условия, отсутствие транспортных путей и т. д.) повышали конфликтность этнических групп.

Управленческая система выбрала способом поддержания социального порядка на Мурман-

ской железной дороге усиление охранной структуры. Этнический фактор оказывал серьезнейшее влияние на решения Управления. Так, агент, занимавшийся отправкой новых партий стражников, просил срочно телеграфировать, «понадобятся ли туркмены для упомянутой службы Мурманстройке и утвердительном случае количество их и место направления»¹⁴. Предполагалось «доставить до пяти тысяч рабочих кавказцев из горных аулов»¹⁵.

Охрана оказалась способна поддержать социальный порядок только силовым способом, используя принудительные методы [8: 65]. При этом субъекты исполнительной власти оказались в положении индивидов, демонстрирующих девиантное поведение. Включение представителей нижних чинов в систему «руководство – подчинение – руководство» требовало от них исключить поступки, нарушавшие общественные нормы, и тем самым демонстрировать лояльность нормативному порядку. Однако стражники, продолжая традиции, заложенные Управлением Мурманской железной дороги, разработали собственную систему социальных действий, которая была основана на приоритетном привлечении этнического компонента.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Строительство Мурманской железной дороги (сокращенное название – Мурманстройка) осуществлялось одновременно на трех участках: Петрозаводск – Сорока (март – декабрь 1915 года); Сорока – Кандалакша (сентябрь 1915 – ноябрь 1916 года); Кандалакша – Мурман (июнь 1915 – апрель 1916 года). Построенные в 1913–1917 годах железнодорожные линии Званка – Петрозаводск, Петрозаводск – Мурманск позволили соединить Кольский полуостров (Александровский уезд Архангельской губернии) с Олонецкой и Санкт-Петербургской (Петроградской) губерниями. По завершении строительства эти линии были объединены с Петроградским железнодорожным узлом и составили единую магистраль, получившую уже известное ранее наименование – Мурманская железная дорога.

² Железнодорожная линия была построена в кратчайшие сроки. Скорость строительства Великого северного пути – в среднем по 52,5 км в месяц [16: 159–160]. Транспортировка людей и грузов также осуществлялась на условиях временной эксплуатации железной дороги (подробнее об этом см.: Государственный архив Мурманской области (ГОКУ ГАМО). Ф. И-72. Оп. 1. Д. 13. Л. 202 об.).

³ Систематический набор в 1915 году (с января по сентябрь) обеспечил район строительства 30 тыс. наемных работников. К концу строительного сезона 1915 года на прокладке линии Петрозаводск – Мурман было сосредоточено около 60 тыс. рабочих [6: 106]. Наиболее крупные группы иностранных рабочих: военнопленные австро-венгерского и немецкого подданства, китайцы, канадцы. Сведения о работавших на линии военнопленных различны. В официальном отчете о строительстве Мурманской железной дороги речь идет о приблизительной цифре – до 25 тыс. человек к 1 сентября 1916 года. (См.: Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурманск с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 69). По подсчетам А. А. Голубева, около 35 тыс. человек на 1 февраля 1917 года [3: 119]. Р. Нахтигаль приводит данные о наибольшей концентрации военнопленных на линии к осени 1916 года – 40 тыс. человек [10: 119]. В «Справке к докладу Счетного Отдела от 13-го января 1917 г.», со ссылкой на сведения, полученные от Жандармского управления, приведена конкретная цифра – 24 635 военнопленных (Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156), китайцев – около 10 тыс. человек, канадцев – около 500 человек (см.: Мурманская железная дорога. С. 69–70).

⁴ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 62 об.

⁵ Указанные сведения приведены на начало января 1917 года (НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156). Расчет сотрудинок, необходимых для службы в охране, в 1915 году производился, «считая 1 человека стражи на 30

- военнопленных» (НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/28. Л. 16–16 об.; см. также [1: 22]). Позднее правила расчета изменились. В «Справке к докладу Счетного Отдела от 13-го января 1917 г.» представлен другой принцип: 1 стражник на 10 военнопленных, плюс 1 тыс. стражников, необходимых на линии «согласно постановления Особого Комитета, для охраны касс, сопровождения артельщиков» (НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 156).
- ⁶ Актор – это «система действия и одновременно точка отчета. Как система действия актер может быть как индивидом, так и коллективом. Как точка отчета актер может быть либо актером-субъектом (иногда называемым просто “актер”), либо социальным объектом» [12: 344].
- ⁷ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 123.
- ⁸ Мурманская железная дорога...
- ⁹ Там же. С. 67–70.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/914. Л. 190 об.
- ¹¹ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/916. Л. 164.
- ¹² Мурманская железная дорога... С. 67, 70.
- ¹³ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 117/914. Л. 188 об.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 103/797. Л. 54.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 67.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамирзоев К. М. Путь на Север: Исторический очерк. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 156 с.
2. Балагуров Я. А. Рабочие Мурманской железной дороги в 1915 – начале 1917 года (К истории формирования постоянных рабочих кадров) // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 198–213.
3. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
4. Дубровская Е. Ю. «Прежде» и «теперь»: перемены 1917 года глазами строителей Мурманской железной дороги // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7-17. С. 22–39.
5. Дубровская Е. Ю. Социально-экономическое пространство сооружения Мурманской железной дороги: строители магистрали и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 1-18. С. 24–43.
6. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
7. Змеева О. В. Мурманская железная дорога: установление и трансформация социального порядка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.379
8. Змеева О. В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2-16. С. 53–67.
9. Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 28–38.
10. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения: СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.
11. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога в планах стран-участниц Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России: Материалы междунар. науч. конф. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 240–247.
12. Парсонс Т. О структуре социального действия: Пер. с англ. М.: Академический Проект, 2018. 435 с.
13. Парсонс Т. Социальная система: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2018. 530 с.
14. Трошина Т. И. «Желтый труд» на Европейском севере. Привлечение китайских рабочих на строительство Мурманской железной дороги и порта // Мурманск в истории Российской государственности: Сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Сократ, 2016. С. 156–161.
15. Трошина Т. И. Горцы на Европейском Севере России в годы «длинной войны» 1914–1920 гг. // Казаки и горцы в годы Первой мировой войны: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Ростов-на-Дону, 18–19 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 160–164.
16. Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2009. 388 с.
17. Ходяков М. В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1. С. 7–30.
18. Ярмолич Ф. К. Китайская диаспора на Кольском Севере в 20-е годы XX века: демографические характеристики // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде. Мурманск, 2005. С. 36–39.
19. Nachtigal R. Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt/Main, 2005. P. 109–114.

20. N a c h t i g a l R. Privilegiensystem und Zwangs-rekrutierung: Russische Nationalitätenpolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Öster-reich-Ungarn // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges (Jochen Oltmer, Ed.). Paderborn, 2005. P. 167–193.
21. P a r s o n s T. Order as a social problem // The concept of order. (P. G. Kuntz, Ed.). Seattle: University of Washington Press, 1968. P. 373–384.
22. P a r s o n s T. Social structure and personality. Glencoe, Illinois: Free Press, 1963. 376 p.
23. P a r s o n s T. The role of ideas in social action // American Sociological Review. 1938. Vol. 3. P. 13–20.
24. P a r s o n s T. The social system. Glencoe, Illinois: The Free Press, 1951. 575 p.
25. P a r s o n s T. The structure of social action. New York: McGraw Hill, 1937. 775 p.

Поступила в редакцию 23.07.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Olga V. Zmeeva, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
zmeveva@rambler.ru

SOCIAL ORDER ON MURMANSK RAILWAY. PART 1. ETHNIC GROUPS – SOCIAL SYSTEM ACTORS

Abstract. Construction of the Murmansk Railway connecting the capital of the Russian Empire with the Arctic Ocean is considered as a process of creating regional communities. The key problem is the question of social actions compliance with the expectations of the construction participants. The object of the study is the guards recruited to protect and monitor the workers. This object was chosen due to the intermediate position of the lower rank groups in the “subordination – management” system. The purpose of the first part of the publication is to identify the consequences of the management decisions aimed at changing the social structure, which eventually changed the general functionality of the social system. The author concludes that the social structure of Murmanstroika (the construction of the Murmansk Railway) was formed mainly on the basis of the management’s ideas about the professional qualities of ethnic groups. The relevance of the research lies in the use of the sociological approach for the study of a historical phenomenon – the construction of a strategic military object. The novelty of the study is that it considers the Murmansk Railway for the first time not as an object of construction involving numerous groups of workers, but as a social system in a situation of “mobile equilibrium”. Relying on certain elements of Talcott Parsons’ social system concept enabled the author to identify some features of the impact of the social structure on the emergence of the stable types of interaction between ethnic groups.

Keywords: Murmansk Railway, 1915–1916, social system, social structure, actor, ethnic groups

Acknowledgements. The study was conducted as part of the project No 0226-2019-0066 “Sociocultural, scientific and technical development of the northwestern part of the Arctic Zone of the Russian Federation in the XIX–XX centuries: historical and anthropological perspectives”.

For citation: Zmeeva, O. V. Social order on Murmansk Railway. Part 1. Ethnic groups – social system actors. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):70–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.695

REFERENCES

1. A g a m i r z o e v, K. M. The way to the North: a historical essay. Petrozavodsk, 2008. 156 p. (In Russ.)
2. B a l a g u r o v, Ya. A. The workers of the Murmansk Railway between 1915 and early 1917 (The history of permanent workforce formation). *The 50th anniversary of Soviet Karelia*. Petrozavodsk, 1970. P. 198–213. (In Russ.)
3. G o l u b e v, A. A. Murmansk Railway. History of construction (1894–1917). St. Petersburg, 2011. 205 p. (In Russ.)
4. D u b r o v s k a y a, E. Yu. “Before” and “now”: changes of 1917 through the eyes of the builders of the Murmansk Railway. *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Research*. 2019;1(7-17):22–39. (In Russ.)
5. D u b r o v s k a y a, E. Yu. Socio-economic space of the Murmansk Railway: builders of the railroad and the population of adjacent territories during the First World War. *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Research*. 2020;11(1-18):24–43. (In Russ.)
6. D u b r o v s k a y a, E. Yu., K o r a b l e v, N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
7. Z m e e v a, O. V. Murmansk Railway: organization and transformation of social order. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;6(183):107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.379 (In Russ.)

8. Z m e e v a , O . V . Guards of the Murmansk Railway: regulation of relations and the formation of an ethno-social order (1915–1916). *Proceedings of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Research*. 2019;10(2-16):53–67. (In Russ.)
9. K o r a b l e v , N . A . , D u b r o v s k a y a , E . Y u . The impact of the First World War on the socio-economic life of the population of Karelia. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2015;8:28–38. (In Russ.)
10. N a c h t i g a l , R . Murmansk Railway (1915–1919): military necessity and economic considerations. St. Petersburg, 2011. 320 p. (In Russ)
11. N a c h t i g a l , R . Murmansk Railway in the plans of the participating countries of the First World War. *Proceedings of the international research conference “World War I and the European North of Russia”*. Arkhangelsk, 2014. P. 240–247. (In Russ)
12. P a r s o n s , T . The structure of social action. Moscow, 2018. 435 p. (In Russ.)
13. P a r s o n s , T . The social system. Moscow, 2018. 530 p. (In Russ.)
14. T r o s h i n a , T . I . “Yellow labor” in the European North. Involvement of Chinese workers in the construction of the Murmansk railway and port. *Proceedings of the international research and practice conference “Murmansk in the History of Russian Statehood”*. Yekaterinburg, 2016. P. 156–161. (In Russ.)
15. T r o s h i n a , T . I . Highlanders in the European North of Russia during the “Long War” of 1914–1920. *Proceedings of the international research conference “The Cossacks and the Highlanders during the First World War”*. Rostov-on-Don, 2014. P. 160–164. (In Russ.)
16. F y o d o r o v , P . V . The northern vector in Russian history: the center and the Kola Polar Region between the XVI and the XX centuries. Murmansk, 2009. 388 p. (In Russ.)
17. H o d y a k o v , M . V . , C h z h a o , C h . Chinese labor migration to Russia during the First World War. *Modern History of Russia*. 2017;1:7–30. (In Russ.)
18. Y a r m o l i c h , F . K . Chinese diaspora in the Kola North in the 1920s: demographic characteristics. *Living in the North: challenge to extreme environment*. Murmansk, 2005. P. 36–39. (In Russ.)
19. N a c h t i g a l , R . Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914 bis 1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt/Main, 2005. P. 109–114.
20. N a c h t i g a l , R . Privilegiensystem und Zwangs-rekrutierung: Russische Nationalitätenpolitik gegenüber Kriegsgefangenen aus Öster-reich-Ungarn. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkrieges* (Jochen Oltmer, Ed.). Paderborn, 2005. P. 167–193.
21. P a r s o n s , T . Order as a social problem. *The concept of order*. (P. G. Kuntz, Ed.). Seattle, 1968. P. 373–384.
22. P a r s o n s , T . Social structure and personality. Illinois, 1963. 376 p.
23. P a r s o n s , T . The role of ideas in social action. *American Sociological Review*. 1938;3:13–20.
24. P a r s o n s , T . The social system. Illinois, 1951. 575 p.
25. P a r s o n s , T . The structure of social action. New York, 1937. 775 p.

Received: 23 July, 2021; accepted: 3 September, 2021

ЭЛЬВИРА АЛЕКСАНДРОВНА ДЖИОШВИЛИ

аспирант сектора этнологии Института языка, литературы
и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8933-1740; elvira-260893@yandex.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ А. М. ЛИНЕВСКОГО В КАРЕЛЬСКОЕ ПОМОРЬЕ

А н н о т а ц и я . Александр Михайлович Линеvский был одним из первых профессиональных этнографов в Республике Карелия. Цель статьи – анализ архивных материалов двух этнографических экспедиций А. М. Линеvского: на территорию центральной и северной Карелии в 1926 году (Сорокский, Тунгудский, Сегозерский и Ругозерский районы) и в поморские села Гридино и Калгалакша в 1944 году. Исследуются полевые записи, дневники, рукописи статей ученого из фондов Научного архива Карельского научного центра РАН и Национального архива Республики Карелия. Во время экспедиции 1926 года А. М. Линеvским был собран значительный корпус сведений по обычному праву, различным аспектам духовной культуры карелов. Материалы второй экспедиции содержат обширные данные о повседневной жизни поморских поселений 1940-х годов, изменениях в организации труда и быта в отдаленных селах на прифронтовой территории в годы Великой Отечественной войны. Многие полевые материалы данных экспедиций по разным причинам не были введены в научный оборот и являются важным источником как по традиционной культуре карелов и поморов, так и специфике повседневной жизни населения Карельского Поморья в военное время.

К л ю ч е в ы е с л о в а : А. М. Линеvский, этнография Карелии, этнографические экспедиции, карелы, поморы
Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН № 121070700119-5.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Джиошвили Э. А. Этнографические экспедиции А. М. Линеvского в Карельское Поморье // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 79–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.696

ВВЕДЕНИЕ

Александр Михайлович Линеvский (1902–1985) известен научному сообществу как первооткрыватель и исследователь группы беломорских петроглифов, археолог, писатель. О жизни и научной деятельности А. М. Линеvского писали А. М. Левитина [4], Ю. В. Линник [5], Ю. А. Савватеев [9], С. Н. Филимончик [13], А. Д. Столяр [10], К. В. Шафранская [15], М. М. Шахнович [16]. Цель данной статьи – подробнее остановиться на этнографических исследованиях А. М. Линеvского, представив материалы двух экспедиций ученого 1926 и 1944 годов, сохранившиеся в фондах Научного архива Карельского научного центра РАН и Национального архива Республики Карелия. Источниками послужили полевые записи, дневники, отчеты экспедиций и рукописи статей исследователя.

А. М. Линеvский был одним из первых профессиональных этнографов в Карелии.

Он окончил этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета, которым руководили выдающиеся ученые Л. Я. Штернберг (1861–1927) и В. Г. Богораз (1885–1936)¹. Подготовка будущих этнографов велась по комплексной программе, включавшей разнообразные науки – от геологии и биологии до лингвистики [1: 130]. Обязательной частью обучения являлись учебно-исследовательские экскурсии в различные регионы страны². Студенты не менее одного триместра проводили в «поле» одни, без руководителя, по заранее разработанному маршруту. На требование органов образования о необходимости проведения практики вместе с руководителем В. Г. Богораз отвечал, что:

«этнографические исследования не могут вестись группами, а только индивидуально, отдельными лицами, потому что этнографу приходится иметь дело с живыми людьми, с которыми необходимо установить предварительно личные, проникнутые доверием

и симпатией, отношения. Появление группы лиц, да еще во главе с руководителем, который стал бы обучать, как производить изучение населения, привело бы к самым печальным результатам. В лучшем случае такая экскурсия превратилась бы в увеселительную прогулку» (цит. по [1: 132–133]).

На первом курсе в 1924 году А. М. Линевского на пять месяцев отправили в Чувашию, где он собирал этнографические материалы и фольклор, проводил археологические работы, устраивал просветительские лекции, создавал первичные краеведческие организации [8]. В связи с партийным лозунгом того времени – «лицом к деревне» – студентов ориентировали на изучение «современного быта... и тех бытовых явлений, которые вымирают безвозвратно или принимают совершенно иную форму»³ в быстро меняющихся условиях жизни. По итогам экспедиции в Чувашию вышли первые статьи А. М. Линевского⁴.

В своих учениках В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг видели не только исследователей языков и традиционной культуры, но и просветителей, организаторов новой жизни на местах. По мнению Н. Б. Вахтина, на таких исследовательских позициях шло строительство этнографической школы в Петрограде – Ленинграде [1: 126].

ЭКСПЕДИЦИЯ В КАРЕЛИЮ 1926 ГОДА

Экспедиция студентов этнографического отделения геофака ЛГУ в Карелию состоялась волей случая: средства правительства Карелии, предназначенные сотруднику этнографического отдела Русского музея профессору Д. А. Золотареву для продолжения экспедиционной работы в Карелии, по ошибке перевели географическому факультету ЛГУ [9: 98–99], [16: 59]. Для урегулирования тяжбы с Д. А. Золотаревым руководство университета командировало А. М. Линевского в Петрозаводск, где он сумел убедить руководство республики выделить часть средств на финансирование студенческой экспедиции [12: 16]. Полагают, что на данное решение повлиял и состав членов экспедиции: в нее входили тверские карелы В. С. Дубов и И. Любимов, вепс С. А. Маркарьев [9: 99]. В них, очевидно, видели будущих специалистов для работы в Карелии. Тем более что Д. А. Золотареву обещанные средства на экспедицию в Карелию в 1926 году правительством республики также были выделены⁵.

Экспедиция продлилась с июня по ноябрь 1926 года и охватила значительную территорию Карелии. А. М. Линевский работал в Паданской и Ругозерской волостях Паданского уезда, в Сорокской, Тунгудской и Летнеконечской волостях Кемского уезда. По современному административно-территориальному делению эти местности

относятся к Муезерскому, Медвежьегорскому, Сегежскому и Беломорскому районам.

В настоящей статье названия населенных пунктов даны в соответствии со Списком населенных мест Карельской АССР, составленным по итогам переписи 1926 года⁶. Написание названий в полевых дневниках и статьях А. М. Линевского может незначительно отличаться от современных, к примеру: Нотта-варака (А. М. Линевский) – Ноттаварака (Список населенных мест Карельской АССР 1926 года), однако это не создает трудностей для идентификации населенных пунктов.

Полевые дневники исследователя в настоящее время хранятся в Научном архиве КарНЦ⁷. По итогам экспедиции он сделал ряд публикаций⁸, а десять лет спустя обобщил данные в обширной статье «Материалы по этнографии и обычному праву карел Сегозерского района» в Археолого-этнографическом сборнике Карельского научно-исследовательского института⁹. Сборник не был опубликован и хранится в Научном архиве КарНЦ в единственном экземпляре.

Во время экспедиции А. М. Линевский собрал ценные сведения об обычаях, обрядах и верованиях, бытовавших среди карелов в 20-х годах XX века. В частности, ему удалось получить весьма обстоятельный материал по пастушеским обрядам в поселениях Шуезеро, Тораварака, Ноттаварака и Зимняя-варака Летнеконечской волости (в настоящее время эта территория входит в состав Беломорского района). Местность была выбрана не случайно: исследователь отмечал, что Летнеконечская волость прежде славилась пастухами-колдунами, которые зарабатывали деньги обходом многих селений (в частности, русского Беломорья) для совершения обряда отпуска. Он собрал информацию о сакральных предметах для пастуха – батоге, рожке и топоре, поведенческих запретах пастухов; составил описание обряда пастушьего отпуска; записал четыре заклинания отпуска. Как отмечал автор,

«мне посчастливилось... собрать в достаточной степени полный материал о пастушестве. То, что 50 лет назад скрывалось как тайна от православного попа, теперь удалось получить без особо больших затруднений. Причина успеха очень проста – в 1926 году последние пастухи были еще живы, но очень дряхлы. Институт колдовского пастушества доживал свои последние дни и старикам не было надобности скрывать то, что сделалось для них бесполезным»¹⁰.

В Тунгудском (Голодная варака, Шуезеро), Сегозерском (Юккогуба, Тухка-ваара, Лазарево) и Ругозерском (Ондозеро) районах была получена информация о поведенческих запретах охотников, обрядах договора с лешим. Вместе с этим

А. М. Линевский с сожалением писал, что весьма сложно реконструировать формы организации и нормы охотничьего промысла:

«Многое, что можно было бы собрать, за последние 10 лет навсегда и бесследно исчезло только потому, что этнография вычеркивается из тематики работ карельских научных организаций. Вот почему мы не имеем никаких представлений о структуре охотничьих артелей, соотношении между собой членов, о формах их охотничьего кодекса»¹¹.

Сведения о разнообразных аспектах духовной культуры карелов были собраны А. М. Линевским преимущественно в Сегозерском (поселения Гонги-наволоок, Лютта, Лазарево, Пелкулы, Чия-салма, Кузнаволоок, Юккогуба, Паданы, Сондалы, Тухка-ваара, Сельги) и Ругозерском (Ондозеро, Ругозеро, Большая Тикша) районах. Исследователь записал некоторые обычаи, связанные с земледельческими работами, посевом ржи и жатвой; пространством и границами жилых и хозяйственных помещений; нормами поведения в хозяйственных постройках (хлев, баня, рига). Были получены сведения о взаимодействии с миром животных, представлениях о диких и домашних животных, свидетельства особого отношения к медведю, щуке, лебедю. Записаны представления о человеческой душе и духах, населяющих окружающий мир (леших, водяных, различных представителях низшей мифологии), рассказы о колдунах, примеры колдовских заговоров, описания способов предохранения от порчи и нежелательных событий. Собраны интересные сведения о гаданиях в зимний и летний периоды, любовной магии и свадебной обрядности; материал о способах родовспоможения и лечения детских болезней, некоторых магических способах избавления от болезней животных. А. М. Линевский обращал внимание, что у карелов бытовало отношение к болезни как к порче, «пришедшей извне», вследствие чего особое развитие получила лечебная магия.

Ученый собрал также сведения об отношении карелов к умершим предкам. В дер. Большая Тикша (Ругозерский район) сохранились свидетельства о культе легендарного предка Ивана Рокаччу, полумифического героя шведских войн [2: 154]. В конце XVI – начале XVII века многие северокарельские деревни подвергались разорению со стороны шведов. По преданию, Иван Рокаччу был предводителем отряда карельских крестьян, прославился среди односельчан силой и храбростью. А. М. Линевский приводит описание локальных обычаев, связанных с культом Рокаччу и сохранившихся до 1926 года: местные жители обращались с просьбами о помощи, оставляя взамен деньги,

куски ткани, пищу; при отъезде из родной деревни брали с собой могильную землю; приходили решать споры на могильный холм. Он отмечал сохранение элементов культа предков у карелов, что выражалось одновременно в боязни и почитании умерших родственников.

Исследователю удалось собрать обширный материал по обычному праву и взаимоотношениям между членами большой семьи. Он описал особенности статуса хозяина и хозяйки, их права и обязанности; положение в семье представителей старшего поколения, молодежи, женщин, вдов; права наследования имущества в большой семье, особенности наследования имущества незаконнорожденными, усыновленными и принятыми в семью (приемными детьми, сиротами, зятьями); выделение имущества солдату после возвращения со службы. Эти сведения были собраны в Сегозерском и Ругозерском районах, однако А. М. Линевский сообщал, что они бытуют также в Сорокском и Тунгудском районах.

Во время пребывания в окрестностях Сороки произошло событие, которое во многом определило дальнейшее направление исследовательской работы ученого и его неугасающий интерес к истории Карельского Поморья, – открытие им для науки скопления петроглифов на о. Шойрукшин реки Выг [16: 60–61]. Как позднее писал А. М. Линевский,

«эта находка навсегда прикрепила меня к Карельскому Поморью. Она определила и необходимые для расшифровки дисциплины: археологию, историю, этнографию, а также фольклор северных племен»¹².

Однако, изучая его полевые дневники и написанные на их основе статьи, нельзя не отметить значительный объем материала по различным сюжетам материальной, духовной и соционормативной культуры карелов 20-х годов XX века, который ему удалось собрать за неполные шесть месяцев работы в поле. Весьма успешными были итоги экспедиции и для С. А. Макарьева, который собирал материал среди прионежских вепсов и впоследствии опубликовал несколько статей¹³. О работе остальных двух участников экспедиции, И. Любимова и В. С. Дубова, информации обнаружить не удалось. Известно, что впоследствии В. С. Дубов стал научным сотрудником Института языка и мышления имени Н. Я. Марра, руководил Ижорской лингвистической экспедицией 1931 года, принимал участие в подготовке первого букваря для ижорских школ [14: 637].

После защиты дипломной работы по петроглифам Карелии А. М. Линевский принял пред-

ложение своего друга и коллеги по экспедиции С. А. Макарьева о работе в Карельском государственном краеведческом музее. К тому времени С. А. Макарьев занял должность заведующего музеем по приглашению руководства республики. Таким образом, итогом студенческой экспедиции 1926 года стало в том числе и появление в Карелии первых профессиональных этнографов.

В Карельском государственном музее А. М. Линевский работал с 1929 по 1930 год, затем устроился на работу в Центральное архивное управление АКССР. В должности инспектора архивного управления он много раз выезжал в районы с целью пополнения архивных фондов. Позже исследователь писал:

«Нарочно поступив в Госархив инспектором по районам, удалось объехать Беломорье от Нюхчи до Кандалакши, все Заонежье и западную часть Олонецкого района. Это позволило сделать немалые этнографические записи, в основном об уходящей в небытие Старой Олонии. Этнографические материалы, собираемые мною с 1926 г., приобретают большое значение по той причине, что кроме двух по месяцу экспедиций Академии наук, за истекшее 20-летие никто, кроме меня, не занимался этим делом»¹⁴.

ЭКСПЕДИЦИЯ 1944 ГОДА В ГРИДИНО И КАЛГАЛАКШУ

С 1933 года А. М. Линевский работал в КНИИ¹⁵, где получил возможность продолжить работу по изучению петроглифов. Фокус исследований сместился в сторону изучения древней истории Карелии¹⁶. Однако обстоятельства заставили ученого вновь обратиться к этнографическому полю. С началом войны сотрудники КНИИК были эвакуированы в Сыктывкар (Коми АССР), в 1943 году работа института возобновилась в Беломорске [11: 16], где в период оккупации Петрозаводска находился штаб Карельского фронта и правительство республики [3: 42]. Сотрудники КНИИК в основном занимались записью рассказов участников партизанского движения. Помимо этой работы А. М. Линевский получил задание собрать материалы по исследовательской теме «Тыл – фронту» для изучения условий труда и жизни населения прифронтовой полосы. С этой целью в 1944 году с 16 февраля по 26 марта была организована экспедиция в поморские села Гридино и Калгалакша.

Изначально планировалось провести два месяца в Гридино и Нюхче. Уже в начале экспедиции А. М. Линевский скорректировал маршрут, решив, что необходимо

«кроме села Гридино, изучить село Калгалакшу, как весьма существенное дополнение. Сопоставляя эти

соседние колхозы между собой, мы получаем более точные и более обширные выводы»¹⁷.

Экспедиционные материалы исследователя хранятся в научном архиве Карельского научного центра РАН и составляют 8 дел¹⁸, отчет об экспедиции выявлен в Национальном архиве Республики Карелия¹⁹.

Гридино и Калгалакша расположены на западном побережье Белого моря на расстоянии примерно 20 км друг от друга, довольно изолированно от других поморских сел. Первое упоминание о Гридино относится к 1635 году [6: 169], Калгалакша также известна с XVII века. Основными занятиями местного населения, влияющими на все остальные отрасли комплексного крестьянского хозяйства, были рыболовство и промысел морского зверя. Традиционным для данной местности было оленеводство. А. М. Линевский упоминал в отчете, что от железнодорожной станции до Калгалакши добирался на оленьей упряжке, присланной с почтой. Из-за сложных материальных условий жизни в прифронтовой полосе, как отметил исследователь, участились случаи краж и убоя оленей, который за время войны

«сделался своего рода промыслом. Приказчик М. Р. С. по с. Калгалакше уверял, что... оленья стадо (колхозное и индивидуальное) сократилось на 2/3 из-за хищнического убоя»²⁰.

А. М. Линевский весьма живописно описал местный ландшафт:

«Постройки Гридино лепятся по скалам и потому в некоторых местах улица представляет деревянный мост между двумя каменными выступами. Усадебные участки небольшие... покато́й площади, на которые из года в год заботливые хозяева натаскивают свежую землю. Гридяне живут в районе, где нет рек, пресную воду добывают только из двух источников. В ином положении население Калгалакши. Огородные участки находятся... на ровной площади и не требуют такой обработки. Селение расположено в устье речки, отсюда возможность зимой промыслять навагу, в залив заходит сельдь, камбала и прочая рыба. ...Они могут круглый год заниматься рыбной ловлей. Гридино лишь в одном имеет преимущество перед Калгалакшей: зимою его район более удобен для промысла на морского зверя – тюленя, нерпы и гренландского зайца. Но зато острова в районе Калгалакши удобнее летом, когда зверь выходит на места, покрытые камнями»²¹.

В годы войны в прежде относительно однородной среде колхозного крестьянства появились новые социальные группы: эвакуированные из соседних регионов и оккупированных районов Карелии; семьи солдат, призванных на фронт; семьи демобилизованных по причине увечья фронтовиков. Исследователь стремился включить их в круг информантов наряду с представителями

профессий в сфере морских промыслов, местной власти и сельской интеллигенции. Всего по двум селам были записаны 34 беседы. Помимо этого А. М. Линецкий организовал создание «рукописей» жителями сел, считая, что такие записи сами по себе представляют ценный источник. Для этого он обращался к местной интеллигенции и тем, кто был достаточно грамотным, чтобы самостоятельно записать свою автобиографию. Так как авторы рукописей в основном прежде не имели подобного опыта, то ученый предварительно встречался с каждым, беседовал, задавал вопросы и стремился пробудить интерес своих собеседников к написанию рассказов. Эта работа отнимала много времени –

«обычно они оттягивали до самого последнего, иной раз начатая работа не удовлетворяла самого автора, и он уничтожал написанное, начинались длительные уговоры»²².

В итоге по завершении экспедиции было получено 15 рукописей. Кроме того, А. М. Линецкий собирал копии и оригиналы документов о деятельности рыбацких колхозов.

Материалы о хозяйстве поселений в годы войны сгруппированы в три дела. В деле № 785 собраны копии и оригиналы документов о деятельности рыбацких колхозов: протоколы собраний, постановления, доклады о результатах работы, данные по объемам улова, письма фронтовиков с просьбами о помощи своим семьям. Дело № 786 содержит коллекцию записей бесед с представителями местной власти и сельской интеллигенции, «знаменитыми рыбаками» колхозов «Победа» (Гридино) и «12-я годовщина Октября» (Калгалакша). В них содержатся сведения об организации коллективного труда в годы войны, увеличении роли женщин в выполнении всех видов хозяйственных работ, инициативах по оказанию помощи фронту. Здесь же представлены заметки о повседневной жизни поморских сел, полученные от представителей местной сельской интеллигенции. Избач В. А. Князева, направленная на работу в Гридино, в своей рукописи под названием «Впечатления приезжего» обращает внимание на расположение домов, обстановку, одежду, традиционную кухню, занятия, говор и черты характера. В записи фельдшера из Калгалакши М. П. Капецкой представлены местные методы самоврачевания и описание похоронного обряда. В деле № 787 собраны записи рассказов рыбаков и зверобоев – 18 мужчин и 3 женщин. Обширные записи получены от Р. Н. Бутакова (1906 г. р.)²³ и А. Д. Мехнина (1889 г. р.). В них, помимо описаний трудовой деятельности колхозов, содержатся сведения этнографического характера – промысловые на-

блюдения, приметы, сведения о промысловом календаре, повадках морских зверей (гренландского тюленя, нерпы, морского зайца, белухи). Информация о работе женского звена в рыбацком колхозе наиболее полно представлена в беседе с Р. В. Ефремовой (1928 г. р.).

В отчете А. М. Линецкий описал изменения в организации трудовой деятельности в военные годы, вызванные необходимостью увеличения объемов добычи морских ресурсов: новые способы ловли, изменение сроков выезда в Баренцево море. Обычно рыбаки из Гридино отправлялись на промысел в Баренцево море к тоням у Восточной Лицы с середины – конца мая, после «егорьевского» лова сельди в Кандалакшской губе, который начинался с 6 мая, дня почтения Святого Георгия (Егория Вешнего), и продолжался 2–3 недели [6: 175]. В 1944 году рыбаки отправились на промысел в конце марта. Исследователь отмечает участие женщин в выполнении всех видов хозяйственных работ. По данным за 1943 год, в гридинском колхозе «Победа» в рыбном промысле было задействовано 37 человек, из них 16 женщин. Женщины становились звеньевыми в колхозных работах и на рыбном промысле, весьма успешно руководя работой своих трудовых коллективов.

Вместе с тем в отчете, не предназначенном для публикации, А. М. Линецкий писал, что многие женщины, оставшиеся без мужей, находились в подавленном состоянии, ожидая помощи от государства и односельчан. В ряде семейств дети были на грани крайнего истощения. Исследователь упоминал инициативы жителей сел по оказанию помощи семьям солдат²⁴, но вместе с тем признавал их недостаточными из-за отсутствия постоянной поддержки «домохозяек, которые проявляют явную беспомощность в самостоятельном хозяйствовании». В бедственном положении в Гридино и Калгалакше также находились и эвакуированные, которые не были устроены на работу и перебивались случайными заработками на вязании шапок и платков из гагачьего пуха. Трудности повседневной жизни людей в военные годы отражены в рассказах женщин, чьи мужья ушли на фронт; солдат, вернувшихся домой после ранений; письмах эвакуированных из северо-западных районов Карело-Финской ССР. Эти материалы составили два дела (№ 788 и 789).

Попутно со сбором сведений по изучению условий труда и жизни местного населения А. М. Линецкий записал более 300 частушек, две песни и два причитания. Анализ данной коллекции поморских частушек военного времени представлен в статье Е. В. Марковской [7].

Материалы экспедиции А. М. Линевского 1944 года не были в полной мере использованы им в исследовательской работе, остались неопубликованными и недоступными широкому читателю. Вместе с тем они представляют собой редкие этнографические сведения о повседневной жизни поморских поселений в 1940-е годы, свидетельства об изменениях в структуре организации труда и быта в отдаленных селах прифронтовой территории в годы Великой Отечественной войны. Собранные в экспедиции автобиографические рассказы эвакуированных, членов семей солдат, сельской интеллигенции являются значимыми источниками для изучения восприятия человеком военных и политических событий, личных переживаний, связанных с тяготами войны и потерей близких.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ материалов экспедиционных поездок А. М. Линевского 1926 и 1944 годов в Карельское Поморье показывает, что они могут служить ис-

точниками как для этнографических исследований разных этнических групп Карелии, так и для характеристики повседневной жизни населения республики в сложные военные годы. В силу политических обстоятельств того времени А. М. Линевский не мог полностью отразить их в своих научных и художественных произведениях. Только незначительная часть данных материалов была использована в работах других исследователей. Высказанное в статье Ю. А. Савватеева предложение о подготовке к изданию сборника материалов и документов о А. М. Линевском приобретает особую актуальность в преддверии 100-летнего юбилея со дня рождения ученого, который будет отмечаться в 2022 году. Публикация наиболее интересных материалов полевых исследований А. М. Линевского значительно пополнит базу источников для изучения истории и традиционной культуры поморов и карелов, а также истории Карелии в 20–40-е годы XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Имена Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза открывают список из двадцати выдающихся отечественных этнографов и антропологов XX века (см.: Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. 715 с.). В. Г. Богораз известен также как Богораз-Тан, Тан-Богораз. Подробнее об этом см.: Михайлова Е. А. Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Сост. Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 95–136.
- ² Золотарев Д. А. Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография. 1926. № 1–2. С. 50.
- ³ Там же. С. 46.
- ⁴ Линевский А. М. Революция и чуваша // Обновленная деревня. Л., 1925. С. 120–137; Он же. Комсомол Чувашии // Комсомол в деревне. М.; Л., 1926. С. 158–169.
- ⁵ Золотарев Д. А. Изучение Карельской Республики с 1920 по 1930 год // Красная Карелия. 1930. 23 июля. С. 6.
- ⁶ Список населенных мест Карельской АССР: по материалам Переписи 1926 г. Петрозаводск: Статистическое управление, 1928. 159 с.
- ⁷ Научный архив КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН). Ф. 26. Оп. 1. Д. 1–6.
- ⁸ Линевский А. М. Материалы о пастушестве в Карелии // Этнограф-исследователь. 1928. № 2–3. С. 41–45; Линевский А. М. Морской и озерно-речной промыслы в древней Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1929. № 3. С. 108–122; Линевский А. М. Об охотничьих суевериях // Охотник. 1929. № 3. С. 30–31.
- ⁹ Линевский А. М. Материалы по этнографии и обычному праву карел Сегозерского района // Археолого-этнографический сборник, 1936–1937. Петрозаводск, КНИИ. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. Д. 237. Л. 169–240.
- ¹⁰ Там же. Л. 170.
- ¹¹ Там же. Л. 205.
- ¹² Линевский А. М. Страницы минувшего // Север. 1987. № 4. С. 79.
- ¹³ Макарьев С. А. Расселение вепсов в Прионежском районе // Этнограф-исследователь. 1927. № 1. С. 10–11; Он же. У прионежских вепсов // Экономика и статистика Карелии. 1927. № 4–6. С. 50–74; Он же. Этнографическая работа среди вепсов после революции // Этнография. 1927. Кн. 3. № 1. С. 196–200.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-3262. Оп. 1. Д. 731. Л. 3–4.
- ¹⁵ Впервые организован в 1930 году как Карельский научно-исследовательский институт, в 1937 году преобразован в Карельский научно-исследовательский институт культуры, а после войны – в Институт языка, литературы и истории. См.: Академическая наука в Карелии: 1946–2006. Т. 1. М.: Наука, 2006. С. 20, 33.
- ¹⁶ А. М. Линевский опубликовал долгожданную монографию «Петроглифы Карелии» (1939), «Очерки по истории древней Карелии» (1940), подготовил раздел о карелах в сборник статей «Советская этнография» (1941).
- ¹⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Д. 784–791.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 99.
- ²⁰ Там же. Л. 22.

²¹ Там же. Л. 4.

²² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 37. Д. 784. Л. 2.

²³ Запись рассказа Р. Н. Бутакова опубликована в статье К. К. Логинова [6].

²⁴ «Из отчета за июль – декабрь 1943 года по гридинскому колхозу “Победа” известно, что проведен субботник и заготовлено 50 куб. метров дров для красноармейских семейств, распилено четырем семьям 53 куб. метра, отремонтировано 27 саней и 10 пар обуви, сложена одна печь. 20 красноармейским семьям дано на 600 р. промтоварных талонов, выдано 25 кг крупы, 40 кг ягод, дано 100 метров мануфактуры и 10 пар обуви, и ряд других вещей, в том числе пуховых платков». НА РК. Ф. Р-3262. Оп. 2. Д. 99. Л. 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахтин Н. Б. «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.
2. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
3. Копанев В. Н. Эвакуация органов власти Карелии в 1941 году // Карельский фронт и Советская Карелия в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей междунар. научно-практ. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 37–45.
4. Левитина А. М. А. М. Линевский: Критико-биографический очерк / Ред. В. М. Иванов. Петрозаводск: Карелия, 1973. 144 с.
5. Линник Ю. В. Время (к 75-летию А. М. Линевского) // Север. 1977. № 4. С. 113–117.
6. Логинов К. К. Историко-этнографические особенности поморского села Гридино: прошлое и современность // Скальные ландшафты Карельского побережья Белого моря: природные особенности, хозяйственное освоение, меры по сохранению. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 168–190.
7. Марковская Е. В. Поморские частушки военного времени в записях А. М. Линевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 7 (184). С. 62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.387
8. Михайлов Е. П. Забытый исследователь чувашей // Чувашский национальный музей. Люди. События. Факты (2001): Альманах. Чебоксары: Чувашский национальный музей, 2001. С. 81–84.
9. Савватеев Ю. А. В поисках достоверности: о жизни и деятельности А. М. Линевского // Север. 2010. № 7–8. С. 94–107.
10. Столяр А. Д. Перечитывая «Петроглифы Карелии» Александра Михайловича Линевского // Вестник краеведческого музея: Сб. науч. трудов. Вып. 2. Петрозаводск, 1994. С. 3–10.
11. Титов А. Ф., Савватеев Ю. А. Карельский научный центр Российской академии наук: история и современность (краткий очерк). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. 158 с.
12. Филимончик С. Н. Изучение вепсов в Карелии в 1920–1930 годы // Вепсы и их этнокультурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лониной): Материалы первой межрегиональной краеведческой конференции «Лонинские чтения», с. Шелтозеро, 22 сентября 2010 года. Петрозаводск, 2011. С. 15–26.
13. Филимончик С. Н. Музейное строительство в Карелии в конце 1920-х–1930-е годы // Румянцевские чтения 2018. Библиотеки и музеи как культурные и научные центры: Историческая ретроспектива и взгляд в будущее / Сост. Е. А. Иванова. М.: Пашков дом, 2018. С. 197–202.
14. Чумакова Т. В. Исследователи народной религиозности: Я. Я. Ленсу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 636–650. DOI: 10.21638/spbu17.2018.415
15. Шафранская К. В. Литературный кружок А. М. Линевского (1929–1930 гг.) // Краеведческие чтения: Материалы II науч. конф. Петрозаводск: Научная библиотека Республики Карелия, 2009. С. 7–9.
16. Шахнович М. М. Александр Линевский и петроглифы Карелии: хроника 1926–1929 годов // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2020. № 5 (45). С. 58–68.

Поступила в редакцию 22.01.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Elvira A. Dzhioshvili, Postgraduate Student, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-8933-1740; elvira-260893@yandex.ru

ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS OF ALEXANDER LINEVSKY IN KARELIAN POMORIE

Abstract. Alexander Mikhailovich Linevsky was one of the first professional ethnographers in the Republic of Karelia. The article analyzes the archival materials of two ethnographic expeditions conducted by Linevsky – in the territory of central and northern Karelia in 1926 (Soroksky, Tungudsky, Segozersky and Rugozersky districts) and to the Pomor settlements Gridino and Kalgalaksha in 1944. The materials include field notes, diaries and manuscripts of

the researcher's articles from the Scientific Archives of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences and the National Archives of the Republic of Karelia. During the 1926 expedition, Linevsky collected a significant amount of information about customary law and various aspects of the spiritual culture of the Karelians. The materials of the second expedition contain extensive data on the daily life of the Pomor villages in the 1940s, and changes in the working and living conditions in remote settlements located in the frontline area during the Great Patriotic War. For various reasons many materials of these expeditions have not been introduced to academic community, but are seen as an important source for studying the traditional culture of the Karelians and Pomors, as well as the life of the local population of Karelian Pomorie during the war.

Key words: Alexander Linevsky, ethnography of Karelia, ethnographic expeditions, Karelians, Pomors

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state project No 121070700119-5 assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Dzhioshvili, E. A. Ethnographic expeditions of Alexander Linevsky in Karelian Pomorie. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):79–86. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.696

REFERENCES

1. Vakhtin, N. B. Bogoras's Project: The quest for fire. *Forum for Anthropology and Culture*. 2016;29:125–141. (In Russ.)
2. Konkka, A. Karsikko: "tree signs" in ritual practice and faith of the Baltic Finns. Petrozavodsk, 2013. 286 p. (In Russ.)
3. Kopanov, V. N. Evacuation of the authorities of Karelia in 1941. *Karelian front and Soviet Karelia during the Great Patriotic War*. Petrozavodsk, 2015. P. 37–45. (In Russ.)
4. Levitina, A. M. A. M. Linevsky: Critical and biographical essay. (V. M. Ivanov, Ed.). Petrozavodsk, 1973. 144 p. (In Russ.)
5. Linnik, Yu. V. Time (commemorating the 75th birthday anniversary of A. M. Linevsky). *The North*. 1977;4:113–117. (In Russ.)
6. Loginov, K. K. Historical and ethnographic characteristics of the Pomor village of Gridino: the past and the present. *Rupestrian landscapes of the White Sea Karelian coast: natural characteristics, economic utilization, conservation*. Petrozavodsk, 2008. P. 168–190. (In Russ.)
7. Markovskaya, E. V. Pomor chastushkas of the wartime recorded by A. M. Linevsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;7(184):62–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.387 (In Russ.)
8. Mikhailov, E. P. Forgotten researcher of the Chuvash. *Chuvash National Museum. People. Events. Facts: Almanac*. Cheboksary, 2001. P. 81–84. (In Russ.)
9. Savvateev, Yu. A. In search of authenticity: the life and work of A. M. Linevsky. *The North*. 2010;7–8:94–107. (In Russ.)
10. Stolyar, A. D. Rereading *Petroglyphs of Karelia* by Alexander Mikhailovich Linevsky. *Vestnik of the National Museum: Collection of research articles*. Issue 2. Petrozavodsk, 1994. P. 3–10. (In Russ.)
11. Titov, A. F., Savvateev, Yu. A. Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences: history and modern times. Petrozavodsk, 2006. 158 p.
12. Filimonchik, S. N. Study of the Veps in Karelia in the late 1920s and the 1930s. *The Veps and their ethnical and cultural heritage: connection between times (in memory of R. P. Lonin): Proceedings of the I interregional local history conference "Lonin Readings", September 22, 2010*. Petrozavodsk, 2011. P. 15–26. (In Russ.)
13. Filimonchik, S. N. Museum building in Karelia in the late 1920s and the 1930s. *2018 Rumyantsev Readings. Libraries and museums as cultural and research centers: Historical retrospective and look to the future*. (E. A. Ivanova, Comp.). Moscow, 2018. P. 197–202. (In Russ.)
14. Chumakova, T. V. Researchers of popular religiosity: J. J. Lensu. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 2018;34(4):636–650. DOI: 10.21638/spbu17.2018.415 (In Russ.)
15. Shafranskaya, K. V. A. M. Linevsky's literary circle (1929–1930). *Local History Readings: Proceedings of the II research conference*. Petrozavodsk, 2009. P. 7–10. (In Russ.)
16. Shakhnovich, M. M. Alexander Linevsky and petroglyphs of Karelia: chronicle of 1926–1929. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*. 2020;5(45):58–68. DOI: 10.19110/1994-5655-2020-5-58-68 (In Russ.)

Received: 22 January, 2021; accepted: 28 June, 2021

Дискуссии

От редакции. Статья И. В. Савицкого и В. В. Ефимовой объединяет так называемый «случай Лазарева», но авторы дают разные версии конфликта, произошедшего в 1862 году в Олонецкой губернской администрации. Главное в статье И. В. Савицкого – интересные обобщающие выводы о специфике и пределах применения коммуникативного подхода в сугубо историческом исследовании. В. В. Ефимова в своей работе создает своеобразную «энциклопедию провинциальной службы» применительно к 1862 году. Читателю предоставляется возможность посмотреть на одно и то же событие с разных точек зрения и самому решить, чей подход для него ближе.

Научная статья

Отечественная история

DOI: 10.15393/uchz.art.2021.697

УДК 94(470.2)"18"

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин Института экономики и права

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

efimova1870@rambler.ru

**О ПРИЧИНАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ КОНФЛИКТА ГУБЕРНАТОРА
А. А. ФИЛОСОВОФА С ГУБЕРНСКИМИ ЧИНОВНИКАМИ**

А н н о т а ц и я . В рамках историко-антропологического подхода анализируется влияние «оттепели» эпохи Александра II на менталитет чиновничества, проявляющийся в формах и методах, ходе и исходе управленческого конфликта, разразившегося в среде олонецкого губернского чиновничества. Такая задача впервые решается на примере Олонецкой губернии, считавшейся крайне непрестижным местом для службы. В результате выявлено, что главной причиной конфликта стало неприятие главами губернских ведомственных учреждений устаревшего стиля управления, к которому прибегнул губернатор. Он не смог оценить изменившееся буквально за первое пятилетие царствования Александра II сознание местного чиновничества под влиянием допущенной гласности, ярче всего проявившейся в публикациях в периодической печати литературных произведений и статей, содержащих критику недостатков и злоупотреблений в работе государственных учреждений и должностных лиц. Немалую роль в этом процессе сыграла и специфика формирования губернских кадров в Олонецкой губернии, куда с целью ускорения карьеры приезжали служить чиновники из столиц и центральных губерний империи. Помимо традиционных методов борьбы – обличающих друг друга рапортов и докладных записок вышестоящему начальству, обе стороны использовали центральную прессу. Противостояние губернатора с главами разных ведомств зашло так далеко, что для выяснения его причин и степени виновности его участников из Петербурга были присланы особые чиновники, а их мнения доведены до императора. В результате губернатор был признан неспособным занимать эту должность, но для того, чтобы не допустить компрометации губернаторского звания, ему было дозволено просить императора об увольнении, а главные деятели «антигубернаторской» партии под благовидными предложениями были удалены из губернии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Олонецкая губерния, конфликт, гласность, губернатор А. А. Философов, губернское чиновничество

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ефимова В. В. О причинах и последствиях конфликта губернатора А. А. Философова с губернскими чиновниками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 87–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.697

ВВЕДЕНИЕ

Образование и противостояние «партий» – нередкое явление в практике функционирования губернских аппаратов в имперский период. Но именно такие случаи вызывают повышенный интерес исследователей, так как в ходе их изучения гораздо легче выявить бытовавшие неформальные технологии управления и взаимодей-

ствия чиновников разных ведомств, а также значение общественного мнения при их разрешении. Эффективнее всего такие задачи, по нашему мнению, реализуются в рамках историко-антропологического и коммуникативного подходов [1], [4], [6], [8]. Однако описанный в нашей статье случай представляет особый интерес, так как произошел не только в уникальное для нашей дореволюци-

онной истории время, но и в особенной губернии. Как известно, период конца 50-х – начала 60-х годов XIX века характеризовался крайним общественным напряжением, связанным с ожиданием реформ. Правительство было вынуждено допустить определенную свободу слова и печати при обсуждении вопросов внутренней политики и даже предавать гласности на страницах периодических изданий факты злоупотреблений и беспорядков в деятельности государственных учреждений и должностных лиц [5: 68–70]. В свою очередь, Олонецкая губерния как губерния, отнесенная к отдаленным и малонаселенным краям империи, предоставляла приезжавшим сюда чиновникам особые преимущества при прохождении службы. Это породило, с одной стороны, такое негативное явление, как «поездки за чином», когда чиновники из внутренних губерний в целях ускорения карьерного роста отправлялись сюда на службу и по выслуге нужного им чина возвращались обратно. С другой стороны, благодаря этим поездкам чиновничий корпус губернии постоянно обновлялся и был в курсе всех происходивших в столицах и центральных губерниях перемен. Таким образом, цель данной статьи состоит в том, чтобы на примере Олонецкой губернии выявить не только причины и последствия произошедшего в 1862 году конфликта между губернатором Философовым и главами ключевых ведомственных учреждений, но и новые методы борьбы, к которым прибегли противоборствующие стороны. Это, в свою очередь, поможет еще точнее определить, каким образом и насколько быстро происходили перемены в сознании провинциального чиновничества, позволившие отвергнуть отжившие николаевские методы управления даже в такой считавшейся непрестижной для службы губернии, как Олонецкая.

Статья написана на широком круге источников, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК), Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Прежде всего это переписка губернатора с министром внутренних дел по поводу конфликта, материалы дознаний, проведенных чиновниками, присланными из центра для разбора причин конфликта, итоговые кадровые решения центрального правительства, формулярные списки главных участников конфликта. Большая часть этих документов впервые вводится в научный оборот.

17 октября 1860 года вместо олонцкого губернатора Н. П. Волкова¹ был назначен также быв-

ший военный генерал-майор Александр Александрович Философов. Полный сил и достаточно еще молодой², он сразу же попал в водоворот отмены крепостного права. Но должность губернатора требовала исполнять и прочие обязанности, поэтому в феврале и августе 1861 года Философов провел обозрение вверенной ему губернии и представил министру внутренних дел вместе с его результатами особую записку «о состоянии губернии вообще»³. В этой записке, чрезмерно оптимистичной, губернатор демонстрировал достигнутые под его начальством успехи по введению нового устройства для крестьян и распространению женского образования, а также предлагал меры по дальнейшему усовершенствованию путей сообщения и развитию лесной промышленности. При этом губернатор активно формировал свое окружение, например: в 1861 году к членам Олонецкого губернского правления В. С. Башинского⁴ и С. Ф. Карачевскому⁵ по предложению губернатора вместо советника А. Ф. Колесинского⁶ присоединяется доктор А. К. Зенец⁷; его канцелярию возглавляет новый правитель – Н. И. Базаров⁸; старшим чиновником особых поручений при губернаторской канцелярии назначается Ю. И. Кушелевский⁹. Исполняющим должность петрозаводского полицмейстера становится Ф. Е. Козловский¹⁰. Мы не случайно упомянули данных лиц, так как все они очень скоро станут фигурантами конфликта.

Первое известие о несогласии среди олонцкого чиновничества поступило в III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в рапорте от 27 марта начальника Олонцкого жандармского управления полковника А. А. Мышецкого. Он писал, что 24 марта вернувшийся из отпуска начальник Олонецкой губернии и военный губернатор г. Петрозаводска генерал-майор Философов делал прием для чиновников губернии, но среди таковых не оказалось горнозаводских офицеров во главе с полковником Н. А. Фелькнером¹¹. Губернатор вынужден был еще раз проинформировать канцелярию Горного начальника о своем прибытии и назначил для приема следующий день. Однако последняя 26 марта уведомила губернатора, что «Горный Начальник сравнен в правах с губернаторами и потому не считает своей обязанностью являться кроме известных случаев». Такое грубое нарушение чиновничьего этикета, заканчивал Мышецкий, «не может быть оставлено в молчании», так как от этого могут произойти «вредные последствия для службы», и поэтому губернатор донес 27 марта о дерзком поступке Фелькнера военному министру¹².

В конце апреля 1862 года и. д. вице-губернатора Д. А. Злотницкий¹³ отпрашивается у губер-

натора в отпуск в Петербург. Философов предваряет его приезд в Петербург письмом от 22 апреля министру внутренних дел, в котором сообщает о причине его отъезда – просить о переводе в другую губернию¹⁴. Губернатор также писал, что тот сблизился с постоянно противоборствующей ему партией председателя Олонецкой казенной палаты фон Штемпелем, так как бесхарактерен, но он готов продолжать с ним службу. Однако, если министр найдет просьбу Злотницкого все-таки уважительной, то он просит назначить на его место «кого-нибудь русско-го... по множеству находящихся здесь поляков и полек»¹⁵.

Злотницкий приехал в Петербург не с пустыми руками. Он представил министру внутренних дел П. А. Валуеву докладную записку, в которой описал не менее 27 эпизодов, которые, по его мнению, компрометировали Философова¹⁶. Практически во всех так или иначе фигурировал Кушелевский, подозреваемый к тому же в вымогательстве взяток у откупщиков, купцов и даже чиновников. Ниже приведем в пример только один из этих эпизодов, связанный с личными интересами губернатора, а именно: о заготовке 3 тыс. кулей муки в Петрозаводский хлебный магазин. Торги не состоялись из-за назначенной губернатором низкой цены. В результате операция по закупке муки хозяйственным способом в Рыбинске была поручена Кушелевскому и обошлась намного дороже. Ходили слухи, что помимо хлебных закупок Кушелевский занимался делами по имени свояченицы Философова в Пензенской губернии, и губернатор специально понизил на торгах стоимость куля муки, чтобы никто не явился на них и появилась возможность отправить в командировку Кушелевского¹⁷.

5 мая в Петрозаводск для дознания по записке Злотницкого приезжает чиновник особых поручений при министре внутренних дел действительный статский советник Кузьмич¹⁸. 8 мая он доносит министру, что 6 мая выполнил его волю о немедленном увольнении Кушелевского¹⁹, а по результатам проведенного им дознания убедился в необходимости ознакомить губернатора и со второй запиской министра, где тот объявлял губернатору, что довел до государя «о невозможности оставить управление губернией в нынешнем состоянии». Кузьмич также убеждал министра, что

«три высоких чиновника, на которых Вы указали, люди высокой чести по общим отзывам, называют Философова “нарушителем спокойствия губернии” и с негодованием говорят о вкоренившемся здесь, почти открыто лихоимстве, о покровительстве людям неблагонадежным и преследовании всего честного и благородного»

и что если обстоятельства не изменятся, то они будут просить перевода из Петрозаводска²⁰. Безусловно, здесь имелись в виду вице-губернатор Д. А. Злотницкий, председатель Казенной палаты Л. А. фон Штемпель и управляющий Палатой государственных имуществ А. Е. Лазарев. Обратим внимание, что все они также были новыми людьми в губернии, так как были назначены на свои должности в конце 1859 – начале 1861 года²¹.

8 мая Философов также подает рапорт шефу жандармов и начальнику III Отделения С.Е.И.В. канцелярии В. А. Долгорукову, который ярко отражает его эмоциональное состояние. Донесение начиналось с тонко продуманной фразы, которая явно была направлена на закрепление у центрального правительства нелестного мнения об олонецком чиновничестве:

«Олонецкая губерния постоянно славилась доносами, которые не пощадили ни одного губернатора, та же участь постигла и меня, потому что я старался преследовать взяточников и тем раздражал их или потому, что не хотел быть с ними в близких отношениях»²².

Затем губернатор излагал свою версию событий, связанных с проводимым Кузьмичом в Петрозаводске дознанием. Он писал, что, явившись в Петрозаводск, Кузьмич объявил ему словесное приказание министра внутренних дел, подкрепленное собственноручной запиской министра, о немедленном увольнении одного из состоявших при губернаторе чиновника (имелся в виду Кушелевский), но только через три дня предъявил ему вторую записку от министра, в которой тот сообщал губернатору, что он «по известным обстоятельствам представил на усмотрение Его Императорского Величества, что управление губернией в таком положении оставаться не может». Философов признавал, что у него в делах могут быть ошибки и промахи и что чиновники могут употреблять во зло его доверенность, но не соглашался с тем, что Кузьмич уже прямо обвиняет его в злоупотреблениях. Далее губернатор сообщал, что прилагает к рапорту особую записку с кратким объяснением сути дела и просит Долгорукова спасти его честь и испросить у государя позволения оправдаться, так как он уверен, что против него составлен

«сильный заговор... врагов и общественной и государственной пользы... и паче ни один губернатор не устоит в губернии подобной Олонецкой, где нестерпим для чиновников человек, который следит за их действиями»²³.

В особой записке Философов указывал, что оппозицию его действиям возглавил председатель Олонецкой казенной палаты фон Штемпель, к которому стали приставать и другие, «через что образовалась сильная партия». Большинство ее участников – поляки и их жены,

к ним присоединились либералы – учителя гимназии студенты Ген и Михаэлис²⁴, откупщик и другие²⁵. Однако губернатор не ограничился только этим донесением и поспешил в рапортах от 10 и 12 мая к П. А. Валуеву и В. А. Долгорукову представить еще более подробную версию действий Кузьмича. Она интересна тем, что в ней не только во всех подробностях описывается, что делал пять дней в Петрозаводске Кузьмич, но и видна тактика губернатора по компрометации Кузьмича. Например, он писал, что на следующий день после приезда Кузьмича во время обеда у губернатора, где за столом в присутствии жандармского офицера Мышецкого, советника Зенца и инженера-поручика Горнич-Гарницкого²⁶ зашла речь о Петербургском университете и студентах, Кузьмич позволил себе «очень громко и горячо» сказать, «что весь Петербург оправдывает студентов». Но после высказанного «моею женою возражения... г. Кузьмич переменял тон» и стал порицать их действия. Всю вторую половину 7 мая и следующего дня Кузьмич требовал из Губернского правления дела, приглашал к себе чиновников, откупщика и других лиц, «находящихся в сношении с партией, восставшей» против губернатора. Затем Кузьмич просил губернатора назначить ему встречу на следующий день, но губернатор сам поехал к нему, и только тогда Кузьмич предъявил ему вторую записку министра, на что губернатор заявил, что поставит перед министром вопрос о превышении Кузьмичом власти. 9 мая во время последней встречи с губернатором «Кузьмич дал понять ему, что он уже осужден министром и что лучше будет, если он подаст прошение об увольнении». Однако губернатор заявил, «что не понимает, в чем его обвиняют и что он предпочитает увольнение без прошения и суд, т. к. в чести своей уверен». Прощаясь, Кузьмич попросил никого из чиновников не перемещать и ничего в управлении не предпринимать. Губернатор заключал, что такие действия Кузьмича «ведут к деморализации чиновников и ослаблению власти губернатора», обвинял его во вступлении в заговор с оппозиционерами и нанесении ему «глубокой моральной раны»²⁷. Еще не дождавшись реакции из Петербурга, 21 мая в 8:40 Философов подал министру внутренних дел телеграмму с просьбой разрешить прибыть в Петербург. Однако в ответной телеграмме министр велел дожидаться от него сообщения и только потом приезжать²⁸. 23 мая, к радости губернатора, министр написал, что считает действия Кузьмича «неправильными и неуместными», так как «тот допустил огласку данного ему поручения и, по-видимому, не исполнил в точности данное ему поручение и что он обо всем

довел до императора», но при этом просил Философова дать ему разъяснения по нескольким эпизодам²⁹. 24 мая губернатору было разрешено приехать в Петербург³⁰. «Объяснения», представленные губернатором, датированы 31 мая. Чиновники, составлявшие их для губернатора, сделали, безусловно, все, чтобы оправдать как его, так и свои действия³¹.

1 июня губернатор уезжает в столицу³². К пригорю Философова, во время его пребывания в Петербурге в газете «Сын Отечества»³³ за 4 июня было опубликовано письмо в редакцию из Петрозаводска, подписанное инициалами А. К. Л.³⁴ Его автор пытался доказать, что и в стоящем «в захолустье» Петрозаводске происходят сдвиги в сторону «прогресса и гласности». В пример приводились организация ссудной кассы, открытие женской гимназии, проведение лотереи в пользу детского приюта и гимназии, а также благотворительного концерта в пользу одного, как оказалось, недостойного чиновника. Автор также подмечал важные изменения, происходившие во взаимоотношениях между служащими, и причины этого:

«Любовь к чтению у нас развивается не по дням, а по часам: во всех присутственных местах выписывают почти все лучшие журналы и газеты читаются на расхват³⁵. ...Самые закоснелые рутинеры, которые считали своего подчиненного чуть не меньше нуля, и на поклон его отвечали одним движением бровей, теперь при встрече протягивают ему руку и выслушивают, хотя с кислой гримасой, его замечания и суждения».

Однако письмо было закончено утверждением, что в петрозаводском обществе до сих пор есть

«Хлестаковы, Муходавлевы³⁶, Чичиковы в лице Фертов, Кушелей, Мышеловских, Козлов и Дубов, которые всякое проявление живой мысли считают за нарушение религии, правду – за дерзость»³⁷.

Безусловно, петрозаводскому обществу было понятно, кто скрывался под измененными фамилиями. Например, под Кушелем имелся в виду бывший чиновник особых поручений при губернаторе Кушелевский, под Мышеловским – жандармский полковник Мышецкий, под Козловым – и. д. петрозаводского полицмейстера Козловский.

14 июня состоялся личный разговор между Валуевым и Философовым, во время которого министр признал честь губернатора «незапятнанной». На следующий день Валуев письменно известил Философова, что по его предложению, получившему соизволение императора, ему было предоставлено право по собственному усмотрению просить увольнения от должности в августе текущего года³⁸. Казалось, что все уже улажено и вернувшемуся обратно 26 июня

в Петрозаводск губернатору оставалось только представить прошение, сдать дела и собирать вещи, но неожиданно грянул новый скандал, связанный с петрозаводским земским исправником В. П. Ивашиным³⁹. Коротко изложим суть конфликта по версии Ивашинова, которую он представил в своих докладных записках, поданных 22 июня и 16 июля в МВД. Исправник признавался, что он делал закупки съестных припасов и фуража для дома губернатора. Оставшись должным более 300 руб. серебром поставщику сена, который стал с него требовать эти деньги, так как считал, что Философов более не явится в губернию (обратим особое внимание на то, как быстро расходились слухи среди разных сословий в губернском городке), Ивашинов посоветовал ему обратиться за деньгами к его жене. Губернаторша сочла его поступок дерзким и пригрозила увольнением от должности по приезду мужа. Тогда Ивашинов, срочно испросив отпуск, уехал в Петербург, где и поспешил подать свои записки в МВД. Он просил перевода «куда угодно», а также распорядиться, чтобы губернатор мог уволить его от должности «не иначе как с преданием суду, перед которым я всегда смогу оправдаться и то, под каким тягостным управлением находится в настоящее время Олонецкая губерния». Ему было отвечено, что он не будет уволен, и приказано вернуться к должности. 5 июля Ивашинов представился Философову, который принял его холодно, но сдержанно, а позже через своего дворецкого потребовал представить ему счет деньгам, следующим в возврат за закупленные съестные припасы. По счету, поданному Ивашиным, ему полагалось получить с губернатора 207 руб. 55 коп. Однако дворецкий губернатора несколько раз являлся к нему, прося уменьшить счет, но исправник не соглашался. Наконец 10 июля дворецкий принес 75 рублей и потребовал именем Философова подписать заготовленную расписку, что все получено сполна. Ивашинов отказался и тогда был вызван через жандарма к Философову, который в присутствии двух «близких к нему людей» (в том числе инженера Горнич-Гарничкого) спросил исправника, как он смеет требовать с него так много денег, а также грубо разговаривать с его человеком, и, «стуча кулаком по столу, наговорил мне столько обидных слов, что только твердость воли и уважение к сану Философова удержали меня в рамках приличия». Затем губернатор объявил, что предаст его суду и уволит от должности за то, что он осмелился платить за него деньги. Вечером этого же дня Ивашинов получил из петрозаводской городской полиции повестку, которой вызывался для дачи отзыва на поданную дворецким жалобу.

Губернатор сделал предложение Губернскому правлению об увольнении исправника от должности, указав, что о причинах увольнения он напрямую объяснит в особом донесении министру. Все это вынудило Ивашинова на следующий день донести рапортом о случившемся Губернскому правлению и просить защитить его от явного произвола со стороны губернатора, а также разрешить ему не являться в полицию, так как он находит «не только не уместным, но и обидным» для себя, как исправника и дворянина, отвечать на иск «лакея» губернатора. Не зная, за что он уволен, заканчивал Ивашинов, он поспешил в Петербург просить защиты⁴⁰.

Не сидел сложа руки и губернатор, отправив 12 и 17 июля министру сразу три сообщения. В первом из них он подробно расписал причины увольнения исправника, вообще не упомянув среди них об инциденте со счетом. Во втором, имевшем форму неофициального письма, он сообщал, что после данного ему права подать прошение на увольнение он полагает себя «временным жителем Олонецкой губернии», но не может быть «равнодушным зрителем той деморализации, которая вкоренилась между некоторыми из здешних чиновников». Далее он описывал новые проступки вице-губернатора Злотницкого, который вместе с советником Губернского правления Карачевским после возвращения его – губернатора – из Петербурга стали всех уверять, что губернатор будет здесь только до 1 августа. Исправник же Ивашинов в отсутствие губернатора позволил себе говорить о нем такие низости, которые не стерпит любой порядочный человек, и поэтому пришлось назначить расследование и по этому поводу⁴¹. В заключение Философов просил назначить формальное следствие о действиях Злотницкого и Карачевского. В третьем рапорте губернатор повторно просил произвести следствие, а в прилагаемой к нему записке описал свое противостояние с членами Губернского правления, посмеявшимися не только принять рапорт Ивашинова на него, как непосредственного своего начальника, но и обсуждать предложение губернатора об увольнении исправника, прося известить их о причинах такового⁴².

Считаем неслучайным, что именно в это время, а именно 15 июля, в «Санкт-Петербургских ведомостях» была опубликована гневная отповедь на статью А. К. Лазарева. Анонимный автор заметки⁴³, обвинив его в представлении ложных сведений о целях проведения благотворительного концерта, полагал, что сделано это «с умыслом исказить один из благороднейших поступков» петрозаводского чиновничьего общества⁴⁴.

Все эти события вынудили министра внутренних дел представить царю очередной доклад о Философове и просить его дать разрешение на проведение формального следствия. 28 июля Александр II повелел командировать для разбора случившихся пререканий флигель-адъютанта своей свиты полковника И. В. Голынского. По-видимому, еще не зная о таковом, губернатор представил министру при рапорте от 31 июля очередную еще более подробную докладную записку о действиях Иващинцева и членов Губернского правления и просил уже об удалении Злотницкого и Карачевского из губернии. Но 4 августа он был извещен министром, что по его желанию в губернию командировается Голынский, которому поручено, «не производя формального следствия... путем письменных и личных сношений выяснить главнейшие обстоятельства настоящего дела»⁴⁵.

Голынский производил сбор сведений в Петрозаводске с 7 по 19 августа. Уверены, что совершенно не случайно именно в эти дни – 15 августа – в «Сыне Отечества» был опубликован ответ А. К. Лазарева на статью в «Санкт-Петербургских ведомостях». При этом автор уже не скрывал своего имени. Очевидно, что «партия» противников губернатора подняла голову в связи с приездом Голынского. Данная статья также важна для изложения истории конфликта по следующим основаниям. Пытаясь отвести от себя обвинения в распространении ложных слухов о целях благотворительного концерта, автор привел в пример помимо концерта лотерею⁴⁶. Затем задавался вопросом: «имеет ли право общество требовать отчета от учредителей в пожертвованных деньгах» на проведение концертов, спектаклей, лотерей и т. п. и утвердительно отвечал на него. Лазарев утверждал, что

«благородный поступок только тогда делается истинно благородным, когда никоим образом не навлекает на себя и тени подозрения и не возбуждает слухов, подобным тем, какие распространены в Петрозаводске по поводу лотереи»,

разыгранной полгода тому назад, но отчет о которой сделан только недавно. Лазарев сомневался в его верности и задавал по этому поводу несколько вопросов, на которые предлагал ответить анонимному автору⁴⁷.

Сравнение поставленных им в статье вопросов с теми сведениями и вопросами, которые представил в своем «объяснении» Голынскому по поводу лотереи вице-губернатор Д. А. Злотницкий и А. Е. Лазарев, приведя в доказательство приложенные копии журналов Петрозаводского губернского попечительства Николаевского приюта, наводит нас на мысль, что источником информации для А. К. Лазарева были отнюдь

не только слухи, как потом об этом он упорно заявлял во время дознания⁴⁸. А если учесть, что главным организатором и распорядителем лотереи был губернатор, то заданные в статье вопросы прежде всего бросали тень на его репутацию. Не случайно поэтому 23 августа Философов, найдя, что автор статьи: 1) «дозволил себе печатно требовать объяснения о распоряжениях мест и лиц правительственных учреждений»; 2) «печатно изложил лживо и с явным намерением извратил факты», приказал и. д. полицмейстера Козловскому потребовать от Лазарева «объяснение»⁴⁹. А в это время вернувшийся в Петербург флигель-адъютант Голынский 22 августа в своем первом кратком донесении царю и министру внутренних дел представил свое мнение о конфликте:

«...сколько мне кажется, почти все вышеозначенные лица более или менее виновны в пререканиях, но не в одинаковой степени. По некоторым данным, в поступках генерал-майора Философова нельзя находить одну лишь неблагоприятную цель, могу только предполагать, что выбор лиц, которым он доверился, был неудачен и они употребили во зло его доверие. Относительно же других лиц, сколько мне известно, некоторые из них вовсе небезукоризненны в отношении генерал-майора Философова».

В заключение Голынский сообщал, что собранные им сведения он представил в МВД, а обо всех подробностях лично сообщит министру⁵⁰. Эти сведения составили особое дело на 226 листах, представлявшее собой письменные ответы главных участников конфликта на вопрос, заданный следователем: «что послужило поводом к пререканиям с губернатором и на чем основаны слухи, могущие поколебать значение Начальника губернии», а также их записки и выписки из дел, подтверждающие правоту пишущих. Приведем только те сведения из него, которые уточняют причины и обстоятельства конфликта или более ярко демонстрируют позицию его участников. Вот как понимал, например, губернатор причины присоединения к оппозиции еще не упоминавшегося нами выше председателя Палаты гражданского и уголовного суда К. К. Поппе, а также управляющего Палатой государственных имуществ А. Е. Лазарева. Первый из них «был увлечен в партию фон Штемпеля самолюбием... а поводом к его неудовольствию послужило то, что я с большим вниманием поверял решения уголовных дел». Второй был якобы недоволен намерением губернатора, по дошедшим до него слухам о неправильных порубках, послать Кушелевского для освидетельствования лесов. Но если Поппе, отвечая на вопрос Голынского, написал, что у него отсутствуют пререкания с губернатором, то Лазарев объяснил свое неудовольствие

Философовым целым комплексом причин. Среди них он упомянул разговор, состоявшийся между Злотницким и губернатором о Кушелевском в апреле 1862 года. Он писал, что был его свидетелем и совершенно разделял мнение Злотницкого о Кушелевском, так как оно было «только верным и справедливым выражением общего о нем мнения всей Олонецкой губернии». Однако губернатор не внял их уговорам и даже заявил, что «плюет на петрозаводское общество, к которому я принадлежу»⁵¹. Лазареву тем более была непонятна резкая перемена в отношении к нему губернатора, так как до тех пор, пока он был дружен с губернатором, то «попал во всеподданнейший отчет за 1861 год в число лучших чиновников губернии» и даже был представлен им «к Станиславу 1-й степени»⁵², но «вдруг Философов явился обличителем каких-то небывалых злоупотреблений» по лесной части. Явился ревизор из Министерства государственных имуществ и получил от Философова целый «список» якобы выявленных злоупотреблений, но, как свидетельствовал позже ревизор, «ни одна буква доноса не подтвердилась». Этим доносом Философов нанес «глубокое оскорбление» не только ему – Лазареву, но и всем лесным офицерам, возвысившим в 1861 году казенный лесной доход в два раза⁵³. Л. А. фон Штемпель в своих «объяснениях» также акцентировал внимание на том, что «окруженный своими любимцами, почти заслонившими от него порядочных людей, генерал-майор Философов начал третировать общество свысока...». Далее он приводил около десятка случаев с приложением на 50 листах выписок из дел, когда Казенная палата была вынуждена отказать Философову в отпуске денег «как несогласных с узаконениями»⁵⁴. Но самое примечательное в этом деле – это итоговая записка «о неправильных действиях некоторых лиц Губернского управления», представленная 17 августа Философовым Голынскому. Именно она дает самое точное представление о том, как губернатор понимал свою должность. Думаем, что совершенно не случайно и то, что она оказалась в составе особого дела «о чиновниках», которое Философов передал в день своего отъезда из губернии в губернскую канцелярию, желая, по-видимому, предупредить своего сменщика о проблемах, с которыми тот может столкнуться при управлении губернией. Записка начиналась так:

«Олонецкая губерния, несмотря на свои необыкновенно счастливые естественные условия... находится ныне при общем прогрессивном движении нашего отечества в положении совершенной отсталости. Причину этого грустного факта должно искать» в некоторых ее особенностях, которыми она резко отличается от осталь-

ных губерний. «Здесь все население распадается собственно на два класса: к первому принадлежат низшие сословия; к другому – чиновничество», т. е. «многочисленное сословие лиц местной администрации; дворянства же и имени того купечества... почти не существует».

Далее губернатор давал весьма нелестную оценку второго класса: «Чиновничество, при отсутствии всякого умственного образования и нравственного развития имеет вообще весьма слабое понятие о том, что такое совесть, дом и честь», поэтому главное его стремление – «обеспечивать свое материальное благосостояние, не разбирая пути...». В прошлом Олонецкой губернии можно увидеть «целый ряд губернаторов, старавшихся пресечь злоупотребления и вести край прогрессивно, к сожалению, редкий из них устоял в трудной борьбе. Такая же участь готова постичь и меня». Затем губернатор замечал, как изменялось отношение к нему местного чиновничества: пока в течение первого года он знакомился с местной администрацией и действовал «более выжидательно», то «во все это время меня здесь превозносили, осыпая похвалами и выражениями искренней привязанности», но как только «я готовился приступить в наступление, тотчас же стали организовывать оппозицию». Далее губернатор давал характеристику каждому из глав оппозиции. Зачинателем ее он признавал Штемпеля, «истинною душою заговора» – Лазарева, как стоящего «в умственном отношении выше всех остальных», а орудием – Злотницкого, «на заднем плане, в колебательном положении находились Поппе и Фелькнер». Началом конфликта он считал свой разговор с Злотницким в апреле 1862 года и добавлял интересную подробность, что перед своим отъездом в столицу Злотницкий высказал провожавшим его, что добьется удаление Кушелевского, правителя канцелярии Базарова и советника Зенца – «трех людей, которых я считал честными и преданными» себе. Далее Философов описывал секретное дознание Кузьмича, его последствия и свой отъезд в Петербург для объяснений с министром внутренних дел. В его отсутствие в Петрозаводске «стали ходить слухи, будто бы я более не вернусь, но, когда в конце июня я вернулся, это смутило моих противников». Однако Злотницкий, получив некое известие из столицы, всех успокоил, сказав, что губернатор здесь останется лишь до августа. В результате «уважение к званию губернатора совсем померкло», и в качестве вопиющего примера этого губернатор приводил случай с исправником Ивашинцевым. Все эти события «поколебали» не только чиновников, но и народ, а «в их глазах достоинство власти. ...Все происходило публично при свидетелях без всякого

стеснения... из-за 7–8 человек, которые произвели в течение трех месяцев беспорядки», пытаюсь

«набросить тень на мое доброе имя и очернить во мне достоинство дворянина и губернатора. Но этого мало, **Олонецкие дела известны теперь по всей России** (выделено мною. – В. Е.), и если не последует немедленного наказания главных виновников, то это будет слишком опасный пример не только для вверенной мне губернии, но и для всех остальных. Я требую безусловного удаления Злотницкого, Штемпеля и Лазарева»⁵⁵.

Чтобы подкрепить необходимость этой меры, в рапорте от 28 августа он представил министру журнал Губернского правления от 7 августа, из которого тот должен был убедиться в аморальном поведении Злотницкого и Карачевского, продолжавших ложно настаивать на том, что не знали об обстоятельствах написания 11 июля Ивашинцевым рапорта⁵⁶, в котором, напомним, тот просил защиты Правления от призыва губернатора⁵⁷.

Вердикт министра внутренних дел П. А. Валуева был следующим: сочтя действия Философова и всех остальных участников оппозиции, но особенно Штемпеля и Злотницкого, «небезукоризненными» и «не считая генерал-майора Философова вполне способным к занимаемой должности», он счел своим долгом обо всем этом донести императору и испросить у него соизволения «о предоставлении генерал-майору Философову просить увольнения от должности и о причислении вице-губернатора Злотницкого к министерству», но, чтобы «**для поддержания достоинства губернаторского звания** (выделено мною. – В. Е.)» не оставить «без взыскания противодействий и пререканий со стороны председателя Казенной палаты действительного статского советника фон Штемпеля, предоставить министру финансов решить – либо перевести его в другую губернию или отчислить от должности». 11 сентября 1862 года собственноручным письмом, «во избежание всякой канцелярской нескромности», Валуев известил Философова о воле императора и присвокупил, что отчисление от должности Штемпеля и Злотницкого последует до его увольнения⁵⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение «партий» и их противостояние было обычным явлением в практике мест-

ного управления в имперский период. Однако рассмотренный в данной статье конфликт примечателен тем, что случился в самом начале 1860-х годов, когда правительство еще допускало в известных пределах обсуждать на страницах печати вопросы внутренней политики, в том числе и негативные явления в местном управлении. Это сделало востребованными журналы и газеты, которые и стали главным катализатором процесса замены николаевской модели государственного управления, базировавшейся на принципах закрытости, строгого чиновничества и беспрекословного исполнения приказаний вышестоящего начальства, новой, предполагавшей гласность в деятельности органов местного управления, более уважительное отношение начальства к своим подчиненным и даже учет их мнения. Чиновничество Олонецкой губернии в этом движении ничуть не отставало от прочих губерний – оно также активно выписывало и читало прессу.

Как нам представляется, генерал-майор Философов, возглавивший Олонецкую губернию в конце 1860 года, не уловил духа времени и продолжил применять старые методы управления. Олонецкое губернское чиновничество, формировавшееся в это время в значительной своей части из людей, приехавших сюда из столиц и центральных губерний для ускорения выслуги, уже настолько изменилось за несколько начальных лет правления Александра II, что не желало мириться с этим. Сформировалась оппозиция, которую возглавили главы ключевых ведомственных учреждений губернии. Конфликтующие стороны использовали в противостоянии не только традиционные методы выяснения отношений – рапорты и докладные записки вышестоящему начальству, но и новые – полемические публикации на страницах центральных газет. Правительство, признав явные просчеты в деятельности губернатора Философова, выявленные в ходе дознаний, проведенных столичными чиновниками, понимало и то, что в конфликте всегда виноваты обе стороны. Но оно не могло допустить компроматации губернаторской должности и поэтому нашло соломоново решение – предоставило губернатору возможность подать в отставку и не оставило без наказания руководителей оппозиции, действуя по принципу: чтобы неповадно было.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об обстоятельствах его отставки см. [2].

² На момент назначения ему был 41 год (НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19/287. Л. 2).

³ НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 6/84; РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 93.

⁴ Уроженец Петрозаводска, состоял в этой должности с 1846 года. В 1860 году в 50 лет стал старшим советником (НА РК. Ф. 2. Оп. 43. Д. 3/31. Л. 90–108; Оп. 68. Д. 1663. Л. 39–40).

⁵ Католик по вероисповеданию, окончил в 1849 году юридический факультет университета Св. Владимира в Киеве. Служил с 1850 года в Олонецкой губернии по вызову. 3 мая 1860 года, то есть в 36 лет, был назначен

- сенатором Дюгамелем и. д. советника Губернского правления. 14 мая утвержден в должности (НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 1663. Л. 51–62).
- ⁶ Католик, начал службу в Олонецкой губернии с 1856 года по вызову и сразу в должности советника Губернского правления. По утверждению и. д. вице-губернатора Д. А. Злотницкого, данному приехавшему в августе 1862 года в Петрозаводск для выяснения причин пререканий флигель-адъютанту Гольнскому, был причислен к МВД по настоянию Философова (НА РК. Ф. 2. Оп. 43. Д. 3/31. Л. 109–118; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 15).
- ⁷ Окончил медицинский факультет университета Св. Владимира. Службу в Олонецкой губернии начал по вызову в июне 1859 года в должности оператора Врачебной управы, а с 20 мая 1861 года, то есть всего лишь в 32 года, был назначен советником Губернского правления. Опять же по замечанию Злотницкого, «будучи человеком безнравственным и почти безграмотным, неспособным быть даже столоначальником в земском суде», всего через 7 месяцев службы был представлен губернатором к ордену Станислава. Впрочем, уволен по личному прошению от этой должности уже 9 июля 1862 года. Все приведенные Злотницким факты подтверждаются по его формулярному списку и наградным книгам (НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2/45а. Л. 17, 39; Ф. 2. Оп. 68. Д. 1663. Л. 41–50; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 15).
- ⁸ Служил до этого в Тульской губернии. Был вызван Философовым на службу в Олонецкую губернию (НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31/2. Л. 6, 52–56, 65).
- ⁹ По утверждению председателя Казенной палаты фон Штемпеля, он был вызван Философовым на службу из Москвы, где служил в полиции. Назначен на должность 24 марта 1861 года (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 10; НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31/2. Л. 42).
- ¹⁰ По объяснению, данному Гольнскому капитаном И. Ф. Мерчанским, занимавшим до Козловского эту должность, он был вынужден под давлением Философова 4 мая 1861 года подать прошение об увольнении. По словам же вице-губернатора Злотницкого, Козловский был сослан в Олонецкую губернию из столицы за предосудительные поступки. Позже за это же он был отправлен из Петрозаводска в Повенец на должность земского исправника. В ходе обозрения уезда уже сам Философов удалил его и с этой должности. Все эти сведения подтверждает и его формулярный список (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 7, 179–184; НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 1666. Л. 17–25).
- ¹¹ В августе 1862 года Фелькнер так объяснял свое недовольство Философовым Гольнскому: некомпетентный в делах Горного управления, он вмешивался в ход освобождения мастеровых и крестьян. Среди приведенных им примеров был и такой: в марте 1861 года мастеровые Александровского завода подали прошение о нуждах своих семей. Жандармский полковник Мышецкий донес по начальству 20 июня «о якобы произошедших волнениях между мастеровыми Олонецких горных заводов, угрожавших личности Горного начальника». Из Министерства финансов срочно приехал ревизор, однако мастеровые объявили ему, что они довольны своим начальником. Но губернатор велел распечатать объявления, чтобы они подавали ревизору жалобы, и затем к этому их лично принуждал Мышецкий, чтобы подтвердить свой донос. В заключение Фелькнер написал: «...если сейчас генерал-майор чувствует ослабление своей власти, то потому, что сам не уважал прав других» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 10, 107; Д. 762. Л. 61, 195–204).
- ¹² ГАРФ. 1 экз. Оп. 37. Д. 172.
- ¹³ Был назначен на эту должность 31 мая 1861 года (приступил 11 июля), католик, вдов, имел при себе четырех несовершеннолетних детей (НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 1663. Л. 16–24; Ф. 1. Оп. 1. Д. 35/96. Л. 93).
- ¹⁴ Это же подтверждал в своих объяснениях флигель-адъютанту Гольнскому и сам Злотницкий, но при этом он упоминал о состоявшемся накануне, то есть 14 апреля, разговоре с Философовым, ставшем причиной его желания покинуть губернию. Злотницкий писал, что губернатор, вызвав его к себе через жандарма, «при входе сурово спросил его: “Как вы смеете поносить честь Кушелевского? ... Я ответил: т. к. Вы игнорировали мои предупреждения о нем, то имею полное право говорить в обществе о Кушелевском как о лице неблагонамеренном и вредном для службы”. И затем просил выбрать между ним и мною, ибо я не могу находиться с ним вместе на службе. В ответ: “Как Вам угодно, а я Кушелевским доволен и не имею никакого основания удалять его от себя”. На 3-й день я явился просить отпуска в Петербург... умолял удалить Кушелевского, как главного виновника всего зла и что это примирит Вас с обществом, и сказал, что не могу не указать Министру о причинах своей просьбы о переводе» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 96).
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 1.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 13–16; Д. 762. Л. 100–103.
- ¹⁷ Впрочем, эти слухи были небезосновательны. Как писал в своем «объяснении» Гольнскому фон Штемпель, Кушелевскому была оформлена в Палате гражданского суда доверенность по устройству имения свояченицы губернатора, на которую в феврале 1862 года был подан иск о взыскании долга. Этот иск нами также обнаружен (РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 7–30; НА РК. Ф. 1. Оп. 21. Д. 2/36а).
- ¹⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 14.
- ¹⁹ Примечательно, но Кушелевский был уволен по собственному прошению от службы по болезни (НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2/45а. Л. 55).
- ²⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 17–18.
- ²¹ НА РК. Ф. 4. Оп. 39. Д. 15/3. Л. 401–412; Д. 15/30; Олонецкие губернские ведомости (ОГВ). 1860. № 5, 22.
- ²² НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 4.
- ²³ Там же. Л. 4–5.
- ²⁴ Высланы в 1861 году в Олонецкую губернию под полицейский надзор после студенческих волнений в Петербургском университете (НА РК. Ф. 1. Оп. 33. Д. 8/25; Оп. 1. Д. 34/61. Л. 9–10).
- ²⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 6–7.
- ²⁶ Губернатор уточнил, что они обедают у него каждое воскресенье.

- ²⁷ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 8–18; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 19–20, 25–30.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 36.
- ²⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 18; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 39.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 44.
- ³¹ Там же. Л. 51–90.
- ³² ОГВ. 1862. № 21.
- ³³ Была в 1862 году самой крупной в империи по тиражу газетой (20 000 экз.). На втором месте с тиражом 8 000 экз. находились «С.-Петербургские ведомости» [3: 125].
- ³⁴ Как выяснилось позже, это был А. К. Лазарев – секретарь Олонецкой казенной палаты. См. подробности об этой истории в статье И. В. Савицкого [7].
- ³⁵ То же самое А. Лазарев писал и три года назад в «Письме в столицу из Петрозаводска»: «...здесь почти каждое присутственное место выписывает по несколько периодических изданий... страсть к чтению... развита здесь в высшей степени» (ОГВ. 1859. № 9).
- ³⁶ По-видимому, имелся в виду вымышленный литературный герой А. П. Муходавлев – молодой беловодский губернатор из повести В. Н. Елагина «Губернский карнавал», напечатанной в журнале «Современник» в 1859 году.
- ³⁷ Опубликованная заметка представлена в материалах формального следствия (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 15–16).
- ³⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 144–143.
- ³⁹ Данный случай был приведен в качестве редкого примера незаконных действий местной администрации при Александре II на страницах известнейшего дореволюционного труда «Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902). Т. 3. Ч. 2. Комитет министров в царствование Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1). СПб.: Канцелярия Комитета министров, 1902. С. 60–61.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35/96. Л. 159; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 145–146, 155–157; Д. 762. Л. 2–8.
- ⁴¹ Губернатор приводил любопытную подробность: на пароходе, отправлявшемся в Петербург, Ивашицев «вел себя самым неприличным образом», говоря, «что едет жаловаться на меня и надеется получить место советника Губернского правления и что через несколько дней вернется с новым губернатором – генералом Бутеневым, давнишним его другом и родственником и тогда горе тем чиновникам, которые в отсутствие его не угадают своей партии и не успеют к ней присоединиться».
- ⁴² РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 186–220; Д. 761. Л. 152–157, 159–160, 161–164.
- ⁴³ Статья была подписана «Г-в(ъ)»(?). Мы можем только предположить, что ее автором был один из «ближних людей» губернатора инженер Горнич-Гарницкий.
- ⁴⁴ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 20.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 157–183, 210–211; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 46.
- ⁴⁶ Лотерея проводилась 4–8 февраля, концерт – 15 февраля 1862 года.
- ⁴⁷ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 9 об.–10.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 99, 105а–108.
- ⁴⁹ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 1. О подробностях и последствиях этого расследования смотри в статье И. В. Савицкого [7].
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 187; Д. 762. Л. 1–2.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 5, 60, 159–163 об., 205. Под «петрозаводским обществом» Лазарев полагал прежде всего членов Благородного собрания, к которому принадлежали все упоминаемые в статье лица (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 91–92).
- ⁵² Подтверждается наградным представлением губернатора от 23 января 1862 года к министру государственных имуществ, в котором Философов писал, что «удостоверился о порядке в лесном хозяйстве и увеличении лесных доходов... не из бумаг», а в ходе обозрения и называл Лазарева «главным сотрудником» своим «по управлению Губернией» (НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2/45а. Л. 5–8).
- ⁵³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 762. Л. 157–172.
- ⁵⁴ Там же. Л. 7–30.
- ⁵⁵ Там же. Л. 208–219; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 57–67.
- ⁵⁶ Как показывали губернатору канцелярские чиновники Правления, жалоба Ивашицевым писалась в 3-м Отделении Губернского правления, которым заведовал Карачевский. Он же ее затем и правил.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 194–209; НА РК. Ф. 1. Оп. 36. Д. 89/1. Л. 47–50; Ф. 9. Оп. 1. Д. 230/2416. Л. 1.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 761. Л. 210–211. 22 февраля 1863 года покидает губернию и А. Е. Лазарев. 16 апреля на его место назначен новый управляющий (ОГВ. 1863. № 9, 17).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикташева А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 496 с.
2. Ефимова В. В. Из истории взаимоотношений олонечких губернаторов и палаты государственных имуществ (по материалам «лесного дела» 1857–1864 гг.) // Новое в юридической науке и образовании: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 7–30.
3. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
4. Матханова Н. П. Диалог власти и общества: опыт генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурья второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2020. Т. 33. С. 23–30.

5. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во 2-й пол. XIX – нач. XX вв. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.
6. Почекаев Р. Ю. Губернаторы и ханы: личностный фактор правительственной политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – нач. XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 384 с.
7. Савицкий И. В. Чиновник – это звучит гордо? К коммуникативным аспектам истории чиновничества середины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. В печати.
8. Семенова Н. Л. Практика отрешения от должности гражданских губернаторов Оренбургской губернии в конце XVIII – 1-й четверти XIX в. // Региональная история: методология, источники, историография: Сб. науч. тр. Стерлитамак: Изд-во БашГУ, 2016. С. 309–313.

Поступила в редакцию 08.06.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Viktoria V. Efimova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
efimova1870@rambler.ru

REASONS AND CONSEQUENCES OF THE CONFLICT BETWEEN GOVERNOR ALEXANDER FILOSOFOV AND THE GOVERNORATE OFFICIALS

Abstract. The article uses the historical and anthropological approach to analyze the influence of the “thaw” during the era of Alexander II on the mentality of the then officialdom, manifested in the forms and methods, as well as the course and outcome of the managerial conflict that broke out among the Olonets Province officials. This is the first-of-its kind research on the Olonets Province, which was considered an extremely low-grade location for service. The author found out that the main cause of the conflict was that the heads of the province departmental institutions had rejected the Governor’s outdated management style. He was unable to assess the consciousness of local officialdom that had changed during the first five years of Alexander II’s reign under the influence of allowed publicity, which was most clearly manifested in the periodical press publications of literary works and articles criticizing the shortcomings and abuses in the work of state institutions and officials. A significant role in this process was played by the specifics of the bureaucracy formation in the Olonets Province, where officials from the capitals and central provinces of the empire came to speed up their careers. In addition to the traditional methods of struggle, such as mutual incriminating reports and memos to higher authorities, both sides used the central press. The Governor’s confrontation with the heads of various departments went so far that special officials were sent from St. Petersburg to find out its causes and the degree of guilt of its participants, and the officials’ opinions were communicated to the Emperor. As a result, the governor was declared incapable of holding his position, but in order to prevent discrediting the Governor’s rank, he was allowed to ask the Emperor for dismissal, and the leaders of the “anti-governor” party were sent away from the province under plausible excuses.

Key words: Olonets Province, conflict, publicity, Governor Alexander Filosofov, province officialdom

For citation: Efimova, V. V. Reasons and consequences of the conflict between Governor Alexander Filosofov and the governorate officials. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):87–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.697

REFERENCES

1. Biktasheva, A. N. Anthropology of power: Kazan governors of the first half of the XIX century. Moscow, 2012. 496 p. (In Russ.)
2. Efimova, V. V. The history of the relationships between the Olonets governors and the Chamber of State Property (based on the materials of the “forest case” of 1857–1864). *New developments in legal science and education: Collection of articles*. Petrozavodsk, 2007. P. 7–30. (In Russ.)
3. Zhirkov, G. V. The history of censorship in Russia during the XIX–XX centuries: Textbook. Moscow, 2001. 368 p. (In Russ.)
4. Matkhanova, N. P. Dialogue between authority and society: experience of eastern Siberian and Priamur governors-general in the second half 19th century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 2020;33:23–30. (In Russ.)
5. Patrusheva, N. G. The censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2013. 620 p. (In Russ.)
6. Pochekaev, R. Yu. Governors and khans: the personal factor of the governmental policy of the Russian Empire in Central Asia: from the XVIII to the early XX centuries. Moscow, 2017. 384 p. (In Russ.)
7. Savitsky, I. V. Does the word “official” have a proud ring? Communicative aspects of Russian officialdom history in the mid-nineteenth century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8). In print. (In Russ.)
8. Semionova, N. L. The practice of removal from office of civil governor of the Orenburg Province at the end of the 18th – the first quarter of the 19th century. *Regional history: methodology, sources, historiography. Collection of articles*. Sterlitamak, 2016. P. 309–313. (In Russ.)

Received: 8 June, 2021; accepted: 3 September, 2021

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

sawiz@onego.ru

ЧИНОВНИК – ЭТО ЗВУЧИТ ГОРДО? К КОММУНИКАТИВНЫМ АСПЕКТАМ ИСТОРИИ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . История российского чиновничества XIX века (в том числе ее региональных аспектов) в течение последнего полувека вызывает устойчивый исследовательский интерес. При этом краеведческие публикации обычно ассоциируются с нарративным изложением, сюжетным повествованием, хотя историческая методология за последние годы продвинулась далеко вперед. Цель данной публикации – применить коммуникативный подход к анализу локальных сюжетов на примере конфликтной ситуации среди петрозаводского чиновничества. Методологической основой является теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Экспериментальная задача статьи – проверить жизнеспособность его тезисов на краеведческом материале. Автор приходит к выводу, что подход Хабермаса может быть применим к краеведческим исследованиям и анализу конкретных случаев. При этом источниковая база должна позволять анализировать коммуникацию между историческими персонажами или общественными, государственными институтами, показывать реакцию общества на поведение персонажей. Кроме того, из источника необходимо выявить ценностные стандарты изучаемого общества и конкретно-историческую ситуацию конфликта, предусматривающую возможность его мирного разрешения. При этом у всех участников конфликта должна быть обоснована собственная позиция, продиктованная представлениями об используемых ценностях. Результатом подобного подхода становится новая ценность, ставшая продуктом общественного консенсуса и жизнеспособная хотя бы в течение короткого исторического периода.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история чиновничества, Олонецкая губерния, методология истории, коммуникативный подход, Юрген Хабермас

Д л я ц и т и р о в а н и я : Савицкий И. В. Чиновник – это звучит гордо? К коммуникативным аспектам истории чиновничества середины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 98–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.698

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении трех последних веков термин «чиновник» претерпел серьезные изменения. Если в XVIII веке он был простым производным от слова «чин» и носил нейтральный оттенок, то к XX веку стал ассоциироваться с бюрократизмом и подхалимством. Для служащего советской эпохи эпитет «чиновник» носил явно выраженный оскорбительный оттенок, хотя официальное определение этого слова осталось прежним.

В последнее десятилетие история русского чиновничества неоднократно была объектом историографического изучения. Исследователи отмечают конкретно-исторический характер большинства публикаций и продолжение следования негативному стереотипу о характере гражданской службы, заложенному

еще в дореволюционный период. Однако если Е. Н. Курочкина акцентирует развитие научного интереса к количественным показателям (численность, происхождение, имущественное положение чиновничества) и истории мундира [12], то А. А. Оспанова существенно расширяет историографическое поле как в хронологическом, так и методологическом отношении, выделяя дополнительно формально-юридический, источниковедческий и историко-антропологический подходы [15]. Особую роль биографических исследований выделяет Н. Л. Семенова [24: 151]. Общей чертой историографических работ последних лет является игнорирование зарубежного влияния на отечественную историографию¹. «Не повезло» быть упомянутыми и известным региональным историкам (например, специалисту по истории сибирской администра-

ции Н. П. Матхановой). Вопросу «есть ли жизнь за МКАДом» частично посвящена историографическая статья О. А. Плех, отметившей терминологический и методологический плюрализм региональных работ, затрудняющий применение их результатов в компаративистских исследованиях [19: 269]. Любопытно, что в случае «историографического сдвига» к близкому по сути объекту исследования – российскому дворянству – в историографических публикациях резко превалирует историко-антропологический подход (к сожалению, практически не затрагивающий вопросы о службе дворянства) [1], что говорит о недооцененности антропологического (не говоря уже о феноменологическом) подхода при изучении истории российского чиновничества.

В методологическом отношении важную роль играют наблюдения С. В. Любичанковского, известного структурно-функциональным подходом в изучении губернаторской власти и выделившего четыре этапа в изучении чиновничества [13: 30]. Развитие карельской региональной историографии по этому вопросу хронологически точно соответствует предложенной им схеме. Конечно, круг авторов по истории конкретного региона не столь обширен, зато современные специалисты, как правило, владеют разными методологическими подходами. Помимо обычного краеведческого нарратива в описании отдельных биографий и исторических казусов, в историографии дореволюционного чиновничества Олонецкой губернии выделяется структурно-функциональный подход В. В. Ефимовой (блестяще работающей и в более узком русле историко-юридического исследования) [5], [6] и работы московского историка О. А. Плех [18], [20], успешно анализирующей как институциональную, так и социальную сторону развития губернского чиновничества (в основном на основе формулярных списков)². С этой темы в 1990-х годах начались исследования и автора данной статьи, прекращенные после перехода на госслужбу [22], [23].

Основа статьи была подготовлена к 2002 году и отложена автором в поисках новой методологии исследования. Цель настоящей публикации – применить коммуникативный подход к анализу локальных сюжетов на примере конфликтной ситуации среди петрозаводского чиновничества. Под коммуникативным подходом автор подразумевает взгляды крупнейшего современного немецкого философа Юргена Хабермаса, однако не ставит перед собой задачу составить полное представление о его многогранном творчестве³. Риск эксперимента связан не столько с его по-

лидисциплинарностью, сколько с отсутствием у самого Хабермаса интереса к локальным историческим исследованиям и, соответственно, определенной умозрительностью методологической конструкции автора. Поэтому для чистоты эксперимента была выбрана ситуация относительно тихого конфликта, эмоционально выраженного лишь в письменных документах, не приведшего к серьезным последствиям ни одну из сторон и таким образом имевшего потенциал требуемого Хабермасом консенсуса через дискурс – своеобразную процедуру продуцирования уже известных общественных норм, а верификации, проверки действительности норм новых, гипотетических. Рожденный Юргеном Хабермасом в споре с Лоренсом Кольбергом идеальный дискурс – это столкновение нескольких точек зрения (обоснованных с разных, уже принятых в обществе методологических позиций), порождающее новые ценностные ориентиры [25: 182]⁴. Вероятно, это явление можно было бы назвать «моментом истины» или своеобразным «аксиологическим катарсисом».

Использование философских и социологических подходов давно стало для историков обычной практикой и сопровождается оптимистичным мнением о том, что синтез философии и исторической науки может дать эффективные результаты исследования [4: 78], [9]. Использование методологии Ю. Хабермаса в исторических исследованиях было предложено М. В. Рядинской (М. В. Берберих) еще десять лет назад [21], но не было адаптировано ею для изучения конкретно-исторических ситуаций в локальных исследованиях⁵. Данная статья призвана освоить методику подобной работы. При этом хотелось бы заранее предостеречь исследователей от некритического использования методологии Ю. Хабермаса. Так, известны его высказывания по проблемам понимания, для которого (по его мнению) необходимо не только наблюдение, но и участие [25: 44]. Неприемлемость такого подхода для историков очевидна и в лучшем случае будет способствовать возврату к сентиментализму.

* * *

Уровень контроля за деятельностью служащих в дореформенный период был довольно высок. Помимо ежегодного (вплоть до 1858 года) представления послужных списков в Сенат он распространялся и на личную жизнь чиновника. На протяжении всей первой половины XIX века служащим было категорически запрещено входить в какие-либо общественные организации (лишь за 1820-е годы как минимум дважды

проводились проверки на непричастность чиновников к «тайным обществам»); некоторые категории служащих – военные чины, горные инженеры – не имели права вступать в брак без разрешения начальства. Частичная либерализация общественной жизни при Александре II привела к отмене ряда ограничений, и изменившиеся границы дозволенного служащие осваивали на практике.

Одним из методов такого освоения являлась обычная для служащего деятельность – составление различного рода текстов. Еще в конце 1820-х годов один из петрозаводских чиновников отмечал, что местные жители весьма склонны к просвещению.

«Крайне жаль, что сия охота к грамотности получила весьма вредное направление, ибо между здешними людьми господствует необыкновенная страсть к подаче просьб, большею частию затейных, и к хождению по судам. Едва ли где расходуется столько гербовой бумаги, как здесь»⁶.

В Национальном архиве Республики Карелия сохранилось много материалов о борьбе властей с «затейными» бумагами. Особенно их раздражало умение подчиненных направлять жалобы через голову начальства – например, прямо министру внутренних дел. Их поток был настолько силен, что в губернской прессе пришлось поместить целую статью о правильном порядке подачи жалоб, которые «бывают так маловажны, что не должны были доходить не только до министерства, но даже и до губернского начальства»⁷.

В июне 1862 года в центральной газете «Сын Отечества» был опубликован очерк секретаря Олонецкой казенной палаты Андрея Корниловича Лазарева с описанием быта губернского начальства:

«В последнее время во всех наших журналах и газетах то и дело стали появляться со многих городов России корреспонденции, в которых описываются различные явления общественной жизни. Факт утешительный; он показывает, что у нас в России в провинциальных городах началось движение и общество, после долгой слячки, начало понемногу продирать глаза и знакомиться с прогрессом, хотя многим спросонья и кажется еще довольно странным, как осмелился этот непрощенный гость забраться, без доклада, прямо в спальню... Но несмотря на это обилие корреспонденций, есть много городов, которые ни одной печатной строкой не заявили участия их в общем движении и не прислали ни одной интересной весточки. К числу таких городов принадлежит и наш скромный, стоящий в захолустье Петрозаводск. Однако вы не думайте, что он не успел еще познакомиться с прогрессом и вовсе не принимает участия в решении современных вопросов. <...> Любовь к чтению у нас развивается не по дням, а по часам. От этой любви к чтению уже начали созревать плоды. Самые законченные рутинеры, которые считали своего

подчиненного чуть не меньше нуля, и на поклон его отвечали одним движением бровей, теперь при встрече протягивают ему руку и выслушивают, хотя и с кислой гримасой, его замечания и суждения. В присутственных местах не стало больше раздаваться неистовых криков бюрократов: «Болван!.. дурак... ска-а-тина... Я выгоню тебя вон!..» и тому подобных милых выражений. Начальство стало попрестальнее вглядываться в своих подчиненных и уже не отличает их по ловкости в танцах, по белизне перчаток и по уменью говорить милый вздор; наущничество и низкопоклонство быстро исчезают»⁸.

При чтении данного текста создается ощущение, что его автор был знаком с коммуникативной теорией родившегося ровно через 67 лет Ю. Хабермаса. Во-первых, А. Лазарев использовал понятие «общество» в значении «общественность», подразумевая под ним не просто население города, а активно коммуницирующий слой людей, определяющий систему ценностей на местном уровне. Являясь государственным служащим, он воспринимал общество гораздо шире, чем требовалось его функциональными обязанностями. Позднее на допросе он признался, что

«занимаясь в свободное от служебных занятий время литературой, я посещал публичные собрания, гулянья, концерты и проч. с целью подметить что-либо новое, характеризующее современное состояние общества»⁹.

Во-вторых, он сходу определил уровень развития данного общества, отмечая у него интенсивное развитие любви к чтению. Это соотносится с результатами изучения творчества Ю. Хабермаса отечественными исследователями, выделяющими в теории немецкого философа несколько стадий развития общества; третья стадия – «общественность читающая» – служит началом интенсивного развития общественной коммуникации и относится в Европе ко второй половине XVII – началу XVIII века [21: 161] (расхождение времени изучаемого сюжета с европейской системой координат вряд ли должно смущать исследователей, привыкших к традиционно неравномерному развитию ценностей на европейском континенте). Наконец, объектом интереса Лазарева стала коммуникативная культура провинциального чиновничества, что делает его текст идеально подходящим для применения хабермасовской методологии. К сожалению, эмоциональная волна привела губернского секретаря к критической рефлексии.

«Однако же вы не подумайте, что наш Петрозаводск превратился в счастливую аркадию, и что мы, по милости прогресса и гласности, сделались чистыми и непорочными, как дети, нет, у нас имеются еще свои Хлестаковы, Мухомавлевы, Чичиковы, в лице Фертов, Кушелей,

Мышеловских, Козлов и Дубов, которые всякое проявление живой мысли считают за нарушение религии, правду – за дерзость»¹⁰.

А. Лазаревым упоминались реальные, чуть измененные фамилии (например, полковника корпуса жандармов князя А. А. Мышецкого). Стремление автора к работе с понятиями делает ему честь, однако публичное сравнение коллег с гоголевскими персонажами уже могло расцениваться ими как дерзость. В добавление ко всему сказанному Лазарев рассказал о махинациях при распределении средств от благотворительного концерта.

Ответ на статью был напечатан в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Анонимный автор представил собственную картину происшедшего, отрицая нарушения в распределении средств и показывая, что пишущий «не потрудился собрать более верных сведений о предметах, которые взялся передать во всеуслышание»¹¹. Лазарев ответил более подробным описанием злоупотреблений, указывая на выпуск более 6200 лотерейных билетов благотворительной лотереи вместо заявленных 4000, а также полугодовое исчезновение части денег, предназначенных для нужд бедных. В завершение чиновник разразился гневной характеристикой в адрес нечистых на руку служащих¹², явно не ощущая надвигающейся на себя опасности.

Стремление служащего «заявить участие в общем движении» вызвало вполне логичное желание начальства «вглядеться попристальнее» в своего подчиненного. Его первая статья была принята молча, зато по приведенным данным из второй публикации было начато следствие. А. Лазарев был приглашен на квартиру самого губернатора – генерал-майора Александра Александровича Философова и подробно расспрошен об источниках информации о махинациях. О факте беседы известно только со слов А. А. Мышецкого, считавшего публикации А. Лазарева способом очернить начальника губернии, позиции которого в столице не были прочными¹³. Подробное содержание беседы неизвестно, однако полноценного столкновения двух позиций на тот момент не получилось – автор нашумевших статей в качестве источника информации о махинациях ссылался только на слухи. На допросе у следователя он признавался, что «вслушивался в суждения, разговоры, замечания людей совершенно даже мне незнакомых, собирая тем материалы для задуманного мною литературного сочинения», считая глас народа гласом Божиим¹⁴.

Таким образом, эйфория от либерализации общественных отношений в стране привела в со-

знании молодого чиновника к ослаблению критического отношения к используемым материалам. Складывающееся представление о свободе как о возможности безответственного отношения к печатному слову буквально анестезировало чувство опасности. В итоге из-за письменного распространения слухов А. Лазарев был обвинен в клевете и отдан под суд.

На момент начала конфликта А. Лазареву было 33 года. Он воспитывался в Курском землемерном классе и с 1857 года работал петрозаводским уездным землемером. Два брака не принесли в семью детей. После увольнения в отставку по болезни в 1860 году он вновь поступил на службу в 1861 году, воспользовавшись льготами при устройстве на работу в Олонецкой губернии. Вниманием общественности обделен не был; происходя из податного сословия, А. Лазарев стал членом Петрозаводского Благородного собрания. Что же сподвигло его поставить под удар свое общественное положение? Мотивацию внешне иррациональных действий А. Лазарева можно попытаться объяснить с позиции коммуникативного подхода. По мнению Ю. Хабермаса,

«целенаправленное действие может быть названо рациональным только тогда, когда деятельность актора соответствует условиям, которые необходимы для осуществления замысла с успехом осуществить вмешательство в мире» [27: 315].

Благодаря александровским реформам и ослаблению цензуры определенные условия для публикации статьи А. Лазарева действительно сложились, и на момент 1862 года вполне могло казаться, что публикация в центральной прессе способна стать звеном в цепи улучшений общественной жизни. При этом начальство губернии вовсе не собиралось разочаровывать в этом автора; неизвестно, какие воспитательные беседы вело с А. Лазаревым его непосредственное руководство, однако рациональная позиция губернатора А. А. Философова состояла лишь в пресечении конкретных противозаконных действий чиновника.

Безусловно, публикация могла иметь совсем другие последствия, если бы автор воздержался от критики существовавших порядков и создал называемый Ю. Хабермасом «резерв обоснования», способствующий достижению рационально мотивированного согласия [27: 316]. Внешне это по сей день выражается в визирировании публикации служащего вышестоящим начальством, но главное содержательное свойство должно было заключаться в демонстрации положительных черт общественной жизни. Созда-

ние присутствий по крестьянским делам могло стать поводом по-новому посмотреть на роль профессионального «бюрократа», однако А. Лазарев по сути транслировал негативные впечатления из дореформенной жизни. Играя на контрасте с предыдущим периодом, он слишком вяло показал положительные изменения в служебной деятельности. Забегая вперед, это можно объяснить малым объемом имеющегося у него материала, ведь на момент публикации статьи не существовало ни земских, ни городских собраний, а в Олонецкой губернии после 1841 года не функционировало и губернское дворянское собрание. На таком фоне малейшее общественное изменение спровоцировало творческий подход чиновника к своей служебной деятельности.

Однако наиболее точно мотивацию А. Лазарева можно выявить благодаря коммуникативному подходу Ю. Хабермаса. Говоря об «узлах коммуникации», необходимо определить средства массовой информации как один из «узлов», транслирующих свои ценностные представления на читающую аудиторию того периода. И А. Лазарев интуитивно стремился стать первым таким «транслятором», первооткрывателем новостей общественной жизни Олонецкой губернии, создав вокруг себя авторитет светского эксперта. В неофициальной части «Олонецких губернских ведомостей» эту роль играли исторические и путевые публикации П. Рыбникова и К. Петрова. В них была сильная сторона – своей внешней беспроблемностью они могли способствовать «рациональному согласию», однако часть газетной аудитории ожидала более острых сюжетов. Эту нишу и стремился занять Лазарев. В какой-то степени это удалось, если его материал оказался интересен спустя полтора столетия. Однако независимо от результата его, по сути, журналистской деятельности, в его служебные функции это не входило и не могло поощряться в профессиональной среде.

Тем не менее общество не было единым в отношении данного поступка. Помимо некоторых коллег по работе, на сторону чиновника Казенной палаты встал судебный следователь Малиновский, отметивший отсутствие указаний в статье на конкретные фамилии, жалоб от пострадавших и ответный характер второй публикации А. Лазарева, вынужденного оправдываться от обвинения в клевете. По мнению следователя, «в равной степени заслуживает расследования и тот неизвестный автор, который вызвал Лазарева к ответу»¹⁵. Попутно выяснилось, что А. Лазарев страдал пороком сердца.

Палата уголовного и гражданского суда отвергла доводы Малиновского, так как губерна-

тор видел в поступке А. Лазарева прежде всего выступление «противу мест правительственных», а вычислить личности «пострадавших» не составляло большого труда. Однако дело растянулось более чем на год, его материалы составили два тома. Общество колебалось; в мае 1863 года губернский секретарь А. Лазарев был назначен младшим, а уже в августе – старшим чиновником особых поручений при новом губернаторе Юлии Константиновиче Арсеньеве¹⁶, сразу направившем молодого правдорука в комиссию для распределения денежных средств (в числе ее членов был и князь Мышецкий, в августе того же года уволенный со службы с повышением в чине генерал-майора)¹⁷. Лично знакомый с М. Ю. Лермонтовым в последний год жизни поэта, сам до этого служивший чиновником особых поручений при министре внутренних дел, активный сторонник освобождения приписных крестьян и развития просвещения в губернии [11: 66–69], Ю. К. Арсеньев оказался для провинциального либерала настоящим спасением. Описанные в статьях А. Лазарева слухи о махинациях частично подтвердились. В феврале 1864 года он был назначен помощником Петрозаводского уездного исправника, а через десять дней палата гражданского и уголовного суда признала А. Лазарева невиновным, постановив «предоставить его начальству внушить ему на время быть осмотрительнее в литературных своих произведениях»¹⁸. Общественный консенсус был найден: государственный служащий подтвердил свое право на публичное высказывание своего мнения без согласования его с начальством¹⁹. Сам губернатор на тот момент был в отъезде, лично встречался с императором и в ходе судебного процесса участия не принимал.

А. Лазарев был не единственным, кто размышлял в местной прессе о роли чиновников. Так, краеведческая деятельность члена Олонецкого статистического комитета Константина Михайловича Петрова была хорошо известна и не вызывала сомнений в благонадежности, что позволило ему в ноябре 1862 года излить душу в своих этнографических записках на страницах «Олонецких губернских ведомостей» (его статьи публиковали также газета «Русский дневник» и журнал «Лучи» [17: 352]).

«Известно, – писал он, – как трудно добиться каких-нибудь верных сведений от народа “барину”, и тем более чиновнику. Его звание, дорожная, вся обстановка его езды как-то не внушают к нему народного доверия; крестьянин всегда склонен к подозрению, что у чиновника есть пожалуй какое-нибудь “касательное” до него дело, а если касательного дела и нет, то самая личность чиновника, его понятия, его привычки делают его чужим для крестьянина»²⁰.

Однако негативная коммуникация – тоже коммуникация, и автор смотрел на нее достаточно оптимистично. Чтобы преодолеть народное недоверие, по его мнению,

«надо носить в себе уважение к самостоятельности религиозных верований народа, к особенностям его быта, к тяжкому труду землепашца, работника и ремесленника, и отбросить в сторону некоторые кабинетные предрассудки и барские замашки».

Для наблюдательного автора это был максимум в описании отношения народа к государству, в котором власть привычно использовала лишь контролирующие и репрессивные механизмы. Литературный стиль и уважение к описываемым объектам подстраховывали его от любых «барских замашек» цензуры, показывая, что опытный автор не нуждается в эпатаже.

Таким образом, несколько лет после отмены крепостного права дали возможность гражданским служащим использовать прессу в качестве проводника своих мыслей и настроений. Этот период был недолгим. Вскоре после окончания суда над А. Лазаревым, 29 августа 1864 года был подписан циркуляр начальникам губерний, запрещающий помещение в прессе статей полемического содержания. При этом олонекским губернаторам о нем напоминали персонально (подробнее об усилении контроля за губернской прессой см. [28]). Государству были не нужны результаты общественной работы по созданию социального консенсуса; оно решило пойти привычным путем и подменить его результатами подавления общественной активности.

ВЫВОДЫ

Таким образом, коммуникативный подход может быть применим к краеведческим исследованиям с анализом их конкретных случаев. Однако каковы конкретные условия для его использования? На основе изложенного материала представляется возможным выделить несколько условий применения теории коммуникативного действия при изучении конкретно-исторических ситуаций.

Во-первых, источниковая база должна позволять анализировать коммуникацию как между

историческими персонажами, так и государственными, общественными институтами, показывать реакцию современного изучаемому объекту общества на его поведение, являющееся своеобразным коммуникативным действием. Без этого невозможна та интересобъективность, которую Ю. Хабермас определил как самосознание через «возвращение к самому себе» из взаимоотношений с другими [25]. Поэтому для историка в первую очередь необходимо изучение реакции аутентичного историческому объекту общества, с которым у объекта исследования осуществлялась прямая коммуникация.

Во-вторых, источник должен выявлять ценностные стандарты изучаемого общества. Ю. Хабермас делает акцент на эмоциональную составляющую используемых текстов [26: 254–255], но понятно, что на это направление работает вся его идея интересобъективности. Вполне естественно, что для исследования представляют интерес те ценности, которые характерны для определенных общественных групп – профессиональных, сословных, возрастных, гендерных. При этом индивид под влиянием общественных и психологических факторов может не принадлежать, но претендовать на принадлежность к определенной общности, доказывая это своими коммуникативными действиями, которые не только отражают его собственную позицию, но и провоцируют общество на ответ, тестируют устоявшиеся в конкретной общественной группе ценности на прочность.

Наконец, при работе с источниковой базой необходимо не просто выявлять действующие ценностные нормы, изначально заданные источником. Для создания дискурса источник должен содержать конкретно-историческую ситуацию конфликта, предусматривающую возможность его предпочтительно мирного разрешения. При этом у всех участников конфликта изначально обоснована собственная позиция, продиктованная представлениями об используемых ценностях. Результатом подобного подхода становится новая ценность, являющаяся продуктом общественного консенсуса и жизнеспособная хотя бы в течение короткого исторического периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При изучении российского чиновничества целесообразно вспомнить исследования формулярных списков Вальтера Пинтнера [30] и теоретические наблюдения Ричарда Пайпса, указавшего несколько отличий российской государственной службы от европейской [16: 71–73]. Эти наблюдения любопытно сравнивать с выделенными З. О. Губбеевой чертами бюрократии как социальной группы [4: 73]. Частично они просматриваются и в работе Л. Е. Шепелёва, резонно считавшего неверными любые однозначные оценки российского дореволюционного чиновничества [29: 448].

- ² Необходимо отметить, что мировоззрение государственных служащих (в основном военных) также является объектом изучения петрозаводских историков, прежде всего сторонника лингвистического подхода Е. В. Каменева, но его работы не имеют региональной направленности [7], [8].
- ³ Полнее всего теории коммуникативного действия как «действия, ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия» [25: 196] и «жизненного мира» раскрыты в работах О. Е. Вербилович [2], Ю. А. Кимелева и Н. Л. Поляковой [9], [10].
- ⁴ Наиболее полно хабермасовское понимание дискурса рассмотрено в работе профессора СПбГУ Б. В. Маркова [14: 325–327, 364].
- ⁵ В своей диссертации М. В. Рядинская (М. В. Берберих) максимально приблизилась к теме данной статьи, указывая на дуализм положения чиновника в системе общественной коммуникации: с одной стороны, он является представителем государства и проводником его воли, с другой – может входить в общественные организации и являться представителем общественности. См.: Берберих М. В. Коммуникативный подход и историческая концепция Юргена Хабермаса: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2011. С. 17.
- ⁶ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 27, оп. 2, д. 4/53, л. 1 об.
- ⁷ Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 16 (27 апреля). С. 71.
- ⁸ Сын Отечества. 1862. № 133 (4 июня). С. 1038–1039.
- ⁹ НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 230/2416, л. 48.
- ¹⁰ Сын Отечества. 1862. № 133 (4 июня). С. 1038–1039.
- ¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1862. № 153 (15 июля). С. 669.
- ¹² Сын Отечества. 1862. № 196 (16 августа). С. 1538–1539.
- ¹³ НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 230/2416, л. 121.
- ¹⁴ НА РК, ф. 9, д. 230/2416, л. 48 об., 53.
- ¹⁵ НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 230/2416, л. 30–31.
- ¹⁶ Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 21 (1 июня). С. 92; № 31 (10 августа). С. 135.
- ¹⁷ Там же. № 22 (22 июня). С. 108; № 36 (14 сентября). С. 155.
- ¹⁸ НА РК, ф. 9, оп. 1, д. 230/2417, л. 19.
- ¹⁹ Любопытно, что исследователь творчества Ю. Хабермаса Б. В. Марков считает, что юридический приговор остается внешним, формальным фактором и не ведет к примирению [14: 353]. По-видимому, это мнение основано на тезисе Хабермаса о том, что согласие невозможно навязать другой стороне и продукт внешнего воздействия нельзя считать согласием [25: 200]. Однако применение методологии Хабермаса на конкретном историческом материале позволяет опровергнуть этот довод.
- ²⁰ Петров К. М. Заметки с дороги. И. С. Аксакову // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 43. 10 ноября. С. 109–110.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баринаева Е. П. Дворянство России второй половины XIX – начала XX века: современная историография // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3–2. С. 548–557.
2. Вербилович О. Е. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. С. 35–52.
3. Виноградова Т. В. Делопроизводство губернских административных учреждений в первой половине XIX в.: В 3 ч. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014.
4. Губбьева З. О. Бюрократия в российской философии истории // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 5 (40). С. 73–79.
5. Ефимова В. В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 832 с.
6. Ефимова В. В. О причинах и последствиях конфликта губернатора А. А. Философова с губернскими чиновниками // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. В печати.
7. Каменев Е. В. «Сыны отечества»: к вопросу о формировании декабристской идеологии // Россия XXI. 2012. № 5. С. 74–101.
8. Каменев Е. В. Понятие «закон» в мировоззрении декабристов // Россия XXI. М., 2013. № 6. С. 74–103.
9. Кимелев Ю. А. Методология исторического познания // Метод. 2011. № 2. С. 107–131.
10. Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л. Концепция общества Юргена Хабермаса // Современные социологические теории общества. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 80–106.
11. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонецкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Петрозаводск: Паритет, 2006. 100 с.
12. Курочкина Е. Н. Российское чиновничество XIX века. Эволюция историографических подходов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 2 (49). С. 276–280.
13. Любичанковский С. В. Развитие новых подходов к изучению института губернаторства конца XIX – начала XX в. в современной отечественной исторической науке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 2 (27). С. 30–35.
14. Марков Б. В. Мораль и разум // Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 287–377.

15. Оспанова А. А. Изучение чиновничества в российской исторической науке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 499–502.
16. Пайпс Р. Русская революция. М.: Росспэн, 1994. Ч. 1. 397 с.
17. Пашков А. М. К. М. Петров – исследователь Вытегорского края // Вытегра: Краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1997. Вып. 1. С. 351–374.
18. Плех О. А. Численность и состав служащих Олонецкой губернии в первой половине XIX в.: источники и их интерпретация // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М., 2019. С. 441–449.
19. Плех О. А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 258–272.
20. Плех О. А. Состав чиновничества Олонецкой губернии в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 2. С. 58–69. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.450
21. Рядинская М. В. Хабермас и коммуникативный подход как новая методология исторического познания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2 (18). С. 159–165.
22. Савицкий И. В. О численности и составе дворянства Европейского Севера России первой половины XIX в. (По материалам Олонецкой губернии) // Вопросы истории Европейского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 120–126.
23. Савицкий И. В. Чиновничество Олонецкой губернии в XIX – нач. XX вв. // Интеллигенция. Провинция. Отечество: проблемы истории, культуры, политики. Иваново: ИвГУ, 1996. С. 102–104.
24. Семенова Н. Л. Местное управление в Российской империи в первой половине XIX в.: проблемы современной историографии // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2019. С. 150–159.
25. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 377 с.
26. Хабермас Ю. Спектр критикуемых выражений // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V. Вып. 1–2 (15–16). С. 254–263.
27. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. Вып. 3–4 (13–14). С. 303–320.
28. Шевцов В. В. Правовое положение официальной губернской прессы в системе периодической печати Российской империи // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 34 (4). С. 572–581.
29. Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство – СПб, 2001. 479 с.
30. Pintner W. The social characteristics of the early nineteenth century Russian bureaucracy // Slavic Review. 1970. Vol. 29. № 3, Sept. P. 429–443.

Поступила в редакцию 25.05.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Ivan V. Savitsky, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
sawiz@onego.ru

DOES THE WORD “OFFICIAL” HAVE A PROUD RING? COMMUNICATIVE ASPECTS OF RUSSIAN OFFICIALDOM HISTORY IN THE MID-NINETEENTH CENTURY

Abstract. The history of Russian civil officialdom in the XIX century, including its regional aspects, has attracted research interest over the past fifty years. Many local history publications, however, are still characterized by narrative or story-like structure, although modern historical science uses a much broader range of methods and approaches. This paper is aimed at using Jürgen Habermas’s communicative approach for analyzing local narratives by studying a particular case of a conflict among the officials in the city of Petrozavodsk in order to test the validity of his theory when applied to local historical material. The author makes a conclusion that Habermas’s approach can be used for local history research and specific case studies. To that end, the source base should enable the researcher to analyze communication between the historical actors or the state’s public institutions and reveal the social response to their actions. Sources should also somehow identify the value standards of the society under study and represent the specific historical circumstances of the conflict, which provide an opportunity to settle it peacefully. In addition, all sides to the conflict should have their own justified positions determined by their perceptions of the involved values. Such approach is expected to result in a new value that will be a product of social consensus, viable at least for a short historical period.

Keywords: Russian officialdom, Olonets province, history methodology, communicative approach, Jürgen Habermas

For citation: Savitsky, I. V. Does the word “official” have a proud ring? Communicative aspects of Russian officialdom history in the mid-nineteenth century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):98–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.698

REFERENCES

1. Barinova, E. P. Russian nobility since the middle of the 19th century to the early 20th century: contemporary historiography. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2014;16(3–2):548–557. (In Russ.)
2. Verbilovich, O. E. The theory of communicative action: key categories and cognitive potential. *Public domain: theory, methodology, case study*. Moscow, 2013. P. 35–52. (In Russ.)
3. Vinogradova, T. V. Recordkeeping in provincial administrative agencies during the first half of the XIX century. In 3 vols. Petrozavodsk, 2014. (In Russ.)
4. Gubbyeva, Z. O. Bureaucracy in the Russian philosophy of history. *Vestnik of Astrakhan State Technical University*. 2007;5(40):73–79. (In Russ.)
5. Yefimova, V. V. Governors general of the European North: their place and role in the system of government bodies and state administration of the Russian Empire (1820–1830). St. Petersburg, 2018. 832 p. (In Russ.)
6. Yefimova, V. V. The reasons and consequences of the conflict between governor A. A. Filossofov and the governorate officials. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8). In print. (In Russ.)
7. Kamenev, E. V. The fatherland's sons: on shaping of the Decembrist ideology. *Russia XXI*. 2012;5:74–101. (In Russ.)
8. Kamenev, E. V. Concept of law in the Decembrist's world view. *Russia XXI*. 2013;6:74–103. (In Russ.)
9. Kimelev, Yu. A. Methodology of historical cognition. *Method*. 2011;2:107–131. (In Russ.)
10. Kimelev, Yu. A., Polyakova, N. L. Jürgen Habermas's concept of society. *Modern sociological theories of society*. Moscow, 1996. P. 80–106. (In Russ.)
11. Korablev, N. A., Moshina, T. A. Olonets governors and governors general: Biographical directory. Petrozavodsk, 2006. 100 p. (In Russ.)
12. Kurochkina, E. N. Russian officialdom of XIX century. Evolution of historiographic approaches. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2011;2(49):276–280. (In Russ.)
13. Lyubichankovskiy, S. V. The governor institute new study methods development in late XIX – yearly XX century in modern domestic historical science. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2004;2(27):30–35. (In Russ.)
14. Markov, B. V. Morality and reason. *Habermas J. Moral conscience and communicative action*. St. Petersburg, 2001. P. 287–377. (In Russ.)
15. Ospanova, A. A. Studying of officialdom in the Russian historical works. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015;17(3):499–502. (In Russ.)
16. Pipes, R. The Russian Revolution. Moscow, 1994. Part 1. 397 p. (In Russ.)
17. Pashkov, A. M. Konstantin Petrov – explorer of Vytegra. *Vytegra: local lore almanac*. Vologda, 1997. Issue 1. P. 351–374. (In Russ.)
18. Plekh, O. A. The number and composition of public officials in the Olonets province during the first half of the XIX century: sources and their interpretation. *History of Russia from ancient times to the XXI century: problems, discussions, new views*. Moscow, 2019. P. 441–449. (In Russ.)
19. Plekh, O. A. Russia's provincial officialdom during the first half of the XIX century: Russian historiography in the late XX and the early XXI centuries. *Topics in the Study of History*. 2019;11:258–272. (In Russ.)
20. Plekh, O. A. Staff composition of civil service institutions in the Olonets province during the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(2):58–69. (In Russ.)
21. Ryadinskaya, M. V. Yu. Habermas and communicative approach as a new methodology of historical knowledge. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2010;2(18):159–165. (In Russ.)
22. Savitsky, I. V. The number and composition of nobility in the north of European Russia during the first half of the XIX century (the case of the Olonets province). *Topics in the study of history of the European North: Collection of articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 120–126. (In Russ.)
23. Savitsky, I. V. The officialdom of the Olonets province in the XIX and the early XX centuries. *Intelligentsia. Province. Homeland: issues of history, culture, and politics*. Ivanovo, 1996. P. 102–104. (In Russ.)
24. Semanova, N. L. Local government in the Russian Empire during the first half of the XIX century: issues of modern historiography. *Russia in wars and local military conflicts of the XX and the early XXI century*. Sterlitamak, 2019. P. 150–159. (In Russ.)
25. Habermas, J. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg, 2001. 377 p. (In Russ.)
26. Habermas, J. Spectrum of the criticized expressions. *Personality. Culture. Society*. 2003;5(1–2):254–263. (In Russ.)
27. Habermas, J. The theory of communicative action. *Personality. Culture. Society*. 2002;4(3–4):303–320. (In Russ.)
28. Shevtsov, V. V. Legal status of the official provincial print media in the periodical press system of the Russian Empire. *Bylye Gody. Russian Historical Journal*. 2014;34(4):572–581. (In Russ.)
29. Shepelev, L. E. The world of Russian officialdom (XVIII – early XX centuries). St. Petersburg, 2001. 479 p. (In Russ.)
30. Pintner, W. The social characteristics of the early nineteenth century Russian bureaucracy. *Slavic Review*. 1970;29(3):429–443.

Дискуссии

От редакции. Автор статьи – историк, публикует научно-популярные книги и является заместителем председателя Карельского просветительского общества Финляндии, которое специализируется на вопросах изучения истории Беломорской Карелии. Им написаны труды: «Беломорская Карелия 1918. Когда Первая мировая война пришла в Карелию» (Viena 1918. Kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä: Docendo, 2018) и «Беломорская Карелия 1919–1922. Когда Советская власть пришла в Карелию» (Viena 1919–1922. Kun neuvostovalta tuli Karjalaan. Jyväskylä: Docendo, 2020). Данная статья также имеет научно-просветительский характер: она знакомит русскоязычного читателя с главными достижениями финляндской историографии по избранной проблеме.

Научная статья
DOI: 10.15393/uchz.art.2021.699
УДК 94(470.22)

Отечественная история

ПЕККА ВААРА

заместитель председателя
Карельское просветительское общество
(Хельсинки, Финляндия)
pekka.vaara@hotmail.com

ОТ «ПЛЕМЕННЫХ ВОЙН» ДО ТАРТУСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА
И КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

А н н о т а ц и я . Рассматривается договор о мире, заключенный между Советской Россией и Финляндией в Тарту 14 октября 1920 года. Изучены исторические события на территории нынешней Республики Карелия, которые повлияли на переговоры о мирном договоре и на его содержание. Текст статьи представляет краткий обзор «племенных войн», интервенции Великобритании, национальных стремлений карелов, операций Красной армии в Карелии и основания Карельской трудовой коммуны. Основной вывод статьи заключается в том, что военные походы из Финляндии и Тартуские мирные переговоры значительно ускорили переход Российской Карелии под управление Красной армии и к советской власти, созданной в лице Трудовой коммуны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : племенные войны, Тартуский мир, Карельская трудовая коммуна, британская интервенция на Севере России

Б л а г о д а р н о с т и . Выражаю искреннюю признательность Тойво Тупину за перевод статьи с финского на русский язык.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ваара П. От «племенных войн» до Тартуского мирного договора и Карельской трудовой коммуны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.699

ВСТУПЛЕНИЕ

В эстонском городе Тарту немногим более ста лет тому назад, 14 октября 1920 года, был подписан мирный договор между Советской Россией и Финляндией. Этим договором была определена, в частности, линия государственной границы между недавно получившей независимость Финляндией и вступившей на путь советской власти Россией. Мирному договору предшествовали различные политические события мирового масштаба и местного значения, которые повлияли и на ход переговоров, и на само содержание договора. Я вкратце расскажу о племенных войнах, британской военной интервенции, о национальных устремлениях карелов, операциях Красной армии в Карелии и об основании Карельской трудовой коммуны.

ПЛЕМЕННЫЕ ВОЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ
(HEIMOSOTARETKET) ИЗ ФИНЛЯНДИИ
В КАРЕЛИЮ В 1918–1922 ГОДАХ

Совершаемые из Финляндии в Карелию так называемые племенные военные экспедиции были в 1918–1922 годах исключительно важным фактором, который влиял на жизнь карелов. По разным данным, за те годы было организовано от 5 до 10 военных экспедиций из Финляндии в различные регионы Карелии: Петсамо, Беломорскую Карелию, Реболы и Олонец. Эта деятельность продолжалась даже после заключения Тартуского мира, когда финские добровольцы принимали участие во вспыхнувшем в Беломорской Карелии так называемом восстании лесных партизан против советской власти.

Племенная война (heimosota) – это особое историческое понятие. Heimo – племя, то есть

«братские народы», за освобождение которых, как верили финны, они шли бороться. Война была направлена против «извечного угнетателя», как было принято говорить тогда, и целью ставилось отделение территории Карелии от России и присоединение ее к Финляндии.

Предысторией, на фоне которой развивалась идея племенных военных походов, было разившееся в Финляндии в конце XIX века культурное движение карелианизм. Оно породило идеалистическое политическое движение, которое грезило о присоединении братских регионов Карелии к независимой Великой Финляндии. К этим движениям примыкали и переехавшие на жительство в Финляндию карельские купцы. Они представляли более практическую точку зрения и верили в то, что экономическое и духовное развитие их родных мест возможно только в составе Финляндии.

Весной 1918 года, когда в Финляндии еще шла гражданская война, была организована первая военная экспедиция. Это была инициатива добровольцев, в которой финская белая армия не принимала участия, но которая получила одобрение правительства Финляндии и руководства армии. Эта военная экспедиция осуществлялась в двух направлениях: из Лапландии в северную Беломорскую Карелию и из Кайнуу в южную Беломорскую Карелию. Для прибывших из-за границы финских бойцов-соплеменников было большой неожиданностью и разочарованием, что карелы не хотели идти на борьбу

против России. Население деревень слушало с недоверием людей, прибывших из-за границы с оружием, которые говорили им, что они пришли их освободить. В памяти карелов всплыли истории, поведенные им предками, о пришедших грабить и разрушать, прибывших через границу врагах «руоччи» – шведах.

Жители сел Беломорской Карелии были в замешательстве и разделились во мнениях. Какая-то часть карелов поддерживала присоединение к Финляндии, а какая-то хотела оставаться в составе революционной России. Большая же часть народа хотела остаться в стороне от всех этих дел и просто жить в мире и спокойствии. Вернувшись с фронтов мировой войны молодые мужчины поднялись на борьбу, но не на стороне финнов, а против них. Карельские солдаты, собравшиеся в городе Кемь, создали весной 1918 года гвардию и нашли себе союзников из британских войск. Под руководством британцев был сформирован ими же оснащенный и вооруженный Карельский отряд, который осенью 1918 года прогнал воинов-соплеменников из Беломорской Карелии¹.

В северной части Беломорской Карелии белофиннов встречал Мурманский красный финский легион, сформированный в Кандалакше из финских железнодорожников и перешедших через границу красных беженцев. Этот отряд тоже был создан и оснащен при поддержке британцев. При помощи этого легиона села северной Беломорской Карелии были под контролем и в руках красных финнов до осени 1919 года².

Весной 1919 года новая финская экспедиция «воинов-соплеменников» была готова освободить Олонец от советской власти и присоединить его к Финляндии. Финны продвинулись по берегу Ладоги до Лодейного Поля, на севере – до окраин Петрозаводска. Их встретила в Олонце получившая подкрепление Красная армия, в которую были набраны также красные карелы и финны. Поход братских воинов-соплеменников завершился отступлением в Финляндию в августе 1919 года³.

С точки зрения последующих событий имеет значение, как эти племенные военные экспедиции выглядели в глазах советского правительства. Петроград и Москва рассматривали их как финские захватнические походы, которые достигали Мурманской железной дороги. Весной 1918 года финны продвинулись до окраин Кемь, а весной 1919 года до Лодейного Поля и оказались на подступах к Петрозаводску. Эти вторжения выглядели угрожающими для жизненно важных приграничных территорий России

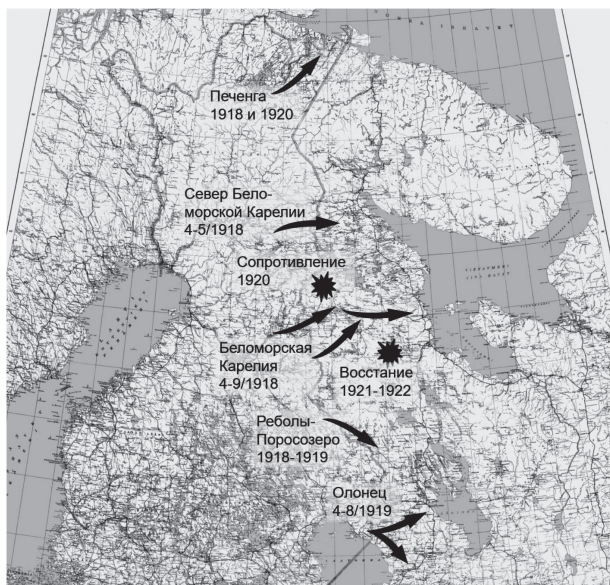

Рис. 1. Организованные в 1918–1922 годах племенные военные экспедиции из Финляндии в Карелию (рис. Пекки Ваара)

Figure 1. The kindred military expeditions from Finland to Karelia in 1918–1922 (ill. by Pekka Vaara)

и железнодорожного сообщения между Петроградом и Мурманском. Эту угрозу нужно было устранять. Советское правительство сосредоточило части Красной армии для взятия Карелии под контроль в большей степени, нежели этого требовала обстановка в условиях Гражданской войны в России.

БРИТАНСКАЯ ВОЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Великобритания совершила высадку своих морских пехотинцев в Мурманске весной 1918 года. Возникает вопрос: а что британцы делали в это время на севере России? Неужели у них не было своих забот с Германией на западном фронте? За этим стоит Брестский мир, заключенный 3 марта 1918 года в Брест-Литовске, по которому Советская Россия вышла из мировой войны и этим высвободила десятки германских дивизий для использования на западном фронте. В то же самое время, когда Лондон получил информацию о Брестском мире, пришла и весть о высадке немцев в Финляндии. Совпадение по времени этих событий дало британскому военному командованию и Министерству иностранных дел почву для предположений, что Германия намеревается использовать Финляндию как плацдарм для атаки на Россию⁴.

Рис. 2. Финские бойцы племенных войск в Ухте весной 1918 года (Архив Карельского просветительского общества, электронная база данных «Сампо»: www.karjalansivistysseura.fi/sampo)

Figure 2. Finnish kindred warriors in Ukhta, spring of 1918 (the Archives of the Finnish Educational Society/Karjalan Sivistysseura, SAMPO database: <https://www.karjalansivistysseura.fi/sampo/>)

Британцы были очень сильно озабочены тем, что Германия продвинется через Финляндию к Мурману и завладеет морскими транспортными путями Ледовитого океана. Западные державы поставляли огромные запасы военных и продовольственных грузов в портовые скла-

ды Мурманска и Архангельска, где они дожидались дальнейшей отправки на фронт. У западных союзников (Антанты) была необходимость поддерживать давление на Германию и на востоке, чтобы она не смогла высвободить все свои войска и перебросить их на Западный фронт. Через пару дней после заключения Брестского мира британские корабли, находившиеся в Мурманском порту, получили распоряжение высадить войска и взять порт под свой контроль.

Другое совпадение событий по времени произошло 21 марта 1918 года, когда Германия начала крупное наступление на французском фронте. В тот же самый день финские воины-соплеменники перешли в селе Раатте финляндско-русскую границу между финским Кайнуу и Беломорской Карелией. В Генеральном штабе Великобритании, естественно, сделали соответствующий вывод, что и эти операции были спланированы в Генеральном штабе Германии.

Британцы приняли решение о подкреплении своих войск в Мурманске в начале июня. У них было очень мало войск для переброски на Север России, так как армии были задействованы в решающих сражениях на французском фронте. Однако у британцев было одно преимущество, которого не было у действующих на этой территории других стран. Военная промышленность Британской империи была способна производить эффективно боеприпасы и продовольствие. Это было твердой валютой, когда британцы нанимали себе союзников. Когда в сражениях мировой войны появился перерыв, то на север потянулось очень много разных людей, которые сражались на стороне России против Германии. По Мурманской железной дороге прибыло около 5000 сербских солдат, сотни французов и польских артиллеристов, тысячи русских белогвардейцев, офицеров и солдат⁵. Когда к ним присоединились красные финны Кандалакши и карелы Кеми, то под командованием британцев уже в июле 1918 года были многонациональные вооруженные войска численностью в несколько тысяч. С их помощью «братских» финских соплеменников легко изгнали из Беломорской Карелии. После этого войска можно было направить против Красной армии. Мировая война завершилась в ноябре 1918 года капитуляцией Германии, но британцы оставались на Мурмане и в Карелии еще до сентября 1919 года.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ КАРЕЛОВ

Наряду с племенными военными экспедициями финнов и военными операциями британцев имели место и национальные устремления

карелов. Националистические идеи получили отклик особенно в Беломорской Карелии, меньше в Олонецкой Карелии. На фронтах мировой войны много говорили о праве малых народов на самоопределение. Карельские солдаты усвоили эту мысль, в частности, из большевистской пропаганды⁶.

В Беломорской Карелии в 1917–1920-х годах проводились многочисленные гражданские собрания. Идеи автономии или независимости распространялись среди народа, принимались решения для их осуществления. О стремлении достичь автономии первый раз приняли решение на собрании, проведенном в Ухте в июле 1917-го. О присоединении к Финляндии на собраниях в Беломорской Карелии было принято решение только один раз – в марте 1918 года в Ухте. Тогда на это решение сильно повлияли прибывшие из Финляндии карельские лидеры, а также известие о роспуске Всероссийского Учредительного собрания в январе. В Беломорской Карелии большие ожидания связывали с новой конституцией. Таким образом, разгон Учредительного собрания был большим разочарованием.

Зимой 1918/19 года в Беломорской Карелии власть была в руках Карельского отряда. Изгнав финских воинов-соплеменников из Беломорской Карелии, они создали в феврале 1919 года в Кемпи Съезд представителей карельских волостей. Среди делегатов съезда были карелы, поддерживающие различные социалистические идеи, а также те, кто стоял на националистических позициях. В Кемпи было принято решение о самостоятельной Карелии и созыве Учредительного собрания карельского народа для утверждения этого решения. Обращение с просьбой об оказании поддержки было направлено королю Англии и президенту США.

Летом 1919 года карельские лидеры, ориентированные на Финляндию, и руководство Кемского Учредительного собрания карельского народа решили пойти на примирение и объединить усилия. В июле 1919 года в Ухте они создали объединенное Временное правительство, которое называли Ухтинской республикой. Власть находилась под руководством этого Временного комитета (Тоймикунты) до весны 1920 года. В конце марта вновь в Ухте был созван съезд, на этот раз – Съезд представителей карельских волостей. В волостях Беломорской Карелии были проведены выборы, на которых избрали 120 делегатов. Съезд принял решение об отделении Карелии от России, но окончательное решение о государственном статусе Карелии должно было быть принято только после всенародного голосования. Во Временное правитель-

ство были избраны новые члены, и ему был дан наказ организовать всеобщее народное голосование по вопросу о независимости Карелии и о возможном союзничестве либо с Финляндией, либо с Советской Россией⁷.

Во время Съезда представителей карельских волостей в Ухте находился также красноармейский отряд и некоторые агитаторы советской власти. Их красноречивые выступления о светлом будущем в составе Советской России не убедили карельских делегатов. Съезд принял распоряжение о том, чтобы агитаторы и красноармейские части покинули Ухту, что и было исполнено.

Рис. 3. Делегаты Вокнаволоковской волости на Ухтинском съезде представителей карельских волостей в марте 1920 года (Карельское просветительское общество, электронная база данных «Сампо»: www.karjalansivistysseura.fi/sampo)

Figure 3. The delegates of the Voknavolok District at the Ukhta Congress of the Karelian Districts' Representatives, March of 1920 (the Archives of the Finnish Educational Society/Karjalan Sivistysseura, SAMPO database: <https://www.karjalansivistysseura.fi/sampo/>)

Ухтинский съезд имел большое значение, так как он пробудил советское руководство как в Петрограде, так и в Москве и заставил понять, что к национальным стремлениям карелов следует относиться серьезно и с ситуацией в Карелии нужно что-то делать. В то же самое время, когда Временное правительство Беломорской Карелии вело подготовку ко Второму съезду представителей карельских волостей, на фронтах Гражданской войны в России ее исход решался в пользу красных. Красная армия наступала и на Севере России, а в феврале ее части были уже в Мурманске. В мае сформированный из финнов полк Красной армии в Кемпи получил приказ идти на Беломорскую Карелию и захватить этот регион. Об этом славном походе рассказывал в мемуарах Тойво Антикайнен⁸. К концу мая полк добрался до Ухты, но уже не с такими мирными намерениями, как пару месяцев тому назад. Ухтинское Временное правительство сумело мо-

билизовать некоторое количество добровольцев для вооруженного сопротивления, но они вынуждены были очень скоро отступить перед превосходящими силами противника. Временное правительство тоже вынуждено было эмигрировать в Финляндию. В конце июля 1920 года вся Беломорская Карелия была под управлением Красной армии.

ТАРТУСКИЕ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ И РОЖДЕНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ КОММУНЫ

Весной 1920 года по обе стороны границы осознавали, что межгосударственные отношения нужно строить на договорной основе. Советская Россия стремилась обезопасить свою западную границу и заключить мирные договоры с новыми независимыми государствами-соседами. В Финляндии также возросла готовность к переговорам на фоне установления советской власти в России. После падения Германии Финляндия искала поддержки у западных держав, а те советовали ей сначала стабилизировать отношения с Россией. Советская Россия ставила целью защиту северо-западного приграничья и Мурманской железной дороги от угрозы, исходящей со стороны Финляндии. Советскому правительству было ясно также и то, что на национальные стремления карелов нужно как-то реагировать и удовлетворить достаточным образом их требования относительно самоуправления. Ресурсы карелов необходимо было направить на экономическое и просветительное развитие региона в составе Советского государства. Кроме того, финских красных беженцев нужно было где-то разместить. После гражданской войны в Финляндии их были тысячи, и в основном в Петрограде, где они жили в нищете и голоде и бунтовали против своих руководителей. Среди беженцев еще жила надежда, что революция охватит Финляндию и Скандинавию. Для них нужна была база, и для этой цели Карелия подходила хорошо. Для Финляндии самым важным вопросом было определение государственного статуса Восточной Карелии и линии прохождения восточной границы. В силе была граница, действовавшая со времен Великого княжества, но между государствами линия границы не была определена. Для карелов финны требовали права на самоопределение и права всеобщим народным голосованием определить, к какому государству они хотят относиться. Предполагалось, конечно же, что голосование завершится в пользу Финляндии. С такими противоречивыми целями делегации от сторон отправились в Тарту, где они встретились первый раз 10 июня 1920 года. Делегацию на переговоры от Финляндии возглавлял директор банка Ю. К. Паасикиви, заместите-

лем был депутат парламента Вяйнё Таннер. Советскую делегацию возглавлял старый знакомый Ленина Я. А. Берзин⁹. Зимой и весной 1920 года, когда по обе стороны готовились к Тартуским переговорам, советское правительство серьезно задумалось о самоуправлении Карелии. В то же время у финского социалиста Эдварда Гюллинга были схожие идеи. В самом конце гражданской войны он остался в Выборге, а затем бежал в Стокгольм. Там он строил планы по продолжению революции в Финляндии и был озабочен судьбами красных финнов, бежавших в Петроград. Гюллинг сформулировал идею об автономной Карельской коммуне, с помощью которой финским красным беженцам могли бы найти работу и жилье, а также удовлетворить национальные по духу устремления карелов. В декабре 1919 года Гюллинг отправил Ленину письмо, в котором представил свой план. По мнению Гюллинга, автономная Карелия могла бы помимо вышеизложенных целей быть «определенным экспериментом и быть частью скандинавской советской республики». В феврале 1920 года Ленин пригласил Гюллинга в Москву и поручил ему составить конкретный план по коммуне¹⁰. В плане Гюллинга главной мыслью было то, что большинством жителей коммуны должны стать карелы и финны. Вдобавок к этому следовало разрешить «в допустимых рамках определенный карельский национализм и финскую идеологию». Это мотивировало бы народ к развитию своего региона и действовало бы противоядием финской агитации.

К началу июня 1920 года был готов проект решения о создании Карельской коммуны. Время уже поджимало, поскольку необходимые решения надо было принять до начала Тартуских переговоров. Постановление Совета народных комиссаров было опубликовано 8 июня. Согласно постановлению, руководить коммуной должен был революционный совет в составе трех членов. Председателем совета был назначен Гюллинг, членами – олонецкий социалист и учитель Василий Куджиев и финский социалист, бывший депутат парламента Яакко Мяки. Революционный совет был направлен в Петрозаводск создавать коммуну. Поручение было нелегким. В Петрозаводске революционный совет встретился с местными советами, которые были у власти в Олонце и Петрозаводске после революции. В руководстве местных советов были карельские и русские большевики, ориентированные на Россию. Они не хотели передавать власть национальному по духу революционному совету Гюллинга. Разногласия в линиях власти длились долго, и за это время, по воспоминаниям Яакко Мяки, «не

один раз ездили за правдой в Москву».¹¹ Границы созданной коммуны определялись постановлением Совета народных комиссаров в начале августа 1920 года. Границы были определены в соответствии с линией национальной политики таким образом, что большинство жителей коммуны (приблизительно 60 %) были карелами и финнами.

С точки зрения решающего этапа Тартуских переговоров создание коммуны имело большое значение. В случае если финны потребуют права самоопределения и всеобщего народного голосования для карелов, советская делегация могла сказать, что эти вопросы уже решены: в Карелии создана автономная коммуна, которая соответствует воле трудящихся и крестьян. В то же время Красная армия заняла эти территории практически вплоть до самых последних пограничных деревень Беломорской Карелии, так что и военное превосходство было у Советской России.

Таким образом, Тартуские переговоры способствовали распространению большевизма и в Беломорской Карелии. Только осенью 1920 года, спустя почти три года после Октябрьской революции, советская власть достигла отдаленных пограничных деревень Беломорской Карелии. Без созданного Тартускими мирными переговорами давления ускорить ход советской власти, ее установление, по всей видимости, не получилось бы. Финляндское правительство и финские представители на переговорах в Тарту были поставлены перед свершившимся фактом. В результате у Финляндии не было других возможностей, как принять то решение, которое предлагалось со стороны России. Был составлен мирный договор, в котором в качестве линии границы признали прежнюю границу Великого княжества Финляндского с одним исключением: Печенгская область (Петсамо) была присоединена к Финляндии. По Ребольской и Поросозерской волостям, а также Печенгской области шли переговоры до конца. В итоге Финляндия получила право выбрать, какую из них она предпочтет, и Финляндия выбрала Печенгскую область. На переговорах обсуждались также экономические вопросы и вопросы, касающиеся положения граждан обеих стран, но здесь решения были более легкими. В тексте договора Карельская коммуна упомянута лишь в связи с Реболами и Поросозером. По поводу этих волостей отмечено, что они «присоединяются к Восточно-Карельской автономной области, образованной карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний и имею-

щей право национального самоопределения»¹². Финны требовали также записать в договор упоминание об автономном статусе Карелии, но российская сторона не согласилась на это. В итоге удовлетворил компромисс, и русская делегация составила в качестве приложения к протоколу переговоров о договоре одностороннее заявление, в котором Советская Россия «заверила карельскому населению» право на самоопределение, территориальную автономию, собственный институт народовластия, местный язык в качестве языка управления и образования, экономическое обустройство в зависимости от местных потребностей и местную территориальную милицию.

Договор был подписан, и делегации праздновали его подписание в Тарту. Но финские делегаты, вернувшись домой, не получили на родине благодарности. В особенности активисты, ратовавшие за присоединение Карелии, говорили о «позорном мире» и о том, что дело Карелии предали. Большая часть политического руководства Финляндии были реалистами и понимали, что договор был лучшим результатом, которого можно было достичь. Договор о мире был утвержден 1 декабря 1920 года голосованием в Парламенте Финляндии 163 голосами «за» и 27 «против».

ВЫВОДЫ

Военные экспедиции из Финляндии в Карелию и к Мурманской железной дороге, британская интервенция, национальные стремления карелов и Тартуские мирные переговоры создали в 1918–1920 годах ситуацию, в которой перед советским правительством появилась необходимость ускорить взятие Карелии под свое управление. Победа Красной армии в Гражданской войне дала возможность выделить на это необходимые ресурсы. Наряду с прочими, разрешения ждала проблема, создававшаяся с красными финнами-беженцами, которые находились в Петрограде. Начавшиеся в Тарту в июне 1920 года переговоры установили временные сроки, в рамках которых эти проблемы необходимо было решить. Орган советской власти, созданный под названием Карельская трудовая коммуна при поддержке сил Красной армии, дал инструменты для их решения. Таким образом, военные походы из Финляндии в Карелию, независимо от их противоположных целей, и переговоры в Тарту значительно ускорили переход Российской Карелии к советской власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О племенной военной экспедиции в Беломорскую Карелию в 1918 году см. [4].

² О Мурманском финском легионе см. [2].

- ³ Об Олонецкой военной экспедиции 1919 года см. [5].
- ⁴ О Брестском мирном договоре и его большом политическом влиянии см. [3].
- ⁵ Об операциях британцев на Мурмане см.: Maynard C. The Murmansk Venture. London: Hodder and Stoughton, 1928.
- ⁶ О народных собраниях в Беломорской Карелии в 1918 году см. [6].
- ⁷ Об Ухтинском съезде представителей карельских волостей см. [7].
- ⁸ Воспоминания Тойво Антикайнена и др. в книге: Kansalaissota Karjalassa: Kansalassodan historia Karjalassa koskevien materiaalien kokoelma, omistettu banditismien likvidoinnin 10-vuotispäivälle / Toim. L. Letonmäki [ja ym.]. Petroskoi: Kirja, Karjalan osasto, 1932.
- ⁹ О Тартуских переговорах см.: Tanner V. Tarton rauha: Sen syntyvaiheet ja -vaikeudet. Helsinki: Tammi, 1949.
- ¹⁰ Об этапах основания Коммуны см. [1].
- ¹¹ Mäki J. Muisteluita kommuunin alkuvaiheista // Punainen Karjala. 1925. Heinäkuu.
- ¹² Мирный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Республикой // Документы внешней политики СССР. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. С. 270.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Churchill S. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922: Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa. Porvoo: WSOY, 1970. 218 s.
2. Nevakivi J. Muurmannin legioona: Suomalaisten ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918–1919. Helsinki: Tammi, 1970. 383 s.
3. Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. Porvoo: WSOY, 1967. Osa I. Helmikuu 1917 – toukokuu 1918. 323 s.; 1971. Osa II. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. 385 s.
4. Vahtola J. ”Suomi suureksi – Viena vapaaksi”: Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi 1918. Rovaniemi: Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1988. 476 s.
5. Vahtola J. Nuorukaisten sota: Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki: Otava, 1997. 637 s.
6. Vaara P. Viena 1918: Kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä: Docendo, 2018. 352 s.
7. Vaara P. Viena 1919–1922: Kun Neuvostovalta tuli Karjalaan. Jyväskylä: Docendo, 2020. 400 s.

Поступила в редакцию 10.05.2021; принята к публикации 03.09.2021

Original article

Pekka Vaara, Deputy Head, Karelian Educational Society /
Karjalan Sivistysseura (Helsinki, Finland)
pekka.vaara@hotmail.com

FROM THE KINDRED WARS TO THE PEACE TREATY OF TARTU AND THE KARELIAN LABOR COMMUNE

Abstract. This article focuses on the Treaty of Tartu between the Soviet Russia and Finland, signed on October 14, 1920. The author describes the historical events in the territories of the present Republic of Karelia (Russian Federation) that preceded the Treaty of Tartu and that affected both the process of the treaty negotiations and the content of the treaty. In particular, the author briefly presents the events of the Kindred Wars (*Heimosodat*), the British intervention in Karelia, the efforts of the Karelians to become independent, and the establishment of the Karelian Labor Commune. The main conclusion is that the Finnish military expeditions to Karelia and the process of negotiations in Tartu significantly expedited both the transition of control over Karelia to the Red Army and the formation of the Karelian Labor Commune within the Soviet Russia.

Keywords: Kindred Wars, Treaty of Tartu, Karelian Labor Commune, British intervention in northern Russia

Acknowledgements. The author expresses his sincere gratitude to Toivo Tupin for translating the article.

For citation: Vaara, P. From the Kindred Wars to the Peace Treaty of Tartu and the Karelian Labor Commune. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.699

REFERENCES

1. Churchill, S. Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922: Itä-Karjalan itsehallintokysymys Suomen ja Neuvosto-Venäjän välisissä suhteissa. Porvoo, 1970. 218 p.
2. Nevakivi, J. Muurmannin legioona: Suomalaisten ja liittoutuneiden interventio Pohjois-Venäjälle 1918–1919. Helsinki, 1970. 383 p.
3. Polvinen, T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917–1920. Porvoo, 1967 Osa I. Helmikuu 1917 – toukokuu 1918. 323 p.; 1971. Osa II. Toukokuu 1918 – joulukuu 1920. 385 p.
4. Vahtola, J. ”Suomi suureksi – Viena vapaaksi”: Valkoisen Suomen pyrkimykset Itä-Karjalan valtaamiseksi 1918. Rovaniemi, 1988. 476 p.
5. Vahtola, J. Nuorukaisten sota: Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki, 1997. 637 p.
6. Vaara, P. Viena 1918: Kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä, 2018. 352 p.
7. Vaara, P. Viena 1919–1922: Kun Neuvostovalta tuli Karjalaan. Jyväskylä, 2020. 400 p.

Received: 10 May, 2021; accepted: 3 September, 2021

КСЕНИЯ СЕРГЕЕВНА КАЗАКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

Рец. на кн.: Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. 191 с.

Благодарности. Работа выполнена в рамках темы государственного задания № 0226-2019-0066.

Для цитирования: Казакова К. С. Рец. на кн.: Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. 191 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 114–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.700

В этом году в издательстве «Наука» вышла в свет монография кандидата исторических наук Олеси Анатольевны Сулеймановой «Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера»¹. Книга посвящена предметному миру городской семьи и анализу функциональных и смысловых значений, которые приобретают привычные вещи в условиях переезда людей на новое место жительства.

Актуальность темы определяется современной историографической ситуацией, ориентированной на изучение постиндустриального развития общества и его материальной культуры². Автор рецензируемой монографии рассматривает широкий спектр проблем, связанных с культурой повседневности, в которой вещи выступают как значимый элемент материального и духовного мира современного человека. Вещевое поведение урбанизированного населения проанализировано в контексте миграционных процессов Кольского Севера. Территория, включенная в исследование, выбрана в силу ряда факторов. Во-первых, и это справедливо отмечают исследователи, Кольский полуостров, или Кольский Север, как эта территория обозначается во многих исторических и антропологических (этнографических) работах, имеет свои особенности в историческом аспекте формирования населения и идентичности его жителей³. Во-вторых, Кольский Север как часть Российской Арктики был вовлечен в активные миграционные процессы, особенно в период советской колонизации края и его промышленного освоения⁴. О. А. Сулейманова отмечает, что население Кольского Севера характеризуется высоким уровнем не только межрегиональной, но и внутрирегиональной мобиль-

ности. Тем не менее можно утверждать, что выводы, сделанные автором монографии, отражают не только местные особенности, но и общие закономерности, характерные для большинства населения современной России, так как ситуация переезда типична для многих городских семей независимо от региона.

Исследование выполнено на основе широкого круга источников. Среди них неопубликованные материалы, впервые вводимые в научный оборот. Это документы Государственного архива Мурманской области в г. Кировске, а также личных архивов информантов. Основу источниковой базы исследования составили полевые материалы, а именно транскрипты интервью с представителями городских семей Мурманской области. Они собирались в течение длительного времени, с 2001 по 2019 год, И. А. Разумовой и О. А. Сулеймановой. Из опубликованных материалов автор использует данные переписей и статистики, публикации периодической печати, мемуарные свидетельства.

Во Введении подробно описана степень разработанности темы, обоснована теоретическая и методологическая база исследования. Так, для выявления динамики вещевого поведения О. А. Сулейманова использовала комплексную методику, основанную на интерпретативном подходе с применением семиотического, сравнительно-исторического и типологического методов.

В первой главе «Мигранты Кольского Севера: опыт переезда» рассмотрены особенности миграционных процессов на обозначенной территории. В рамках данной работы понятием «мигранты» автор обозначает людей, имеющих в своей биографии или биографии семьи (мигранты во втором и третьем поколениях) опыт переезда, ко-

торый сопровождался сменой места жительства (с. 11). В качестве основных причин миграций называются экономические и политические факторы, семейно-родственные обстоятельства, подчеркивается, что у каждого конкретного индивида набор значимых факторов варьируется в зависимости от его жизненных ориентиров и ценностей (с. 50). На основе анализа биографического материала и мотивов, побудивших людей к переезду, автор выделяет две категории мигрантов: «добровольные» и «вынужденные». К числу последних относятся спецпереселенцы, представители коренного населения (саамы), подвергшиеся в советский период насильственному переселению, а также беженцы из союзных республик, приехавшие на Север в постсоветский период.

Вторая глава «Багаж переселенцев» посвящена рассмотрению особенностей функционирования вещей в процессе переезда, способствующего актуализации, а иногда и переосмыслению их функций и значений. Раскрываются специфика моделей поведения добровольных и вынужденных переселенцев и особенности транспортировки вещей. Рассматривая условия и причины миграций, О. А. Сулейманова приходит к выводу о том, что в случаях добровольного переселения практики, связанные со сбором багажа, варьируются в зависимости от времени, имеющегося на подготовку к переезду, состава переезжающих, отдаленности территории выезда, мотивов переезда и установок на временное или постоянное проживание на территории прибытия, а также индивидуальных потребительских установок (с. 112). Вынужденные переселенцы значительно ограничены во времени на подготовку к переезду и возможностях транспортировки багажа, что обусловлено «экстренностью» и «экстремальностью» переезда. Интересен в этой связи авторский взгляд на исторический материал по предметно-материальной культуре спецпереселенцев, который О. А. Сулейманова анализирует в соответствии с поставленными задачами исследования. Также особой категорией переселенцев в истории Кольского Севера XX века являлись коренные жители (саамы), подвергшиеся насильственному переселению в результате экономической политики Советского государства по «укрупнению» хозяйств. Для анализа предметного мира этой этнографической группы автор использует биографический материал жителей Кильдинского (Чудзъяврского) и Семиостровского (Варзинского) погостов.

В материально-предметном мире городской семьи выделены типы семейных вещей в зависимости от семиотического статуса – бытовые, декоративные и мемориальные (с. 55). Наибольшее внимание уделено типологии мемориальных вещей, среди которых О. А. Сулейманова выделяет категории «семейная реликвия», «памятная вещь». На материалах полевых исследований показано, что отношение к различным вещам и их смыслы варьируются у представителей семейно-родственной группы в зависимости от пола, возраста, индивидуального жизненного опыта и т. д. Автор отмечает, что для каждого отдельного представителя семьи одна и та же вещь может иметь разные значения. В монографии представлен материал, наглядно демонстрирующий неустойчивость статуса памятной вещи, возможность любого предмета стать семейной реликвией или оказаться невостребованным.

Третья глава «Материально-бытовая адаптация» раскрывает роль вещей на новом месте жительства. Автор выделяет типы вещей, способствующие адаптации к новым материальным условиям жизни и к условиям арктической территории. В этой главе О. А. Сулейманова рассматривает вопрос о том, с помощью каких предметов и в какой последовательности мигранты обустроят новое жилище, заполняя и упорядочивая его. На основе анализа этнографического материала по истории региона показан постепенный переход саамов на оседлый образ жизни по траектории «погост – село – город». Процессу урбанизации коренного населения Кольского Севера, в ходе которого менялся и предметно-материальный мир саамских семей, способствовала советская практика объединения в колхозы и обучения в школах-интернатах⁵. На биографическом материале автор показывает, как в процессе изменения образа жизни коренного населения вещи могут становиться маркерами этнической и локальной / территориальной идентичности. В контексте материально-бытовой адаптации саамов прослеживается, как саамские национальные вещи, утратившие утилитарную функциональность, переходят в разряд мемориальных. В этой же главе О. А. Сулейманова обращается к материалу по миграциям представителей этнических культур из «инонациональных» регионов. Она приходит к выводу, что одним из обязательных условий успешной социальной адаптации этнических мигрантов является постепенная трансформация материально-вещной сферы жизни на новом месте. Например, анализ полевых интервью продемонстрировал устойчивость нарратива о несоответствии взятых с собой предметов одежды и обуви северным

условиям жизни. Этническим мигрантам необходимо адаптироваться к непривычной культурной и климатической среде и значительно изменить образ жизни, в том числе предметное окружение, бытовые привычки. Выявились специфические функции национальных предметов интерьера, утвари, одежды на новом месте жительства.

Богатый эмпирический материал, присутствующий в монографии, а также теоретические вы-

воды являются вкладом в разработку темы материальной культуры городского населения, социальной памяти семейных и локальных общностей. Несомненно, книга О. А. Сулеймановой будет интересна специалистам в области антропологии и этнографии, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей и материально-бытовой культурой Крайнего Севера России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. 191 с.
- ² См., напр.: Социология вещей: сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 392 с.
- ³ Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: Мурманский гос. пед. ун-т, 2009. 388 с.; Разумова И. А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отделение ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2010. С. 290–298.
- ⁴ Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В. А. Тишкова. М.: Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; СПб.: Нестор-История, 2016. 271 с.; Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 311 с.; Змеева О. В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2011. 95 с.
- ⁵ Казакова К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник-4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры: Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой / Под ред. В. Н. Давыдова, Д. В. Арзютова. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 523–530.

Поступила в редакцию 13.09.2021; принята к публикации 30.09.2021

Reviews

Ksenia S. Kazakova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5071-4947; k.kazakova@ksc.ru

The book review: Suleymanova, O. A. Migrants and things: resettlement experience and household adaptation of urban families in the Kola North. Moscow, 2021. 191 p.

A c k n o w l e d g e m e n t s . The research was conducted as part of the state task No 0226-2019-0066.

F o r c i t a t i o n : Kazakova, K. S. The book review: Suleymanova, O. A. Migrants and things: resettlement experience and household adaptation of urban families in the Kola North. Moscow, 2021. 191 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2021;43(8):114–116. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.700

Received: 13 September, 2021; accepted: 30 September, 2021

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ УМНОВ

кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9428-5147; uvpp@mail.ru

Рец. на кн.: Калинина Е. А. От военно-физкультурной кафедры к Институту физической культуры, спорта и туризма (Исторический очерк). – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2021. – 343 с.

Для цитирования: Умнов В. П. Рец. на кн.: Калинина Е. А. От военно-физкультурной кафедры к Институту физической культуры, спорта и туризма (Исторический очерк). – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2021. – 343 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 117–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.701

В преддверии 65-летнего юбилея высшего физкультурного образования в Республике Карелия издана книга доктора исторических наук Елены Александровны Калининой «От военно-физкультурной кафедры к Институту физической культуры, спорта и туризма (Исторический очерк)». Е. А. Калинина – выпускница Карельского государственного педагогического института (КГПИ), в котором работала преподавателем, а ныне – профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма ПетрГУ. Она активная участница многих исторических событий, происходивших в физкультурно-спортивной сфере РК.

Название предлагаемой читателю книги четко определяет ее основные цели и задачи – изложение и обсуждение итогов становления и развития высшего физкультурно-спортивного образования в Карелии (от военно-физкультурной кафедры КГПИ к Институту физической культуры, спорта и туризма ПетрГУ) и определение путей его дальнейшего развития в новом тысячелетии. Этим определяется и структура исторического экскурса:

- этапы в создании и развитии факультета физического воспитания;
- студенчество в фокусе становления и развития высшего физкультурного образования в Карелии;
- воспоминания преподавателей и студентов о времени, о спорте, о себе.

Изучение становления и развития высшего физкультурного образования в Карелии создает представление о генезисе системы образования в области физической культуры и спорта в регионе, которая в настоящее время является самостоятельной областью подготовки кадров. В этом заключается актуальность исследования. Источниковой базой послужили фонды Нацио-

нального архива РК: Комитет физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров АКССР (Ф. Р-860), Карело-финский государственный педагогический институт (Ф. Р-1168), Карело-финский государственный учительский институт (Ф. Р-1174), а также фонды архива ПетрГУ: Карельский государственный педагогический институт (Ф. 1168), личные дела преподавателей, работавших в вузе в различные годы, опубликованные и неопубликованные документы, материалы периодической печати, воспоминания ветеранов спорта, выпускников факультета физической культуры.

Книга состоит из трех разделов: 1. Этапы большого пути. 2. Студенчество в фокусе становления и развития высшего физкультурного образования в Карелии. 3. Студенты факультета физической культуры: о времени, о спорте, о себе. Во Введении отмечается, что на данный момент нет исследований, представляющих целостную картину становления и развития факультета физической культуры, спортивных достижений студентов педагогического института (ныне университета), так как материал разбросан по различным книгам, статьям, очеркам, а ряд аспектов при этом остается неизученным.

Первый раздел посвящен проблемам становления и развития высшего физкультурного образования в Карелии. Рассматривать «Этапы большого пути» автор начинает с создания в КГПИ военно-физкультурной кафедры (1931), которая стала предтечей становления и развития факультета физического воспитания, а затем и Института физической культуры, спорта и туризма (ИФКСиТ) – структурного подразделения ПетрГУ. Собраны судьбы многих поколений: 1930-х годов, послевоенного времени, триумфальных 1960–1980-х годов, а также наших дней. Достойное внимание уделено выпускникам Ленинградского государственного института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта,

стоящим у истоков создания факультета физического воспитания КГПИ. В хронологической последовательности представлен богатейший опыт ИФКСиТ в подготовке квалифицированных специалистов. Подчеркивается, что факультет / ИФКСиТ устойчиво и динамично развивается в соответствии с требованиями времени.

Следующий раздел книги посвящен студенчеству «в фокусе становления и развития высшего физкультурного образования в Карелии». Представлены результаты изучения автором повседневной жизни студентов, их учебы и занятий физической культурой и спортом, они сгруппированы по десятилетиям, начиная с 1956 года. Цель – показать не только становление и развитие высшего физкультурного образования в Карелии, но и формирование личности педагога. Опираясь на отчеты деканов факультета физической культуры и заведующих кафедрами, сохранившиеся в архиве, автор приходит к выводу, что большинство студентов учились с интересом. Однако были и такие, кто проявлял безразличное отношение к обучению.

Большое место в книге отводится событиям спортивной жизни факультета и ИФКСиТ. Показано, что многие выпускники стали прекрасными учителями и тренерами, преподавателями средних специальных и высших учебных заведений и организаторами физкультурного и спортивного движения, а также занимают высокие руководящие должности в органах государственной власти, в сфере образования, физической культуры и спорта Карелии, отмечены государственными и почетными званиями и наградами.

Третий раздел посвящен воспоминаниям студентов факультета физической культуры. Автору удалось собрать более 90 воспоминаний, которые сгруппированы и представлены по десятилетиям, начиная с первых выпусков и заканчивая настоящим временем. Это по сути субъективная (как видно из писем – позитивная) оценка деятельности факультета и ИФКСиТ. Из знакомства с воспоминаниями видно, что они написаны по одной схеме, и это делает их однотипными. Предлагается более целесообразным сделать выжимки

из данных писем, привести наиболее яркие воспоминания.

Таким образом, представленные в книге материалы стали результатом кропотливой работы автора по сбору, проверке, сопоставлению и систематизации данных об учебно-воспитательной, научно-методической деятельности и спортивно-массовой работе студентов от военно-физкультурной кафедры до ИФКСиТ ПетрГУ. Положительной стороной книги Е. А. Калининой является объективное, доброжелательное, ненагнетенное изложение фактов. Предлагаемая вниманию читателей книга написана в документально-публицистическом жанре. В кадре или за кадром всегда присутствует человек, а подборка фотографий усиливает эмоциональное восприятие.

Выводы автора монографии, отдельно не выделенные в заключении работы, сделаны на базе обширного комплекса документальных источников и литературы. Имеет место известная доля описательности, которая объективно необходима, так как автор стремился показать жизнь факультета как живого организма. В работе также присутствует аналитика в отношении излагаемых фактов и описываемых процессов. Применение же аналитико-синтетического подхода позволило бы более полно представить развитие высшего физкультурного образования в РК как системы.

Большим успехом и заслугой автора и Издательства ПетрГУ является то, что рецензируемая книга выходит в свет в преддверии 65-летнего юбилея высшего педагогического образования в сфере физической культуры и спорта в Карелии и рассказывает о ранних, малоизвестных страницах его истории.

Знакомство с монографией Е. А. Калининой будет, безусловно, полезным для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей общеобразовательных учреждений и вузов, а также для широкой читательской аудитории, интересующейся историей развития физической культуры и спорта в Карелии, в частности высшего физкультурного образования.

Поступила в редакцию 28.05.2021; принята к публикации 03.09.2021

Reviews

Vladimir P. Umnov, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9428-5147; uvpp@mail.ru

The book review: Kalinina, E. A. From the Physical Education and Military Training Department to the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism (Historical essay). – Petrozavodsk, 2021. – 343 p.

For citation: Umnov, V. P. The book review: Kalinina, E. A. From the Physical Education and Military Training Department to the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism (Historical essay). – Petrozavodsk, 2021. – 343 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2021;43(8):117–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.701

Received: 28 May, 2021; accepted: 3 September, 2021

16 октября 2021 года исполнилось 75 лет доктору филологических наук, профессору, члену редколлегии журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» *Петру Мефодьевичу Зайкову*.

Celebrating the 75th birthday anniversary of *Pyotr M. Zaykov*.

ПЕТР МЕФОДЬЕВИЧ ЗАЙКОВ

К 75-летию со дня рождения

В начале 1990-х годов создается карельская письменность и начинается преподавание карельского языка как предмета в школах и высших учебных заведениях. Публикуются буквари, книги для чтения и образцы речи на карельском языке, создаются словари карельского языка, а наиболее актуальные вопросы карельской грамматики, лексикологии и ономастики исследуются в кандидатских и докторских диссертациях. Многие из вышеперечисленного связано с именем одного из самых известных исследователей карельского языка и талантливого педагога Петра Мефодьевича Зайкова.

П. М. Зайков родился в с. Кестеньга в карельской семье. До школы он не владел русским языком и разговаривал только по-карельски. После школы отслужил три года в армии, а в 1968 году поступил на отделение финского языка и литературы Петрозаводского университета. Еще будучи студентом четвертого курса, вместе с Г. М. Кертом стал ездить в полевые экспедиции на Кольский полуостров, целью которых был сбор языкового материала. После окончания университета работал в секторе языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Вместе с Г. М. Кертом активно участвовал в полевых экспедициях по сбору и расшифровке материала бабинского диалекта саамского языка. Через два года после начала работы в секторе П. М. Зайков поступил в очную аспирантуру и посвятил свое исследование именно этому диалекту. В 1980 году в г. Тарту (Эстония) успешно защитил кандидатскую диссертацию. Монография по теме исследования «Бабинский диалект саамского языка» была издана в Петрозаводске в 1987 году. А год спустя П. М. Зайков совместно с Г. М. Кертом подготовили к публикации сборник образцов речи бабинского и йоканьгского диалектов саамского языка.

С 1988 по 1993 год П. М. Зайков преподавал финский язык и историю финского языка в университете, а затем вернулся в сектор языкознания и начал заниматься исследованием родного карельского языка. После защиты докторской диссертации на тему «Глагол в карельском языке» в 1997 году (монография издана в Петрозаводске в 2000 году) П. М. Зайков стал заведующим кафедрой карельского и вепсского языков ПетрГУ. Начинать преподавание приходилось без учебников, литературы, не было кадров. Не-

хватка учителей карельского языка остро ощущалась и в районах Карелии. Проблема состояла в том, что учителя владели карельским языком, но не могли преподавать, не имея соответствующего диплома. Именно поэтому по инициативе Министерства по вопросам национальной политики совместно с руководством ПетрГУ было принято решение открыть заочное отделение для того, чтобы дать возможность этим учителям получить диплом о высшем образовании с соответствующей квалификацией. Все эти обязанности – набор и обучение – были возложены на кафедру карельского и вепсского языков. В 2000 году был объявлен набор в группу заочников. Всего было набрано более 30 студентов. В 2003 году была выпущена единственная группа. В этом же году П. М. Зайков выступил с предложением о создании в ПетрГУ ученого совета по защите кандидатских диссертаций. Руководство университета поддержало эту идею, и в 2004 году, благодаря усилиям Петра Мефодьевича, совет начал работу, состоялись первые защиты. Всего с 2004 по 2012 год защитились более 10 соискателей ученой степени кандидата филологических наук, у двух из которых руководителем диссертаций был П. М. Зайков. Под его руководством написали и успешно защитили кандидатские диссертации три аспиранта: Е. В. Богданова (2003), Н. М. Гилоева (2004), Т. В. Пашкова (2008). В 2013 году деятельность совета была прекращена, что связано, в первую очередь, с ужесточением требований ВАК к диссертационным советам.

В период заведования кафедрой П. М. Зайковым были установлены прочные связи с отечественными и зарубежными вузами. В конце 1990-х годов ученые из университета г. Куопио (Финляндия) предложили проект по совместному исследованию языков малочисленных народов, в котором также приняли участие Норвегия, Эстония, Швеция. Руководителем проектов по исследованиям карельского языка выступал П. М. Зайков. В результате совместной работы в 2001 году П. М. Зайкову было присвоено звание почетного доктора философии университета г. Оулу (Финляндия). В 2010 году в университете Восточной Финляндии (г. Йёнсуу) был объявлен конкурс на должность профессора карельского языка и культуры. П. М. Зайков прошел

по конкурсу, таким образом, с 2011 года он стал жить и преподавать в университете Восточной Финляндии.

В 2015 году увидел свет первый русско-карельский словарь, где использованы материалы собственно карельского наречия, одним из создателей и редакторов его был Петр Мефодьевич. Идея создания словаря возникла давно, но работа продвигалась медленно, финансирования практически не было. В 2013 году по инициативе П. М. Зайкова выпуск словаря был включен в Программу стратегического развития ПетрГУ, под это были заложены средства, и работа стала продвигаться быстрее. Итог – словарь издан, студенты и преподаватели кафедры прибалтийско-финской филологии им активно пользуются.

Преподавательская, исследовательская и научно-просветительская деятельность П. М. Зайкова была тесно связана с нелегкой общественной: он стоял у истоков создания самого крупного и авторитетного национально-культурного общественного формирования республики «Общества карельской культуры», позднее – «Союза карельского народа». На протяжении более 10 лет он отстаивал права карелов на сохранение родного языка и придание ему официального статуса. При Союзе карельского народа создан карельский народный хор «*Oma rajo*». Хор известен в Карелии, России и за рубежом. В 2006 году был открыт кукольный театр «*Sičiliušku*», выступающий на карельском языке, в котором с огромным удовольствием занимаются студенты и выпускники нашей кафедры, в переводах репертуара и в постановках принимают участие преподаватели. Петр Мефодьевич на протяжении нескольких лет был актером этого театра.

Вклад П. М. Зайкова в исследование, развитие, возрождение карельского языка значителен. Им опубликовано более 120 научных и учебных изданий, связанных с прибалтийско-финскими языками, большинство из которых посвящено карельскому языку.

Петр Мефодьевич продолжает служить карельскому народу и в настоящее время занят работой над большим карельско-русским словарем.

От всей души желаем Петру Мефодьевичу здоровья и успешной работы!

Кафедра прибалтийско-финской филологии ПетрГУ

7–8 октября 2021 года в г. Выборге состоялась Международная конференция «ГРАНИЦА НИШТАДТСКОГО МИРА – ЛИНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО», посвященная 300-летию заключения Ништадтского мирного договора, положившего конец Северной войне (1700–1721).

Конференция была организована Выборгским объединенным музеем-заповедником, Комитетом по сохранению культурного наследия Ленинградской области, Музейным агентством Ленинградской области, Петрозаводским государственным университетом, Российским фондом фундаментальных исследований, Фондом имени Д. С. Лихачева и Институтом Петра Великого.

На условиях софинансирования для проведения конференции были использованы средства проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха в истории России: современный научный взгляд» на 2020–2022 гг. (проект № 20-09-42034).

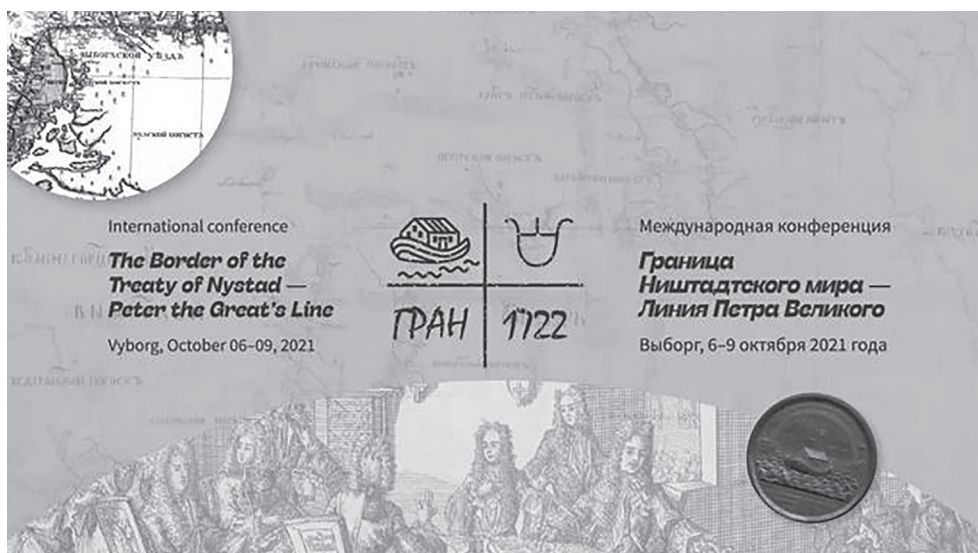
На открытии конференции были заслушаны приветствия заместителя председателя правительства Ленинградской области, председателя комитета по сохранению культурного наследия В. О. Цоя, Генерального консула Швеции в С.-Петербурге Я. Лундина, консула Генерального консульства Финляндии в С.-Петербурге В. Линнала и директора Выборгского объединенного музея-заповедника В. А. Белоусова.

Состоялась церемония вручения Выборгу знамени Петровского города. Из рук исполнительного директора Фонда им. Д. С. Лихачева А. В. Кобака знамя получили глава Выборгского района Д. Ю. Никулин и глава администрации Выборгского района В. Г. Савинов. Эксперт Ин-

ститута Петра Великого Н. Л. Корсакова представила презентацию Международной программы «Путь Петра Великого».

На пленарном заседании были заслушаны доклады генерального директора Национального архива Финляндии Ю. Нуортева «Епископ Якоб Ланг и переход от абсолютной теократической монархии к теории суверенитета Жана Бодена как следствие краха шведского великодержавия» и профессора ПетрГУ А. М. Пашкова «Вице-адмирал Корнелий Крюйс и создание Балтийского военно-морского флота».

В рамках конференции работали шесть секций: «Европейская дипломатия на пути к Ништадтскому миру», «Демаркация русско-шведской границы 1722 года», «Возвращение домой: русские пленные в Швеции и шведские пленные в России», «Материальное и нематериальное наследие границы Ништадтского мира», «Трансграничные контакты: местное население в условиях войны и мира» и «Историческая память о петровской эпохе на северо-западе России и в Финляндии». Всего было заслушано 27 докладов, в том числе один доклад из Швеции, 5 из Финляндии и один из Бельгии. Российские участники представляли Москву (1 доклад), С.-Петербург (7 докладов), Выборг (3 доклада), Петрозаводск (4 доклада), Волгоград (1 доклад), Приозерск (1 доклад), Шлиссельбург (1 доклад), Сортавалу (1 доклад) и Куркиёки (1 доклад). Среди наибо-

лее интересных выступлений можно отметить доклады Юсси Нуортева о том, как поражение шведов в Северной войне позволило им реформировать устройство своего государства, эволюционируя от абсолютной монархии к ограничению королевской власти, и о роли в этом процессе епископа Якоба Ланга. Выступление старшего архивиста Архивного центра лена Эребру (Швеция) Хокана Хенрикссона «Параграф 14 и конец долгого плена – освобождение русских военнопленных в 1721 году» было посвящено процессу освобождения около 4 тысяч русских военнопленных после окончания Северной войны. Профессор Университета Восточной Финляндии (кампус Йозенсуу) Киммо Катаяла в докладе «Становление современной идеи границы: демаркация русско-шведской границы по результатам мирного договора 1721 года» основное внимание уделил пониманию того, как формировалась идея государственной границы от Ореховецкого мирного договора 1323 года через Тявзинский (1595) и Столбовский (1617) мирные договоры к Ништадтскому мирному договору 1721 года. К этому докладу был близок доклад младшего научного сотрудника и аспирантки Университета Восточной Финляндии (кампус Йозенсуу) Энни Мерову «Концептуальные истоки “Северной Карелии” в Швеции XVIII века». Выступление исследователя Або Академии (Турку, Финляндия) Каспера Кепсу «Ниенские купцы как беженцы и переселенцы (1700–1723 гг.)» было посвящено состоянию города Ниеншанца к началу XVIII века и судьбам проживавших там нескольких купеческих семей. Большой интерес вызвал доклад аспиранта Або Академии и исследователя Морского центра Финляндии в городе Котка (проект «Свенскунд / Роченсальм») Маркуса Лепола «Исторические свидетельства и материальное наследие пребывания флота Петра I в юго-западном архипелаге Финляндии», посвященный многочисленным примитивным печам из дикого камня на побережье Финского и Ботнического заливов, в которых, по предположению докладчика, русские моряки пекли себе хлеб.

Доклады научного сотрудника лаборатории археологии, исторической антропологии и куль-

турного наследия С.-Петербургского государственного университета К. В. Шмелева «Русско-шведская граница 1721–1722 гг. Пограничные камни: история и современность», лесничего Северо-западного районного лесничества В. Н. Малушина «Опыт поиска пограничных камней Ништадтского мира 1722 года на Карельском перешейке и проблема сохранения наследия» и ученого секретаря Регионального музея Северного Приладожья (г. Сортавала) И. В. Борисова были посвящены одной теме – пограничным камням русско-шведской границы по демаркации 1722 года, дошедшим до наших дней в довольно большом количестве.

Доклад заместителя директора Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва» С. А. Иванюка «Шведские военнопленные на селитерных заводах Астраханского края в 1704 году» открыл неизвестную страницу в истории пленных шведов в России. Большая группа шведских пленных использовалась на работах на селитерных заводах Астраханского края. Их судьба была трагичной. Около 200 шведов погибли во время Астраханского восстания 1705 года.

Выступление главного библиографа Института научной информации РАН А. Н. Старицына «Миссия генерала М. А. Матюшкина в сентябре 1718 года» было посвящено поездке генерала вдоль русско-шведской границы для сбора сведений и картографирования этой территории в рамках подготовки к заключению мирного договора со Швецией и определения на местности новой границы.

Большой интерес вызвал доклад доцента ПетрГУ Н. Г. Урванцевой «Петр I в коммеморативных практиках Петрозаводска и Марциальных вод». Доклад старшего научного сотрудника Выборгского объединенного музея-заповедника Ю. И. Мошник «Образ Петра I в финской периодической печати 1940–1944 годов» освещает неизвестную, но актуальную тему восприятия Петра I в Финляндии в этот период, особенно сопоставление Петра I и И. В. Сталина.

По итогам конференции предполагается издать сборник статей.

*А. М. Пашков, д. и. н., профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ
pashkov@petrsu.ru*

Alexander M. Pashkov, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
pashkov@petrsu.ru

On October 7–8, 2021, an international conference entitled “The Border of the Nishtadt Peace – the Line of Peter the Great” was held in Vyborg. The event was dedicated to the 300th anniversary of signing the Nishtadt Peace Treaty that put an end to the Great Northern War (1700–1721).

**ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ»**

18 декабря 2021 года

Петрозаводский государственный университет

Институт истории, политических и социальных наук ПетрГУ, Студенческое научное общество ИИПСН, Студенческое научное общество ПетрГУ приглашают преподавателей и сотрудников университета и других учебных учреждений, студентов и школьников к участию во всероссийской научно-практической конференции.

На конференции планируется обсудить следующие проблемы:

1. Междисциплинарные подходы на стыке двух гуманитарных наук;
2. Междисциплинарные подходы на стыке гуманитарных и негуманитарных наук;
3. Применимость междисциплинарности в научных исследованиях по истории, политологии, социологии, философии;
4. Междисциплинарные подходы в современной исторической науке;
5. Применимость методов математической статистики в гуманитарных исследованиях;
6. Применимость методов гуманитарных исследований в современной медицине и этике медицины;
7. Политологический и социологический анализ исторических событий;
8. Социологический и политологический анализ исторической памяти.

Рабочий язык конференции – русский.

Контактные лица:

- Веригин Сергей Геннадьевич, профессор, доктор исторических наук, директор ИИПСН ПетрГУ, тел. (+7 8142)71-10-74, +7(911)400-46-51, verigin@petsu.karelia.ru
- Попов Денис Александрович, студент ИИПСН ПетрГУ, председатель Студенческого научного общества ИИПСН, тел. +7(911)668-50-15, dps1939@mail.ru
- Малышко Антон Александрович, специалист отдела подготовки и аттестации НПР Управления научных исследований ПетрГУ, тел. +7(921)468-25-28, antonmalyshko@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ДОМАШНЯЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

7–9 апреля 2022 года, г. Санкт-Петербург

К участию в обсуждении указанной темы приглашаются специалисты по отечественной истории, этнологии, антропологии, источниковедению и специалисты в области вспомогательных исторических дисциплин, экономисты, социологи и социопсихологи, психологи, политологи, филологи, юристы, культурологи, философы, краеведы, представители общественных организаций.

Подробная информация: https://www.kon-ferenc.ru/konferenc01_12_21_2.html

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Prosolova E. V.</i> FILM PROPAGANDA IN THE US STATE APPARATUS AT THE INITIAL STAGE OF THE COLD WAR 8</p> <p><i>Shcherbakova M. E.</i> THE USSR COLLAPSE IN CHINESE DOCUMENTARIES 15</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Krivosozhenko A. F.</i> CIVILIAN CAPTIVES IN THE OLONETS PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR 21</p> <p><i>Kurenkov G. A.</i> PROTECTION OF ECONOMIC SECRECY AND GLAVLIT IN 1947 30</p> <p><i>Repukhova O. Yu., Malyshko A. A.</i> DEVELOPMENT OF MOBILIZATION PLANNING SYSTEM FOR RAILWAY TRANSPORT IN THE NORTHWEST OF THE USSR 39</p> <p><i>Filimonchik S. N.</i> FORMATION OF TERTIARY EDUCATION IN KARELIA IN THE 1930S 46</p> <p><i>Sushko E. O.</i> “UNDER THE BOOT OF ALLIES” OR AN UNSUCCESSFUL ATTEMPT BY THE BRITISH TO EXPLOIT THE Khibiny’s MINING RESOURCES 56</p> <p>ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY</p> <p><i>Karakin Ye. V., Pashkova T. V.</i> SYNANTHROPIC INSECTS IN KARELIAN FOLK TRADITION 64</p> <p><i>Zmeeva O. V.</i> SOCIAL ORDER ON MURMANSK RAILWAY. PART 1. ETHNIC GROUPS – SOCIAL SYSTEM ACTORS 70</p>	<p><i>Dzhioshvili E. A.</i> ETHNOGRAPHIC EXPEDITIONS OF ALEXANDER LINEVSKY IN KARELIAN POMORIE 79</p> <p>Discussions</p> <p><i>Efimova V. V.</i> REASONS AND CONSEQUENCES OF THE CONFLICT BETWEEN GOVERNOR ALEXANDER FILOSOFOV AND THE GOVERNORATE OFFICIALS 87</p> <p><i>Savitsky I. V.</i> DOES THE WORD “OFFICIAL” HAVE A PROUD RING? COMMUNICATIVE ASPECTS OF RUSSIAN OFFICIALDOM HISTORY IN THE MID-NINETEENTH CENTURY 98</p> <p><i>Vaara P.</i> FROM THE KINDRED WARS TO THE PEACE TREATY OF TARTU AND THE KARELIAN LABOR COMMUNE 107</p> <p>Reviews</p> <p><i>Kazakova K. S.</i> The book review: Suleymanova, O. A. Migrants and things: resettlement experience and household adaptation of urban families in the Kola North 114</p> <p><i>Umnov V. P.</i> The book review: Kalinina, E. A. From the Physical Education and Military Training Department to the Institute of Physical Culture, Sports and Tourism (Historical essay) 117</p> <p>Anniversary</p> <p>Celebrating the 75th birthday anniversary of Pyotr M. Zaykov 119</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Pashkov A. M.</i> International conference “The Border of the Nishstadt Peace – the Line of Peter the Great” 121</p>
--	---

КАРЕЛИЯ: 100 ЛЕТ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 1920–2020

Издание посвящено 100-летию государственности Карелии. Охватывает период от Великих реформ Александра Второго до наших дней. Статьи написаны преподавателями Карельского филиала РАНХиГС, ПетрГУ, сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН и др. Авторский коллектив ставил перед собой задачу дать непредвзятую оценку столетнему периоду исторического, экономического, культурного развития края с учетом современного уровня научных знаний, показать формирование управленческо-политических и правовых институтов РК. Исследование носит полидисциплинарный характер, статьи имеют проблемно-тематическую взаимосвязь.

Издание адресовано ученым, преподавателям, аспирантам и студентам высших учебных заведений, специалистам органов государственной и муниципальной власти, сектора НКО и бизнеса, интересующимся региональными аспектами и историческими предпосылками развития РК.

Карелия: 100 лет государственности : коллективная монография / под ред. Р. Р. Пивненко; автор предисл. В. Г. Баданов. Карельский филиал РАНХиГС. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021. – 354 с.

Е. А. Калинина

ОТ ВОЕННО-ФИЗКУЛЬТУРНОЙ КАФЕДРЫ К ИНСТИТУТУ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И ТУРИЗМА 1931–2021

Книга посвящена становлению и развитию высшего физкультурного образования в Карелии. Рассмотрены основные этапы развития военно-физкультурной кафедры, факультета физического воспитания Карельского педагогического института и Института физической культуры, спорта и туризма ПетрГУ.

Издание представляет историко-познавательный интерес для выпускников факультетов физической культуры КГПИ, студентов ПетрГУ, учителей общеобразовательных школ и тренеров.

Калинина, Елена Александровна. От военно-физкультурной кафедры к Институту физической культуры, спорта и туризма (Исторический очерк) / Е. А. Калинина ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2021. – 343 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

О. А. Сулейманова

МИГРАНТЫ И ВЕЩИ

Монография посвящена изучению вещевое поведения городских жителей Кольского Севера в контексте миграционных процессов. Рассмотрен широкий спектр проблем, связанный с культурой повседневности и предметным миром современной городской семьи, жизнью вещей в современной культуре, с обстоятельствами их перемещения у разных групп вынужденных и добровольных переселенцев на Кольский полуостров в советский и постсоветский периоды. Особое внимание уделяется смыслам, которыми наделяются вещи в семье, и значению разных типов вещей для адаптации к новому месту жительства и к условиям арктической территории. Исследование основано на полевых, опубликованных и архивных источниках. Снабжено иллюстрациями.

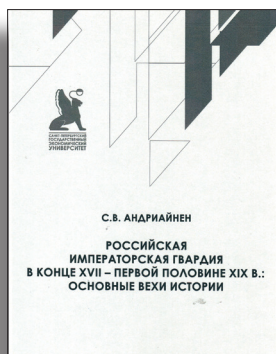
Для антропологов, этнографов, историков, краеведов, культурологов, педагогов, музейных работников и широкого круга читателей, интересующихся историей и материально-бытовой культурой семей Крайнего Севера России.

Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: Опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера / О. А. Сулейманова; Кольский научный центр РАН. М.: Наука, 2021. 191 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

С. В. Андрияинен

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ В КОНЦЕ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ

В монографии анализируется история гвардии Российской империи от момента ее возникновения в конце XVII в. и до середины XIX в. В книге прослеживаются основные этапы российской императорской гвардии как военного и государственного института, связи и взаимовлияние русской гвардии и европейских подразделений аналогичного назначения.

Монография может быть интересна специалистам по военной и политической истории России, а также любителям военного дела.

Андрияинен С. В. Российская императорская гвардия в конце XVII – первой половине XIX в.: основные вехи истории / С. В. Андрияинен. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. – 314 с.